ФОНД «ТОТАЛЬНЫЙ ДИКТАНТ» НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

#ТОТСБОРНИК

Сборник научных трудов по материалам Тотального диктанта

Выпуск 4

Ответственный редактор *Н.Б. Кошкарёва*

Москва Издательство «Словари XXI века» 2019 УДК 808.2 ББК 81.2Рус-8 Т 63

Ответственный редактор

д-р филол. наук, профессор Н. Б. Кошкарёва

Рецензенты:

д-р филол. наук, профессор Л. И. Горбунова, канд. филол. наук, доцент Н. С. Милянчук

Редколлегия: д-р филол. наук Н.Б. Кошкарёва (отв. редактор), канд. филол. наук Е.В. Арутюнова, канд. филол. наук Т.И. Белица, С.В. Друговейко-Должанская, Т.А. Заковряшина, д-р филол. наук И.Е. Ким, канд. филол. наук Е.С. Кузнецова, канд. филол. наук В.М. Пахомов, канд. филол. наук Ю.А. Сафонова, канд. филол. наук Е.Н. Сорокина, канд. филол. наук Н.В. Чуйкина (Эстония), канд. филол. наук М.В. Шпильман,

М. В. Александрова (редактор аннотаций на английском языке).

Т 63 **#ТОТСБОРНИК**: Сборник научных трудов по материалам Тотального диктанта. Вып. 4 / Отв. ред. Н. Б. Кошкарёва. — М., 2019. — 192 с. ISBN 978-5-9909263-5-6

В сборник входят статьи, посвященные актуальным проблемам русской орфографии и пунктуации, а также вопросам речевой культуры, тенденциям развития и специфике преподавания современного русского языка. Материалом для исследования в большинстве статей стали тексты Тотального диктанта — международной просветительской акции, целью которой является привлечение внимания к вопросам грамотности и повышение ее уровня. Часть материалов представляет собой переработанные тексты докладов, представленных на VII Международной научно-практической конференции Тотального диктанта «Динамические процессы в современном русском языке» (31 января — 2 февраля 2019 г., Новосибирский государственный университет).

Сборник представляет интерес для специалистов, работающих в области орфографии и пунктуации, культуры речи, для преподавателей русского языка в высших и средних учебных заведениях, а также для всех интересующихся вопросами русистики.

УДК 808.2 ББК 81.2Рvc-8

- © Фонд «Тотальный диктант», 2019
- © Новосибирский государственный университет, 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

Динамические процессы в современном русском языке и культура речи

Евграфова С. М. Заметки о современном литературном языке
Сафонова Ю. А. Грамматические уроки Октября
Терентьева А. О., Жукова Т. В. Адаптация заимствованных слов носителями русского языка
Северская О. И. Откуда у кильки стрейчевые окна? (о паронимии и орфографии)46
Орфография
Арутюнова Е.В. В топонимической паутине улиц
Чабаненко М.Г., Денисова Э.С. Обыденная метаязыковая рефлексия как способ определения приоритетности орфографического варианта
Дудина Е.П. Прием алгоритмизации правила как инструмент коррекции орфографической грамотности взрослых (на примере правописания Н и НН в словах разных частей речи)81
Николенкова Н.В. Из истории русской орфографии: допетровский период89
Григорьева Т. М. Невоплощенные замыслы реформы русской орфографии (фонетический аспект)
Пунктуация
<i>Ким И. Е.</i> Одиночные и парные пунктуационные знаки: 30на неразличения115

ДИНАМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ И КУЛЬТУРА РЕЧИ

УДК 81'271

С.М. Евграфова

ЗАМЕТКИ О СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Литературный язык — свод языковых норм, обучение ему — заучивание правил и списков правильных форм; нормы не соблюдаются. Государственный язык защищает нормы в официальной и публичной речи, смешивает язык документов и литературный. Альтернатива (В.М. Живов): цель литературного языка — оформление мысли, создание духовных ценностей; текст — отпечаток языковых черт тех культур, с которыми себя отождествляет автор. Вокруг нас три культуры: коммуникативная (воздействует через СМИ), когнитивная (отражает опыт познания) и архаичная (обеспечивает обмен информацией).

Ключевые слова: литературный язык, государственный язык, языковые нормы, мыслеформирующая функция языка, социокультурные маркеры, речевой образец, обучение русскому языку.

Хотели как лучше, а получилось...

Катастрофические результаты обучения русскому языку в школе требуют всестороннего анализа причин происходящего; автору данной статьи уже доводилось обсуждать и цивилизационные изменения, создающие для ученика трудности в понимании текста [Евграфова, 2017; Евграфова, 2018а], и недостатки, свойственные текстам учебников [Евграфова, 2018б]. Однако для разработки действительно результативных методик обучения и учебных материалов необходимо прежде всего четко ответить на вопрос, каких знаний, умений, навыков и компетенций следует добиваться от рядового выпускника школы и как их можно проверить.

С первого взгляда в глаза бросается необходимость научить школьника письму, но гораздо более существенная и сложно формируемая компетенция, которой должен овладеть ребенок за время обучения в школе, — это умение корректно пользоваться литературным языком.

На освоение литературного языка ориентирует ФГОС, называющий среди прочих целей «овладение основными стилистическими ресурсами

[©] С. М. Евграфова, 2019

лексики и фразеологии языка, основными нормами литературного языка (орфоэпическими, лексическими, грамматическими, орфографическими, пунктуационными), нормами речевого этикета; приобретение опыта их использования в речевой практике при создании устных и письменных высказываний; стремление к речевому самосовершенствованию» 1. В разделе «Метапредметные результаты освоения основной образовательной программы основного общего образования»: в п. 8 упоминается «смысловое чтение», а в п. 10 — «умение осознанно использовать речевые средства в соответствии с задачей коммуникации для выражения своих чувств, мыслей и потребностей; планирования и регуляции своей деятельности; владение устной и письменной речью, монологической контекстной речью» [Там же].

По окончании 11 классов предполагается «свободное использование словарного запаса, развитие культуры владения русским литературным языком во всей полноте его функциональных возможностей в соответствии с нормами устной и письменной речи, правилами русского речевого этикета» 2. Среди результатов обучения русскому языку называются «сформированность понятий о нормах русского литературного языка и применение знаний о них в речевой практике», «владение умением анализировать текст с точки зрения наличия в нем явной и скрытой, основной и второстепенной информации», «владение навыками самоанализа и самооценки на основе наблюдений за собственной речью» [Там же].

Очевидно, что восьмиклассник, написавший «обеснительную записку» (на просторах интернета можно найти фотографию этого фантастического текста: Я Федоров Игорь небыл в школе 11.04 чесла по томушто что я ходил с мамой в полеклильнику, к Нерву Патологу), о нормах литературного языка не слышал. Вряд ли наблюдают за собственной речью и оценивают себя журналисты, породившие заголовки: «Лужков назвал свою причину убийства Немцова» или «Найден 35000-летний череп современного человека».

Обычным явлением стало сейчас неумение пересказывать текст. Студенты-переводоведы получили задание охарактеризовать стиль и, убрав экспрессивность, точно передать смысл такого отрывка из книги журналиста Елены Трегубовой «Байки кремлевского диггера»:

Дедушкины медицинские показатели надежно защищали журналистский пул от всей этой насажденной Путиным бодрой мальчишеской мельтешни туда-сюда по миру задрав штаны. Прежде, из-за постоянных ель-

¹ URL: http://www.ug.ru/new_standards/4

² URL: https://base.garant.ru/70188902/8ef641d3b80ff01d34be16ce9bafc6e0/

цинских болезней, выездной жанр в жизни кремлевского пула был редок и изыскан.

Не будем обсуждать, почему студенты плохо выполнили стилистический анализ отрывка. Скажу лишь, что они способны увидеть отдельные яркие черты (пул — англицизм, мельтешня — разговорное), но характеризуют их некорректно (задрав штаны — крылатое слово, дедушкины показатели — эпитет) и далеко не все обращают внимание на склонность автора смешивать разговорное с официальным.

Хуже, что пересказать содержание нейтральным языком многим оказалось не под силу. Конечно, были представлены и совершенно разумные версии, например:

Состояние здоровья Б. Н. Ельцина избавляло журналистов от необходимости регулярно ездить по миру. Это стало обычным делом уже при В. В. Путине. Прежде из-за проблем со здоровьем Б. Н. Ельцина выездные командировки были крайне редки.

Иногда, поняв смысл отрывка, студент дополнял авторский смысл собственными соображениями, хотя об этом его не просили:

В.В. Путин считал, что российским государственным деятелям необходимо чаще выезжать за границу для устройства внешней политики. Однако это было невозможно из-за слабого здоровья Б. Н. Ельцина. По причине частых заболеваний Бориса Николаевича государственный аппарат, а вместе с ним и журналисты Кремля, редко совершали выезды за рубеж.

Вероятно, в процессе интерпретации текста студент не отличает «чужое слово» от «своего» (эту важнейшую компетенцию школа не формирует, хотя никакая творческая деятельность невозможна, если человек не отличает полученной извне информации от той, к которой он пришел сам, в результате собственных умозаключений и озарений).

Но еще больше удивил и огорчил общий результат: многие студенты, зная, что В.В. Путин сменил Б. Н. Ельцина на посту президента, не в состоянии выстроить временной план повествования, они неверно определяют, к кому относится утверждение (\mathbb{N} 2, 2, 5, 6); используют некорректные словосочетания (подчеркнуты); не замечают противоречий в собственном тексте (все примеры); оставляют нетронутыми недопонятые выражения или некорректно заменяют их (хотя задания выполняли дома, не спешили и могли пользоваться интернет-словарями). Вот примеры.

1. При Путине кремлевские журналисты были надежно <u>защищены</u> <u>от постоянных выездных командировок</u>. При Ельцине подобные командировки были редкими, т. к. он часто болел.

- 2. Медицинские показатели Б.Н. Ельцина <u>сохраняли</u> журналистский пул <u>от деятельности</u> В.В. Путина. Прежде, во времена болезни Б.Н. Ельцина, выездной жанр в жизни кремлевского пула высоко ценился.
- 3. Дедушкины медицинские показатели надежно защищали группу журналистов от <u>насажденной</u> Путиным <u>суеты по миру</u>. Прежде <u>выездной жанр корреспондентов</u>, освещающих деятельность президента РФ, был редким и изысканным ввиду частых болезней Ельцина.
- 4. Дедушкино здоровье надежно защищало группу журналистов от всей этой внедренной Путиным мальчишеской суеты туда-сюда по миру. Раньше, из-за постоянных болезней Ельцина, какие-либо поездки кремлевской группы журналистов были редкими и изысканными.
- 5. Из-за медицинских показателей дедушки журналистский <u>пул избегал</u> частых зарубежных <u>поездок, учрежденных</u> Путиным. Ранее, из-за постоянных болезней Ельцина, кремлевский пул путешествовал редко, и каждая поездка была особенной.
- 6. Из-за плохого состояния здоровья Ельцина, журналисты перестали ездить в заграничные командировки, организованные Путиным. Раньше, по причине частых болезней Ельцина, журналисты, освещающие деятельность президента, редко выезжали за границу.

Заметим, что далеко не все смогли устранить экспрессивность, а «переводя» экспрессивный текст в нейтральный, многие студенты выбирают конструкции, свойственные официальной речи. По-видимому, текст, насыщенный канцеляризмами, воспринимается ими как вполне нейтральный и противостоит грубоватому, ироничному авторскому стилю.

Позже мы вернемся к размышлениям о канцеляризмах. А пока можно лишь констатировать: заявленные во ФГОС цели и ожидаемые результаты обучения русскому языку не достигнуты ни студентами-переводоведами, ни журналистами; хотя и те и другие пишут, соблюдая правила орфографии и пунктуации, они не могут понять и пересказать несложный текст, не знают норм сочетаемости и не владеют искусством менять речь в зависимости от стилистического регистра, не контролируют собственную речевую деятельность. Впрочем, школьники, чьи интересы далеки от филологии, не владеют даже элементарными нормами правописания.

Все мы, филологи, как и авторы ФГОС, привыкли думать, что образованный человек должен владеть всеми (или хотя бы основными) нормами русского литературного (кодифицированного) языка, и редко задумываемся о том, что предписанные нам словарями и справочниками нормы (так на-

зываемые прескриптивные нормы, которые охраняют язык как наследие культуры и должны формировать обучение русскому языку в школе и в вузе и регулировать наше самообучение), слишком далеки от того, что мы читаем и слышим вокруг себя (именно этот языковой материал подсознательно формирует наши представления об узуальных нормах). Однако языковой материал, который мы ежедневно слышим вокруг себя, явно не соответствует прескриптивным нормам.

Каждый пишет, как он слышит...

На нашу речь, устную и письменную, сильно влияет то, что мы слышим и читаем. Школьники слушают музыку, смотрят развлекательные программы, книг читают мало, зато интернет — постоянно.

Оценим размещенный в интернете текст, претендующий на то, чтобы разъяснить профанам смысл некоторого понятия 3 .

Косноязычность — патология речи, нечленораздельность и невнятность языка. Молчание для косноязычного — золото, но и оно не спасает наиболее ярких его представителей — глаза и невербальные сигналы все равно посылают сигналы о глупости и невежестве косноязычного. Диагностика косноязычия необычайно проста: если слышишь в речи слова-паразиты: вот, типа, как бы, если речь изобилует звуками «ммм» или «эээ», если человек мямлит, лепечет какую-то несуразную глупость, значит, перед вами во всей «красе» косноязычность. Иногда косноязычить означает — гнусить, заикаться, картавить, шепелявить, пришепетывать, сюсюкать, говорить в нос (под нос), словом, проявлять неразборчивость и неотчетливость речи, как в звуковом, так и в смысловом контексте.

Начнем с того, что слов *косноязычность* и *косноязычить* нет в Большом толковом словаре, представленном на сайте www.gramota.ru; первое, правда, указано в Орфографическом (оба есть в не слишком популярном у профессионалов электронном словаре Ефремовой); однако нормативным является все-таки вариант *косноязычие*.

В Большом толковом словаре косноязычие определяется так.

КОСНОЯЗЫЧИЕ, -я; ср. 1. Неспособность четко произносить некоторые звуки; невнятное, неясное произношение. *Страдать косноязычием*. 2. Неумение владеть речью, говорить свободно, не спотыкаясь. *К. выступающего утомляло*.

³ URL: https://podskazki.info/kosnoyazychnost/

Оказывается, интернет-автор неправомерно расширяет понятие: он вначале говорит о патологии речи, а потом — о глупости любого, кто страдает косноязычием. При этом в число диагностических признаков попадают пресловутые слова-паразиты (заполненные паузы хезитации), которые обусловлены спонтанностью речи и свойственны любому человеку, особенно в тех случаях, когда он в процессе выступления продумывает точность формулировок. Незнание этого обличает в авторе непрофессионала. Его лексические предпочтения таковы.

Эмоционально окрашенная и оценочная лексика: глупость, невежество, диагностика проста, слова-паразиты, несуразная глупость.

«Интеллектуальная» лексика, термины: *патология речи*, *нечленораздельность*, *невербальные сигналы*, *диагностика*, *контекст*.

Некорректное употребление «интеллектуальной» лексики: нечленораздельность и невнятность языка; невербальные сигналы все равно посылают сигналы о глупости; проявлять неразборчивость речи; проявлять неотчетливость речи; в звуковом контексте; в смысловом контексте.

Разговорная речь: не спасает; если слышишь... значит, перед вами...; мямлит, лепечет, гнусить, несуразный.

Литературная лексика и фразеология: невежество; яркие представители (публ.); молчание — золото; речь изобилует; во всей красе; пришелетывать.

Заметим: автор практически не использует слов и конструкций, свойственных официально-деловой речи; он пытается демонстрировать свою «интеллектуальность», но обилие ошибок именно в употреблении терминов и интеллектуальной лексики обнажает его невежество.

Добавим: наличие некорректных словосочетаний, в которые входит лексика некоего класса, свидетельствует о пассивном знакомстве с ней, а значит, не стоит полагаться на профессионализм суждений пишущего: он, подобно гоголевским чиновникам, предпочитает «не быть, а казаться». Это прекрасный диагностический признак, который помогает отбраковывать некачественные источники информации; проверять качество интернет-текстов по стилистическим признакам очень полезно при работе со старше-классниками.

А вот иные образцы языкового материала из интернета. Заглянув на «Островок позитива», мы обнаружим открытки с шедеврами такого типа: Бывает сущий депресняк и вещи валятся из рук, и полный бесперспективняк, и приближается каюк... А ты наплюй на это все с высокой белой колокольни, прям через левое плечо! И проведи свой день прикольно! (пунктуация оригинала).

Можно почитать «Яндекс.Дзен» — о науке 4:

Продолжая тему расширения вселенной, разберемся со следующим часто встречающимся вопросом. Поскольку пространство расширяется во все стороны, почему некоторые галактики сталкиваются друг с другом, а не убегают друг от друга? Кратко. Потому что гравитация. <...>

Вероятно, большинство читателей считают, что в этом нет парадокса. Пространство может расти, в то же время не нарушая структуры, связанные прочным связующим, благодаря основным взаимодействиям. Атомы остаются цельными из-за твердого электромагнетизма и еще более сильного ядерного взаимодействия. Ситуация несколько усложняется гравитацией потому что, гравитационное притяжение действительно безнадежно слабое. В этой связи эта сила может противостоять давлению растягивающейся вселенной, но только до определенной точки, находящийся на больших расстояниях. Возможно растягивание пространства является результатом темной энергии возможно, другая «сила» или неизвестное свойство вакуума.

Понять и пересказать такой текст невозможно, ошибок разных типов немало.

Не будем множить примеры, вывод очевиден: точность и изящество выражения мысли сейчас не в моде — нынче в моде эффектность формы и эффективность воздействия на собеседника (см. об этом [Евграфова, 2014а, 2014б]). Но ведь именно в идеальном соответствии смысла и формы, в которую он воплощается, и есть цель существования литературного языка...

Все это было... Было?

В истории русского литературного языка переживаемый нами кризис, порожденный разрывом между устаревшим эстетическим идеалом и реальностью, далеко не первый. Этот вопрос исследовали В.В. Виноградов [Виноградов, 1978, 1982], А.М. Селищев [Селищев, 2003], В.М. Живов [Живов, 2009, 2017]. Они показали: были волны заимствований — польских, немецких, французских; были безвкусные смешения церковнославянского с простонародным, а французского с нижегородским; была революция, сломавшая старые стилистические нормы. Постепенно чужое, но полезное приживалось, а бесполезное и непонятное забывалось. Благодаря знанию истории русского литературного языка создается успокаивающее впечатление, что наш «переимчивый», как писал А.С. Пушкин, язык вот-вот все преодолеет.

 $^{^4 \}quad URL: \quad https://zen.yandex.ru/media/kosmos-x.net.ru/pochemu-vselennaia-rastet-a-galaktika-andromeda-priblijaetsia-5c470251e7f3ca00addc3b1e$

В. В. Виноградов, один из крупнейших исследователей русского литературного языка, подчеркивал, что единого представления об этом важнейшем понятии не существует. Одни сформировали свои представления, опираясь на языки Нового времени с богатой художественной литературой, — для них это обработанный общенародный язык. Другие, имея в виду языки со старой письменной культурой, склонны считать литературным книжнописьменный язык — в противоположность живой, разговорной речи. Третьи противопоставляют литературный язык диалектам и жаргонам по признаку общезначимости.

Сам ученый считал, что в литературном языке отражаются все проявления культуры: «Литературный язык — общий язык письменности того или иного народа, а иногда нескольких народов — язык официально-деловых документов, школьного обучения, письменно-бытового общения, науки, публицистики, художественной литературы, всех проявлений культуры, выражающихся в словесной форме, чаще письменной, но иногда и устной. Вот почему различаются письменно-книжная и устно-разговорная формы литературного языка, возникновение, соотношение и взаимодействие которых подчинены определенным историческим закономерностям» [Виноградов, 1978, с. 288].

В. М. Живов, сопоставляя литературный язык и язык бытового общения, подчеркивал, что у них различные функции: первый «обслуживает культуру, т. е. сознаваемую традицию, второй служит ситуативной коммуникации» [Живов, 2017, с. 21]. Подкрепляя свою мысль, ученый процитировал старую работу Н. С. Трубецкого: «Настоящий литературный язык является орудием духовной культуры и предназначается для разработки, развития и углубления изящной литературы в собственном смысле слова, но и научной, философской, религиозной и политической мысли. Для этих целей ему приходится иметь совершенно иной словарь и иной синтаксис, чем те, которыми довольствуются народные говоры» [Там же].

Все эти авторитетные взгляды на литературный язык объединяет убежденность в том, что литературный язык — это постоянно используемый инструмент, который духовно развитые носители языка добровольно и творчески применяют при создании новых культурных ценностей (преимущественно письменных текстов). Обратим внимание: В.В. Виноградов признавал существование устной формы литературного языка; В.М. Живов рассматривает только письменную речь, над которой человек думает, которую он шлифует и исправляет, стремясь к точным формулировкам собственных мыслей.

Вероятно, сейчас устная форма литературного языка может быть признана его периферией, хотя исторически — во времена расцвета ораторского

искусства, до широкого распространения письменности — именно устная форма публичной речи была наиболее развитой. Она не была ситуативна, ее продумывали, выстраивали композицию, подбирали выразительную лексику, строили выразительные синтаксические фигуры, а потом заучивали и выразительно исполняли. Во времена Грибоедова, наверное, такое было уже редкостью: недаром Фамусов говорил, что Чацкий «говорит, как пишет». В наше время устное выступление готовят, используя письменную форму речи (записывают тезисы, примеры), но в любой подготовленной речи всегда есть элемент импровизации; именно поэтому даже лучшие лекторы и докладчики, не читающие по бумажке, все-таки допускают паузы хезитации и незначительные оговорки.

Обобщая, можно сказать: литературный язык — это продукт той ступени цивилизации, когда письменность дала человеку возможность оттачивать свои мысли и передавать и сохранять их, преодолевая пространство и время. Главными умениями, которые выработались в ту эпоху, стали глубокая языковая рефлексия и самоконтроль, направленный на поиск оптимальной формы, которая может выразить некое содержание.

В той научной традиции, которой следует школа, сама идея литературного языка сопряжена с понятием нормы. То есть школа ориентирует ученика не на точность выражения мысли и размышления о способах это сделать, а на поиск ошибок и способы их исправления. И в конце концов оказывается, что содержание мысли можно игнорировать — достаточно заучить список самых распространенных неправильностей.

В. М. Живов ищет в текстах не отклонения от абстрактно существующей нормы, а отсылки к определенным культурным коннотациям; отмечает, что литературный язык всегда неоднороден, это его сущностное свойство: «гетерогенные элементы нужны носителю языка не для прихоти, а для вполне содержательных целей: для указания на его социокультурные интенции, для обозначения своего социального статуса или статуса адресата сообщения, для фиксации историко-культурных коннотаций сообщаемой информации и т. д. Такие задачи встают перед носителем языка постоянно, практически в любом типе его речевой деятельности <...>. Гетерогенность присутствует именно в силу того, что социокультурные параметры неустранимы из речевой деятельности...» [Там же, с. 13].

Но проблема в том, что культура, с которой готов соотносить себя автор современного текста, в последние десятилетия резко изменилась: она отвергает традиции и обращена к новым технологиям, новым типам отношений, новым ценностям. Эпоха господства традиционной культуры, ориентированной на воспроизведение образа жизни предков (в терминологии культу-

ролога Маргарет Мид — это культура постфигуративного типа [Мид, 1988, с. 322]), ушла: наши ученики живут в условиях господства культуры кофигуративного типа — подражают тому, что видят вокруг. Они учатся писать и выходить в интернет раньше, чем у них формируются хоть какие-нибудь представления о точности мысли и культуре. Письменность не просто десакрализована — она стала ключом для входа в виртуальный мир, где никому нет дела до точности, зато можно играть, получать лайки, обмениваться с друзьями фотографиями, слыша в ответ «Крууууто!» или «Жесть!».

В результате в речи младшего поколения элементы, соответствующие нормам, смешиваются с ненормативными и стилистически неуместными. В. М. Живов говорит о гетерогенности любых реально наблюдаемых текстов [Живов, 2017, с. 12], имея в виду, что в них непредсказуемо сочетаются активные — нормативные и аномально образованные; пассивные — устаревшие, пассивные и потенциальные, созданные в процессе речепорождения элементы.

В школе не говорят о разных культурах: там существует только одна культура — строго нормативная. Наблюдаемое остается необъясненным, и в такой ситуации школа вводит списки того, что должен знать «образованный» человек: список паронимов, список слов с правильно поставленными ударениями, перечень правил, которые нужно выучить назубок, список рекомендуемых в тех или иных случаях речевых клише и даже список примерных соответствий между темами-проблемами анализируемых текстов и рекомендуемыми источниками аргументов (проблема эгоцентризма — «Преступление и наказание» и т. п.). Чего нельзя задать списком — то освоят только люди, одаренные языковым чутьем, читающие много хорошей литературы, остальные будут писать и говорить как Бог на душу положит. И уровень творческого, осмысленного владения родным языком у рядового носителя языка будет только падать.

Где, укажите нам, отечества отцы, которых мы должны принять за образцы?

Реализация социокультурных функций языка, о которых пишет В. М. Живов, является специфическим отражением функции социальной самоидентификации. Необходимость стать «своим» для тех, кто нравится, с кем комфортно, и способность к имитации приводят к стилизации, к подражанию (об этом явлении см. подробнее в [Евграфова, 2016]).

Для подражания всегда нужен образец: можно писать стихи «под Блока», а можно прозу «под Толстого»; можно говорить нараспев, как любимый учитель, а можно материться, как могучий двоечник из соседнего класса. Когда-то молодой Александр Архангельский услышал резкий отзыв Блока о своих блокоподобных творениях — и стал гениальным пародистом, хотя писать свое перестал. В нашей подражательной («кофигуративной») культуре цитация-имитация не считается постыдной даже в творчестве (культура постмодернизма), а в быту все следуют моде и внимательно вглядываются в каждый жест очередной «иконы стиля».

Огромную роль в формировании речевых образцов играют средства массовой информации. Опрос студентов показал, что образцами хорошей речи многие считают Ксению Собчак, Ивана Урганта, Ивана Охлобыстина, Тину Канделаки, Матвея Ганапольского, Владимира Соловьева, Максима Шевченко. Их ценят за быструю реакцию, остроумие, владение литературным языком, умение отстаивать свою позицию (подробнее об этом см. [Евграфова, 20146, с. 270]).

Присмотримся к диалогу И. Урганта и И. Охлобыстина в передаче «Вечерний Ургант» (№ 1052 от 04.12.2018). Ургант, представляя гостя, то говорит, то зачитывает текст; речь быстрая, дикция не всегда четкая:

В конце ноября вышла в свет новая книга Ивана Охлобыстина, человека, которого мы знаем как актера, как продюсера, как режиссера, как сценариста, под названием э-э-э-э «Запах фиалки». Автор встретится с читателями 4 декабря в Московском Доме книги. Можно будет прийти [притти] — подписать, поговорить, задать вопросы. Мы нечасто приглашаем Ивана в качестве писателя, и сегодня просто спешим это сделать. У нас в гостях писа-а-атель Иван Охлобыстин. Пожалуйста!

Ургант представляет гостя, явно пародируя сам жанр подобных представлений: он использует затертые клише. Они настолько контрастируют с его репутацией оригинала, что звучат иронично (этому способствует нарочитая напыщенность интонации).

Дальше актеры вступают в диалог:

- Итак... И снова... и снова книга. Добрый вечер, дорогой Иван! Дорогой Иван, добрый вечер!
- Добрый вечер, Иван!
- Как поживаете, дорогой Иван?
- Вы знаете, лучше, чем всегда, а всегда офигительно.

Нарочитые повторы стандартных этикетных формул, которые усиливается тем, что ведущий и гость — тезки, Охлобыстин ломает сниженным

офигительно. Далее Ургант начинает рассказ о книге, который тоже оказывается пародией. Он обыгрывает контраст между заглавием и иллюстрацией на обложке.

— Очень рад, что вы хорошо поживаете, и нам очень приятно пригласить вас именно в качестве писателя. Книга «Запах фиалки». Я, когда узнал название книги, я подумал: ну наконец-то! Как не хватает нам в это непростое, нелегкое, бушующее страстями, кипящее время, раздирающее всех нас на части, вот таких вот книг — про цветы, про нежность, про ароматы. И... я подумал: дело Виталия Бианки же должен кто-то продолжать. Кто-то же должен писать про маленького паучка, который подполз к фиалке, и почувствовал ее запах, и превратился в бабочку! Но я взял книгу, а на обложке я увидел вот это...

Ургант пародирует пафосный, «одический» стиль: риторические восклицания, обилие эпитетов, избыточных однородных членов (это явление анализируется в [Евграфова, 2014а, с. 250–252]), нарочитая бессодержательность.

Вопрос, который задает Ургант Охлобыстину, касается оформления обложки, явно не соответствующей «цветочному» заглавию:

- Иван, расскажите, пожалуйста, немножко про... Кто выбирал обложку для книги «Запах фиалки»?
- О... Выбирал издатель. Я всегда в этих вопросах... ну... в силу того, что не очень образован, будем говорить, не настолько... доверяюсь профессионалам. Они лучше знают рынок. Ну, будь моя воля, конечно, — была бы просто моя фотография и с этой стороны...
- Она вот с этой стороны...
- Да, она вот здесь.
- Ну она тоже отпугивает детей. Но это все-таки, согласитесь...
- Да, ну это выраженный концепт. Это вот о самой книге. Книга это такой, знаете, патриотический dep-medal (?) с пряным... восточной ноткой... такой звонкий колокольчик... утешения после взрыва...
- Иваан!!! Как не хватало нам подобных книг! Расскажите... ну и... я так понимаю, что, да, соответственно, судьба журналиста...
- Да, да... книга повествует, разумеется, там сюжет... я не могу, я бывший сценарист, а бывших сценаристов не бывает, я вгиковец, альма-матер приучила меня, что обязательно должен быть сюжет...
- Это очень важно для книг!
- Понятно, имя и фамилия главного героя... Ну вот такие обязательные...
- -A вот, кстати, как зовут главного героя в этой книге?

- Главного героя в этой книге могут звать Сергей... Не-не-не...
- Ну вот у меня тут написано, что его зовут Александр Кала(н)чев.
- *Да!*
- Молодец! Видали вы таких писателей? Молодец! Написал и забыл!
- Вот. Потом, значит, одно из важных требований... Описание э-э-э вот... идеальный текст должен звучать как все четыре возможности осязания мира... Идеальный текст может звучать так: «Он шел, по щиколотку погружаясь в теплую черную глину, по направлению к виднеющемуся впереди сосновому бору, в воздухе явственно пахло паленой резиной, и где-то оглушительно свистел коростель». Вот то есть: экин, тактильное... <...>

Диалог пародирует разговоры «о высоком»; его трудно назвать образцом для подражания, если иметь в виду освоение правильной речи, но он вызывает, судя по комментариям, восторг:

Охлобыстин впенсне один в один как героиня Раневской, которая читает свой роман издателю и сама же плачет от прочитанного... Браво, точное попадание!

Один из удачных выпусков! Легко, симпатично смешно САМОиронично ... даже показалось, что у нас все кругом хорошо и даже здорово.. показалось... Спасибо, ребята!

У Вас в гостях такие Монстры (в хорошем смысле этого слова) Замечательный актер, сценарист (Чего только Соловей разбойник стоит!!!!) и писатель, Отец 6 ти !!! детей. Респект и спасибо огромное за доставленное удовольствие!

Оценивается личность (нестандартность ее звездного статуса) и чувство юмора, способность иронизировать над чем угодно — над английской литературой, над своей образованностью, над любовью к собственным детям. Содержание сказанного значения не имеет: важна лишь готовность безудержно острить, принцип «Ради красного словца не пожалеет и отца» словно заменяет ум (знания и способность здраво судить и логично и убедительно рассуждать).

Эта культура виртуальна и коммуникативна (почти антикогнитивна): быстрая и смешная реакция важнее умения думать, осмысливать, точно формулировать. Для этой культуры важны знаковые фигуры, предметы, оценки. Она существует рядом с бытовым общением, но не опирается на реальность — лишь на виртуальные ценности; она похожа на площадной театр, в котором вместо Петрушки выступают модные и непременно процветающие персоны. Система оценок, выработанная в рамках этой культуры, отраженным светом падает и на учителя, и на вузовского лектора, и на книги, и на спектакли.

«Иконы стиля» хорошо знают, что их клоунада приносит успех, только если они могут не просто высмеять любого, но и продемонстрировать интеллект (тот же Ургант прекрасно знает имена писателей, их персонажей, актеров, сыгравших в экранизациях, и проч.). Подражая своим кумирам, рядовой носитель языка стремится пополнить свой скудный (в этом признаются сами студенты — см. [Евграфова, 20146, с. 265]) словарный запас никому не известными, а значит, свидетельствующими об образованности говорящего словами. Вот как завлекает желающих повысить эрудицию интернет ⁵:

Скажем вам без экивоков: учение — свет. И никакая это не сентенция, просто мы не хотим, чтобы вас когда-нибудь настигли депривация и фрустрация! Не поняли ничего из вышесказанного? Не страшно, поведаем вам 46 слов, употребляя которые в своей речи, вы будете выглядеть солиднее и мудрее. Сохраняйте атараксию, мы начинаем экскурс!

Далее следует список слов (без указания ударения) и их не всегда корректных толкований; в него попали: аддикция, атараксия, волюнтаризм, гаптофобия, гинекомастия, гипербола, глоссарий, глоссофобия, гомогенный, девиантное поведение, депривация, дефенестрация, дисания, идиосинкразия, инвектива, интерробанг, когнитивный диссонанс, колливубл, конгруэнтность (почему-то превратившаяся в честность, открытость), лемниската, лунула, метросексуал, мондегрин, натиформа, обелюс, палинфразия, парестезия, петрикор, пунт, сентенция, схоластика, таблица Сивцева, текстроверт, трюизм, убиквисты, феррул, фетиш, фильтрум, фосфены, фриссон, фрустрация, эвфемизм, эглет, эгоцентрик, экивоки.

На другом сайте ⁶ представлен иной список — из слов попроще, нередко встречающихся в современных текстах: прагматичный, эпатировать, волонтер, коллизия, суфражистка, кайман, генезис, утрировать, неглиже, амбивалентный, ортодоксальный, кредо, профан, диффамация, раритет, жантильный, интоксикация, епитимья, моногамия, претенциозность, латентный, амбициозный, индифферентный, нотация, экстравагантный, респектабельный, меркантильный, репрессия, легитимный, корсар, голкипер, инцидент, превентивный, тактильный, апогей, скрупулезный, харизма, почетник (!!! — «поклонник, ухаживающий за девушкой, почитатель»), басурман, аберрация, пердимонокль, трансцендентный, остракизм, паритет, апробировать, абитуриент, инвариантный, клеврет, деструктивный,

⁵ URL: https://spektrnews.in.ua/news/46-umnyh-slov-dlya-obscheniya-s-eruditami/25421

⁶ URL: https://shkola-krasoty.com/stati/slova-kotorye-nuzhno-znat-0

аннексия, матримониальный, тенденциозный, проформа, апологет, экзальтированный, синопсис.

Слова сопровождаются не всегда корректными пояснениями, иногда приводится ряд синонимов (точнее — аналогов), но отсутствие контекстов употребления, дифференцирующих контекстов и даже ударений не дает возможности активизировать слово в речи и «стать отличным собеседником», как обещают авторы подобных списков.

Возникает вопрос: почему эти сайты вдруг стали так популярны? Ведь в интернете представлены самые разные словари и энциклопедии, и если человек захочет понять слово в тексте, то ему проще найти его там. Однако «знатоки» предлагают использовать эти слова в речи, и это отражает еще одну тенденцию современной коммуникативно ориентированной культуры: в ней место знаний, эрудиции занимают ярлыки — никому не понятные слова, инкрустированные в речь без соблюдения законов сочетаемости, иногда не отражающие никакого смысла.

И культ остроумия, и мода на употребление непонятных слов — признаки коммуникативной культуры, которая выполняет функции, близкие к функциям изящной словесности прежних времен. Она тяготеет к СМИ и к публичному пространству, обычно носит поликодовый характер (перформанс, видеоряд могут дополняться текстами, мимикой, жестами), интертекстуальна (мемы, цитаты, даже отдельные слова из определенной области). К этому типу культуры можно отнести рекламу.

Описанная выше коммуникативная культура виртуальна, но параллельно ей существует иная культура, по-прежнему нуждающаяся в вербальном отображении реальной деятельности. Эту культуру можно назвать когнитивной, потому что она отображает результаты познания некоторого фрагмента окружающего мира.

Сейчас познание мира — удел не одиночек, а профессиональных сообществ. Любая социальная группа порождает свой язык, причем обычно он используется в нескольких регистрах:

- 1) узкопрофессиональном бытовом, часто сниженном (здесь царит профессиональный жаргон, коммуникация ситуативная, обычно в устной форме, объяснения крайне редки);
- 2) узкопрофессиональном публичном, официальном (употребляется нормированная терминология, фиксированы жанры общения, форма чаще письменная, тексты не допускают опоры на ситуацию, неоднозначные толкования в них разъясняются, тексты часто получают статус официального документа например, статья или автореферат диссертации);

- 3) профессиональном обучающем (употребляется терминология, почти всегда с объяснениями, изредка с отсылкой к жаргону);
- 4) адаптирующем (используется при необходимости разъяснять суть профессиональной проблемы непрофессионалу, чтобы уговорить его приобрести результат труда и научить им пользоваться.

Третий и четвертый регистры выполняют функции, свойственные классическому литературному языку. Узкие профессионалы не всегда владеют всеми регистрами — водопроводчики могут обходиться первым, программисты — первым и вторым. Сейчас во многих технических вузах готовят так называемых технических писателей — они владеют отчасти вторым, а также третьим и четвертым. Те, кто владеет всеми четырьмя, — большая редкость. Заметим, что узкоспециальные научные публикации, в отличие от учебно-научных и научно-популярных, к литературному языку надо относить с осторожностью.

Помимо коммуникативной и когнитивной культур, в наши дни существуют и архаичные формы культуры, предназначенные для обмена информацией: это те формы публицистики, для которых информационная составляющая первична, а оценки и формирование имиджа вторичны; это официальная документация; это формы бытового красноречия (публичные, торжественные выступления) и традиционная художественная литература. Их можно отнести к тому, что принято называть литературным языком.

Итак, мы определили типы культур, в которых младшее поколение носителей языка может искать языковые элементы, способные стать признаками социокультурной самоидентификации.

Мы обнаружили, что коммуникативная культура сочетает сленг, бытовую и сниженную лексику и некстати употребляемые «непонятные слова». Вот почему в текстах молодых авторов с большой степенью вероятности встретятся элементы сленга и различных жаргонов — от молодежного до наркоманского.

Ориентация на профессиональную коммуникацию, очевидно, проявит себя во вполне адекватном употреблении терминологии; кроме того, поскольку в текстах учебников нередко встречаются безличные и пассивные конструкции, отглагольные имена и прочие маркеры официально-делового стиля, эти языковые элементы наверняка попадут в речь человека, который хочет продемонстрировать свою интеллектуальность.

Из архаичных культур бытовое красноречие и художественная литература выделяются образностью и использованием тропов и стилистических фигур, а также эмоционально окрашенной лексики. Отдельная особен-

ность — высокая вероятность употребления обсценной лексики и обращения к темам, свойственным культуре просторечия [Химик, 2000], так как в конце советской эпохи поэтика низкого (во многом благодаря произведению «Москва — Петушки» В. Ерофеева) воспринималась как символ приверженности свободе слова и мысли (эта идея ярко воплощена в романе В. Сорокина «Тридцатая любовь Марины»).

Официальная документация обладает характерными коннекторами (предлогами, союзами, вводными словами) и коллокациями; ей свойственны безличные и пассивные конструкции, а также употребление отглагольных существительных, часто — в сочетании с неполнозначными глаголами.

Теперь рассмотрим, как реализуются социокультурные отсылки в информационно насыщенном публицистическом тексте, написанном профессиональным журналистом 7 .

Оборудование на гидропостах безнадежно устарело, оно позволяет лишь констатировать процессы постфактум, а не прогнозировать и влиять на них.

Организовать такую систему для оздоровления рек Обь-Иртышского бассейна при помощи цифровых технологий как раз и предлагают кузбасские ученые. Реализация проекта включает в себя создание так называемого цифрового двойника, или виртуального прототипа бассейна. Суть — в сборе и повторном использовании цифровых данных в течение всего жизненного цикла реального объекта. Но для начала нужно создать его цифровую тень — систему связей и зависимостей, описывающих поведение объекта. Другими словами, реки бассейна в критических точках (местах создания экополигонов) должны быть снабжены современными сенсорными устройствами, или датчиками для гидрологического мониторинга. Но данные с них не просто собираются и обрабатываются, а участвуют в замкнутом цикле информационного обмена между реальным бассейном и его виртуальной, или цифровой моделью.

Эмоционально окрашенная и оценочная лексика: безнадежно устарело. Разговорная лексика: $\kappa a \kappa \ pas$, $\epsilon cymb - \epsilon \dots$

Интеллектуальная лексика: постфактум, констатировать, виртуальный, прототип, сенсорные устройства, мониторинг.

Терминология: гидропосты, гидрологический мониторинг, бассейн, экополигоны, критические точки, цифровая тень, виртуальная (цифровая) модель, виртуальный прототип, жизненный цикл, замкнутый цикл, информационный обмен, поведение объекта, датчики для мониторинга.

 $^{^7} URL: \ https://rg.ru/2019/07/04/reg-sibfo/v-kuzbasse-reshili-ozdoravlivat-reki-pri-pomoshchi-cifrovyh-tehnologij.html$

Конструкции, свойственные официально-деловой речи: при помощи, в течение; данные собираются и обрабатываются; позволяет констатировать, а не прогнозировать и влиять; организовать систему; систему для оздоровления; реализация проекта включает в себя; в сборе и использовании; повторное использование данных; система связей и зависимостей, описывающих...; должны быть снабжены устройствами.

Мы видим, что журналист маркирует свою интеллектуальность, а позиции, которые могли бы быть заняты нейтральными языковыми средствами, заняты тем языковым материалом, который вызывает ассоциацию с официально-деловым стилем. Впрочем, научный стиль также существенно сдвинулся в сторону официально-делового. Из-за обилия конструкций, свойственных официальной речи, этот текст нельзя признать научно-популярным, хотя пишущий поясняет все термины, адаптируя содержание для читателя-профана (правда, некоторые пояснения странны: датики для гидрологического мониторинга = современные сенсорные устройства).

Итак, языковые черты того, что сторонники эстетической нормы середины XVIII — первой трети XIX вв. (согласно которой речи приказных не место в литературе) называют канцеляритом, для информационной журналистики являются манифестацией интеллектуальности. Вспомним: перевод экспрессивного текста в нейтральный тоже сопровождался появлением канцеляризмов.

Это, видимо, связано с тем, что законы вербальной коммуникации требуют, чтобы носители языка различали бытовое и небытовое общение. Точкой отсчета является способность человека различать коммуникативные ситуации — по темам, по характеру отношений с собеседниками, по наличию свидетелей разговора, по наличию помех для общения и проч.

Бытовые ситуации общения весьма разнообразны, но их основное качество заключается в том, что любые последствия общения можно изменить (перевести в шутку, извиниться, объяснить, что изменились обстоятельства). Им всегда противостоит другой тип ситуаций общения, в которых слово становится делом, — это ситуации официальные. Публично высказанное обидное слово становится оскорблением, за которое можно получить приглашение в суд; написанное слово (его не вырубишь топором) превращается в обязательство, за которое приходится отвечать.

И здесь приходится задуматься о соотношении литературного языка, которому мы должны учить в школе, и государственного языка, который в ряде законов подменяет собой термин, с которым у нас и так много проблем в нашей меняющейся цивилизации.

Dura lex?

Понятие литературного языка (основного объекта, изучаемого на уроках русского языка) остается недоопределенным и как бы само собой разумеющимся во многих документах, формирующих принципы обучения русскому языку. К тому же с некоторых пор в число базовых понятий, фигурирующих в различных документах, вошло понятие «государственный язык», плохо проработанное в научной литературе, что еще больше размывает границы того, что следует изучать на уроках русского языка.

В Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ термин *государственный язык* вроде бы приравнивается к понятию «русский язык» (он противопоставлен всем другим языкам народов России и иностранным языкам). Однако уточнить значение термина *государственный язык* следует в Федеральном законе «О государственном языке Российской Федерации» № 53-ФЗ ⁸.

Данный закон обеспечивает русскому языку особый статус, согласно которому

- (1) его следует защищать и поддерживать, так как он обеспечивает взаимопонимание всех народов нашего многонационального государства и способствует развитию их культур;
- (2) в определенных сферах его использование является обязательным (за исключением тех случаев, когда по закону положено использовать другие языки народов России);
- (3) при использовании его в этих сферах он должен соответствовать нормам современного русского литературного языка (актуальные словари и справочники утверждаются особым постановлением Правительства Российской Федерации);
- (4) «при использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации не допускается использования слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка (в том числе нецензурной брани), за исключением иностранных слов, не имеющих общеупотребительных аналогов в русском языке» (ст. 1).

Выглядит все вполне привычно: по описанию это похоже на кодифицированный русский язык, в котором и так не допускается нецензурная брань. Немного настораживает запрет на использование заимствований в тех случаях, если для обозначения соответствующих понятий есть русские слова. Ведь лексикографы, работающие над нормативными словарями и справочниками, попадающими в список, утвержденный правительством,

⁸ Тексты законов можно посмотреть на сайте http://www.consultant.ru.

включают в свои издания разные слова, реально используемые в речи: словари отражают постоянно меняющийся язык, а не эстетические установки правительства.

Но все-таки самая интересная часть разъяснений — это перечень сфер, в которых использование государственного языка является обязательным. Заметим, что в перечень не вошли бытовое общение и творческие произведения.

Во-первых, в перечень вошли все виды деятельности, связанные с осуществлением государством своих функций (делопроизводство и оформление любых официальных документов, присвоение официальных наименований, законодательная деятельность, судопроизводство, международная деятельность и проч.). Традиционно считается, что тексты, создаваемые в этих сферах, следует писать официально-деловым стилем. Е.П. Буторина, исследующая проявления коммуникативной категории официальности в различных видах дискурса [Буторина, 2016, с. 65], подчеркивает, что именно в официальных документах данная коммуникативная категория реализуется в полном объеме, хотя уже в деловой речи или в публицистике многие значимые элементы перестают быть обязательными.

Возможность требовать строгого соблюдения конвенций от участников официальной коммуникации, которая завершается написанием документа, сомнений не вызывает: документооборот поддается регулированию и унификации и требует строгого соблюдения норм, ведь любые неточности в орфографии (название учреждения, имя или фамилия участника и проч.) могут сделать документ непригодным, а некорректная расстановка знаков препинания — привести к неоднозначному толкованию. Документы нельзя излагать своими словами — их можно только цитировать, полностью или фрагментами. Неизменность формы документа (выбор жанра, соответствующих этикетных формул), соблюдение всех ритуально значимых элементов оформления (визы, подписи, печать определенного образца) является обязательным условием его признания.

Однако перечисленные выше свойства резко противоположны свойствам естественного языка, для которого нормальным является многообразие форм отражения одного и того же содержания, причем содержание является первичным. Все это заставляет усомниться в правомерности отнесения языка документов (государственного языка — если считать его инструментом вербального обеспечения функций государства) частью литературного языка, который доступен любому выпускнику школы. Больше оснований считать этот язык одним из языков профессиональных — наравне с языком химии, физики, биологии, математики.

Во-вторых, в перечень сфер, где использование государственного языка является обязательным, вошли публичные коммуникативные пространства — СМИ, реклама, показ фильмов в кинозалах, публичные зрелища. Невозможно себе представить, что все рекламные объявления, телепередачи, спектакли и фильмы должны звучать на языке документов, — поэтому рискнем предположить, что авторы закона хотели сказать, что в публичных пространствах нельзя материться и щеголять неуместными иностранными заимствованиями.

Между прочим, в художественном произведении нелитературная речь часто является необходимым элементом характеристики персонажа. И получается, что в частной жизни (которую, к счастью, пока никто регулировать не пытается) можно материться сколько угодно, писать любые тексты тоже разрешается, но «Дальнобойщиков» по телевизору показывать нельзя, Сергею Шнурову надо запретить выступать, а Алексея Иванова и Виктора Пелевина (да и Пушкина с Маяковским заодно) больше не издавать и из библиотек изъять. Выглядит нереалистично — и пока мы обходимся предупреждениями о возрастных ограничениях на творческую продукцию.

Вывод прост: суть понятия «государственный язык» в законе разъясняется нечетко, сопоставить и развести его с понятием «(кодифицированный) литературный язык» не удается.

Защищать государственный язык должны органы государственной власти, которые должны, в частности, принимать меры «по совершенствованию системы образования и системы подготовки специалистов в области русского языка и преподавателей русского языка как иностранного языка» (ст. 4). Начавшиеся усовершенствования вызывают сомнения и беспокойство, но учителя и сами знают, что защищать русский язык от порчи — их важнейшая задача, тем более что книги и средства массовой информации сейчас в качестве защитников кодифицированного литературного языка выступать не могут: книг никто не читает, да и издают их с орфографическими и пунктуационными ошибками, а в СМИ господствует спонтанная устная и необработанная (естественная) письменная речь [Евграфова, 2013, 2014а]. К тому же учитель тоже общается с учениками не как античный оратор, а как живой человек, и в его речи неизбежно встречаются сленговые словечки, паузы хезитации, оговорки, ошибки.

Вместо заключения

Учитывая силу закона, ученым все равно придется вернуться к серьезной проработке теории *современного* литературного языка: пора отказаться

от привычки думать, что мы говорим и пишем на языке Пушкина, что любое отклонение от него — это ошибка, что появление официально-деловой речи за пределами документа — это признак канцелярита и проявление безвкусицы. Пока мы живем по теориям, восходящим к XIX в. Со временем новые теории найдут свое отражение и в школьных программах, а пока... Любой учитель может разбирать на уроках актуальные современные тексты, показывать, какие социокультурные маркеры используют авторы, и учить школьников задумываться над тем, с какой культурой хотят себя идентифицировать они сами. Но главное — учить различать значения слов, точно формулировать свои мысли и описывать свои ощущения.

Список литературы

Буторина Е. П. Коммуникативная категория официальности // Филологические науки. Вопросы теории и практики: В 2 ч. № 2 (56). Тамбов: Грамота, 2016. Ч. 2. С. 64–66.

Виноградов В. В. История русского литературного языка // Избранные труды. Т. 4. М.: Наука, 1978. 320 с.

Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. М.: Просвещение, 1982. 529 с.

Евграфова С.М. К проблеме когнитивной адекватности преподавания родного языка // #ТОТСБОРНИК: Сборник научных трудов по материалам Тотального диктанта / Отв. ред. Н.Б. Кошкарёва. Вып. 2. Новосибирск, 2017. С. 167–188.

Евграфова С.М. Категория «свой / чужой» в языке и коммуникации: индивидуальная языковая система и стратегии обработки языкового материала // Свое — чужое в языке и речи. Сер. «Acta Slavica Estonica VIII. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XVII. *Свое* — чужое в языке и речи». Таrtu: University of Tartu Press, 2016. С. 255–267.

Евграфова С. М. Лексическая семантика в эпоху виртуальной коммуникации: к проблеме освоения терминологии // Известия РПГУ им. А. И. Герпена. 2018а. № 189. С. 199-210.

Евграфова С.М. О языке науки в школьных учебниках // #ТОТСБОР-НИК: Сборник научных трудов по материалам Тотального диктанта / Отв. ред. Н.Б. Кошкарёва. Вып. 3. Новосибирск, 2018б. С. 181–200.

 $\it Eвграфова \, C.M.$ Спонтанная письменная речь как объект стилистического исследования // Язык как материал словесности: Сб. науч. ст. к 90-летию А.И. Горшкова. М.: Изд. Лит. ин-та им. А.М. Горького, 2013. С. 53–61.

Евграфова С. М. Феномен естественной письменной речи и его влияние на языковую систему // Антропоцентризм в языке и речи. Сер. «Аста Slavica Estonica V. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XVI. Антропоцентризм в языке и речи». Tartu: Tartu University Press, 2014а. С. 248–260.

Евграфова С. М. Хорошая речь в оценках современного студента // Хвала и хула в языке и коммуникации. Сб. ст. М.: РГГУ, 2014б. С. 260–283.

Живов В. М. История понятий, история культуры, история общества // Очерки исторической семантики русского языка раннего Нового времени. М.: ЯСК, 2009. С. 5–26.

 \mathcal{K} ивов В. М. История языка русской письменности: В 2 т. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. Т. 1. 816 с.

Костомаров В. Г. Наш язык в действии: очерки современной русской стилистики. М.: Гардарики, 2005. 287 с.

Мид М. Культура и мир детства. М., 1988. 429 с.

Селищев А. М. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком (1917–1926). 2-е изд., стереотипное. М.: УРСС, 2003. 248 с.

Химик В. В. Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен. СПб.: СПГУ, 2000. 272 с.

S.M. Evgrafova

NOTES ON MODERN STANDARD RUSSIAN

Standard Russian is a set of norms: studying it, one must learn the rules and correct forms by heart. However, nobody observes them. The Russian language's status as the state language of the Russian Federation protects the linguistic norms in official and public speech, but it mixes standard Russian and officialese. An alternative theory (by V. M. Zhivov) is that the Standard Language aims at forming thoughts and creating spiritual values; a text reflects the specific linguistic features of the cultures the author identifies him- or herself with. We are surrounded by three cultures: a communicative one (with its influence through mass-media), a cognitive one (reflecting one's learning) and an archaic one (enabling information exchange).

Keywords: Standard Language, Russian State Language, language norms, thought-forming function of a language, sociocultural tags, etalon speech, language teaching.

Ю.А. Сафонова

ГРАММАТИЧЕСКИЕ УРОКИ ОКТЯБРЯ

Анализируются конструкции типа X лет Октября / Октябрю, X лет Победы / Победе, X лет Вооруженных Cил / Вооруженным Cилам и под., принятые в том числе как официальные наименования юбилейных наград, учреждаемых государством. Исследуются причины, почему, вопреки рекомендациям, зафиксированным в грамматике и справочниках, в таких конструкциях употребляется родительный падеж вместо дательного (Октября вместо Октябрю, Победы вместо Победе, Вооруженных X00 вместо X10 вместо X20 вместо X30 вместо X40 вмест

Ключевые слова: синтаксическая норма, вариативность, управление, родительный падеж, дательный падеж.

1. Русская грамматика и административный ресурс. Информационный повод собственно грамматической темы / проблемы — административный. По мнению говорящих/пишущих, вопрос о падеже / об употреблении того или иного падежа может (и даже должен!) быть решен только административно. Может ли это «дело о падеже» решаться без привлечения властных структур? Может ли русская грамматика предложить решение проблемы (или, напротив, усугубить ее)?

В 2013 г. Указом Президента РФ была учреждена медаль «70 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [Указ, 2013], сюжет об изготовлении которой был показан по телевидению в декабре 2014 года. Грамматика надписи вызвала возмущение:

Уважаемые сотрудники Администрации Президента, на днях по телевидению показали сюжет об изготовлении медали «70 лет ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941—1945». Но 70 лет победы быть не может: победа — это событие, а не процесс или состояние. Может быть 70 лет мира, 12 лет рабства и т. п. Все уже забыли, что правильно: «столько-то лет СО ДНЯ ПОБЕДЫ», или это новая «мода» — как «ВОВ» вместо «Великая Отечественная война»? Необходимо остановить изготовление дорогостоящего брака. Прошу извинить меня за беспокойство, но я не знаю, к кому еще обратиться: эта медаль узаконена Указом Президента, значит, и решать проблему надо на высшем уровне.

С уважением и надеждой на внимание.

Б-на Татьяна Валерьевна...

[©] Ю. А. Сафонова, 2019

Обращения в справочные службы русского языка также подтверждают, что грамматика аналогичных надписей вызывает вопросы (благо, юбилейные даты случаются каждые пять-десять лет).

В Кишиневе появились надписи в стиле граффити: «60 лет Великой По-беды». Здесь же нет ошибки, не так ли? Или все же лучше написать «победы»? [gramma.ru, вопрос № 2887]; Улицы 60-летия Октября, 60-летия образования СССР — пишут вместо -летия ЛЕТ. Но тогда, если склонять все (а склонять нужно все название), должно быть 60 лет Октябрю, 60 лет Образованию? Или я ничего не понимаю? Но режет слух и глаз [gramota.ru, вопрос № 299285].

2. Поезд ушел — **вопросы остались.** Итак, вопрос о выборе падежа, соответствующего норме (родительный или дательный), — актуальная лингвистическая проблема, см. ответ лингвистов gramma.ru:

Ни вариант «60 лет Великой Победы», ни вариант «60 лет Великой Победе» не кажется нам ошибочным. Все зависит от того, какая именно конструкция лежит в основе этого лозунга: «[Исполнилось] 60 лет (чему?) Великой Победе», но «[Мы празднуем] 60 лет (= шестидесятилетие) (чего?) Великой Победы». А источником лозунга могло в равной степени стать любое из этих выражений. Однако второй вариант («60 лет Великой Победе») мы оценили бы как более верный по той причине, что в сочетании с родительным падежом существительных с временным значением (год, месяц и т. п.) числительные, как правило, обозначают продолжительность срока («пять лет войны», «четыре часа задержки» и т. п.), поэтому выражение «60 лет Великой Победы» может читаться еще и как «60 лет, на протяжении которых продолжалась Великая Победа». Так что лучше всего было бы написать «60 лет со дня Великой Победы», но поезд, как говорится, уже ушел... [gramma.ru, вопрос № 299285].

Авторитетные словари и справочники рекомендуют в таких конструкциях дат. п., сопровождая род. п. так называемой предостерегающей (запретительной) пометой:

лет *чему* (не *чего*). 800 лет Москве. 60 лет советскому кино (но: 60-летие советского кино) [Розенталь, 1988, с. 326];

...лет *чему* (не *чего*) [Краткий словарь-справочник управления, 1997, с. 129];

лет *кому* — *чему* (не *кого-чего*); ...летие *кого* — *чего* [Краткий словарьсправочник управления, 2009, с. 195].

Следование этим рекомендациям в официальном стиле предполагает, что во всех подобных конструкциях должен быть только дат. п.

3. Наградные падежи. Небольшой список юбилейных наград, однако, показывает, что указанным рекомендациям следуют далеко не всегда (при этом какой-либо «ведомственной» либо количественной закономерности не наблюдается).

Следуя рекомендациям, употребляется дат. п.:

- «200 лет Министерству финансов Российской Федерации»
- «200 лет Министерству обороны»
- «300 лет Балтийскому флоту»
- «100 лет кинологическим подразделениям МВД России»
- «200 лет внутренним войскам МВД России»
- «50 лет советской прокуратуре»
- «40 лет военно-политическим училищам»
- «20 лет Федеральному казначейству»

Вопреки рекомендациям употреблен род. п.:

- «30 лет Советской Армии и Флота»
- «300 лет горно-геологической службы России»
- «50 лет космической эры» (памятный знак)
- «50 лет Вооруженных сил СССР»
- «50 лет образования Союза ССР».

Примеры нетрудно множить², потому что грамматическая практика письма (и прежде всего официального!) противоречит рекомендациям.

При этом вариативность отсутствует в названиях улиц, площадей и под.: последовательно употребляется только род. п. (автор этой статьи жил на улице 60 лет Октября).

4. Новые связи или неадекватность кодификации? Колебания и вариативность (в нашем случае — присубстантивного управления) как показатель формирования новой нормы обсуждались многими исследователями (см., например: [Шведова, 1966; Скобликова, 1971; Прокопович, Дерибас, Прокопович, 1974; Горбачевич, 1981; Ицкович, 1982; см. также Лазуткина, 2012]). В академической русской грамматике указано: «В сфере присубстантивного управления широко развита вариативность. Это объясняется актив-

 $^{^{1}}$ Здесь и далее подчеркнуто нами. — \mathcal{H} 0. \mathcal{C} 0.

² Есть и курьезные примеры. На медали — дат. п. (*«50 лет атомной энергетшке»*), на удостоверении — род. п. (*Удостоверение к юбилейной медали «50 лет атомной энергетики СССР»*). Возможно, такую грамматическую непоследовательность в этом примере можно объяснить тем, что указанная медаль и удостоверение к ней — результат наградной деятельности незарегистрированной общественно-политической организации Постоянный Президиум Съезда народных депутатов СССР (председатель организации и заведующая наградным комитетом — С.З. Умалатова).

ным действием разнообразных аналогий: с одной стороны, подравнивания связей семантически близких слов, с другой стороны, влиянием связей глагола и прилагательного на связи присубстантивные. В современном языке сильна общая тенденция обогащения вариативных связей: появляются новые связи, которые первоначально воспринимаются как неправильные. Однако многие из этих связей закрепляются и входят в язык» [Русская грамматика, 1980, § 1829]. И рассматриваемый случай — пример этому (или этого? — опять колебание).

Как долго длится проверка временем — от первоначального восприятия (= это неправильно, не соответствует языковой норме) до фиксации речевой практики, анализа и кодификации ее как новой нормы (= это правильно, соответствует закономерностям языковой системы), — сказать вряд ли можно. Однако исследователи отмечают бесспорное отставание рекомендаций/предписаний от сложившейся языковой практики. «Неадекватность кодификации литературной норме объясняется... ретроспективностью кодификации, ее ориентацией на образцы, хронологически удаленные от современности. <...> отступления [от рекомендаций грамматик, словарей, авторитетных пособий] могут быть отображениями процессов, происходящих в живой речи. Повторяемость подобных отклонений от кодифицированной нормы может быть показателем формирования новой нормы, вытесняющей старую, зафиксированную в грамматиках» [Ицкович, 1982, с. 12, 14].

5. Родительный наступает... Полагаем, что родительный падеж в обсуждаемой конструкции — закономерный результат взаимодействия грамматики и лексики.

Среди грамматических факторов назовем следующие: 1) вытеснение приименного дательного падежа формой родительного — общая тенденция экспансии родительного, обусловленная в том числе и тем, что родительный присубстантивный — типичный для субстантивных словосочетаний в современном русском языке (см., например, об этом: [Прокопович, Дерибас, Прокопович, 1975, § 33, 36]); 2) развитие объектно-определительных отношений внутри словосочетания: род. п. называет то, что может быть носителем свойств, признаков [Русская грамматика, 1980, с. 428]; 3) возможная компрессия: X лет со дня Октября — X лет Октября [Шведова, 1966, с. 79; Норман, 2018, с. 186]; 4) аналогия: род. п. в синонимической конструкции ...летие + род. n.; 5) влияние родительного даты.

- 6. Октябрь уж наступил... Лексико-семантические факторы.
- 1. Высокая частотность употребления конструкции *X лет Октября* как в письменной, так и в устной речи, что обусловлено экстралингвистиче-

скими факторами. Иными словами: «ступень создания штампа» [Шведова, 1966, с. 82].

2. Формирование нового значения у слова *октябрь*. В обсуждаемой конструкции слово *октябрь* употребляется в значении 'годовщина'. Это социально обусловленное значение сформировалось к 30-м годам XX в. и впервые было зафиксировано в год двадцатилетия революции 1917 г. как третье значение в словаре Д. Н. Ушакова: «Октябрь — 2. (О прописное). Великая Октябрьская Социалистическая революция 1917 года (нов. <овое>торж. <ественное>). Годовщина Октября. Активный участник Октября. || перен. Вообще социальная революция с теми же целями и идеалами, что и в Великой Октябрьской Социалистической революции в СССР (нов. торж.). Мы будем бороться за китайский Октябрь (из декларации китайских комсомольцев). 3. (О прописное). Годовщина Великой Октябрьской Социалистической революции (нов. торж.)» [СУ, 1938, с. 798].

В последующих словарях значение 'годовщина' дается в совмещении со вторым, «событийным», значением: «Октябрь — 2. (С прописной буквы). Октябрьская социалистическая революция 1917 г.; ее годовщина 7 ноября (25 октября по старому стилю)» [БАС-1, 1959, с. 829, 830; БАС-3, 2009, с. 676]. См. также: «Октябрь... Праздник Октября — годовщина Великой Октябрьской социалистической революции, празднуется 7 ноября (25 октября по старому стилю)» [Словарь сочетаемости, 1983, с. 339, 340]; «Октябрь — 2.0. "О" прописное. Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 г., а также ее годовщина. Идеи Октября. Годовщина Октября [Морковкин, Богачёва, Луцкая, 2017, с. 681].

3. Если так, то годовщина в подобных конструкциях в род. п. Получается: X лет дня годовщины Октября $\to X$ лет Октября (= 'годовщины'). См.: «Годовщина, юбилей. Столетняя годовщина дня рождения Пушкина (менее правильно: столетняя годовщина со дня рождения)» [Абрамов, 1999].

Таким образом, совокупность грамматических и лексико-семантических факторов обусловила сильную позицию род. п. в конструкции *X лет Октября*. Впоследствии то же произошло и в аналогичных конструкциях со словом *Победа*, хотя ни один из толковых словарей не выделяет слово *Победа* в значении 'праздник в честь победы в Великой Отечественной войне, годовщина победы в Великой Отечественной войне', тогда как орфографически *победа* и *Победа* различаются [РОС, 2012, с. 518].

7. Считаем возраст или празднуем? Вряд ли вызывает сомнение, что высказывание X лет Октябрю/Октября не отвечает на вопросы «На протяжении скольких лет продолжается/продолжался Октябрь (= 'револю-

ция')? Сколько лет Октябрю?». Событие (неодномоментное, что тоже важно) уже произошло, закончено. Назвать персонально субъекта этого действия (кто совершил революцию) нельзя. Таким образом, носитель возраста (лицо) как таковой отсутствует. Поэтому речь идет не о количестве лет, а о том, что некое событие празднуется. Значит, на род п. влияет и управление слова празднование (чего?): Х лет Октября, Х лет Победы по смыслу = празднование годовщины Октября, годовщины Победы. Компоненты 'ознаменование', 'празднование' очевидны в названиях улиц, площадей, колхозов (ул. 50 лет Октября = 'улица, названная в ознаменование...'), см. также описание юбилейной медали: «В ознаменование 70-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов, отдавая дань глубокого уважения великому подвигу, героизму и самоотверженности ветеранов войны, постановляю...» [Указ, 2013]. Ср. также: Победа (День Победы) в значении 'праздник 9 Мая', т. е. в этот день проходит празднование этого дня, этой даты.

Если же носитель возраста (лицо) мыслится, то, как правило, употребляется дат. п. Например: 200 лет Министерству финансов Российской Федерации; 200 лет Министерству обороны; 300 лет Балтийскому флоту; 100 лет кинологическим подразделениям МВД России; 200 лет внутренним войскам МВД России; 50 лет советской прокуратуре; 40 лет военно-политическим училищам. Все выделенные существительные имеют переносное (метонимическое) значение 'лица, работающие/служащие в таких учреждениях, организациях', что достаточно последовательно зафиксировано лексикографически (обычно с грамматической пометой собир.).

8. Некоторые итоги. Итак, рекомендации справочников устаревают, но не устарели.

Род. п.

X лет (co) дня, годовщины СОБЫТИЯ (X лет Октября, Победы), если:

- СОБЫТИЕ (действия, деятельность, с ним связанные): 1) произошло в точно установленный и зафиксированный день; событие завершено, не продолжается; 2) произошло в точно установленный год; событие продолжается;
- НЕТ носителя возраста / субъекта СОБЫТИЯ / действия, СОБЫТИЕ деперсонифицировано;
 - осуществляется празднование СОБЫТИЯ.

В конструкциях с род. п. (X лет СОБЫТИЯ) актуализировано значение 'празднование СОБЫТИЯ', поэтому конструкция X лет Октября, Победы, Вооруженных сил нормативна.

Дат.п.

Хлет СОБЫТИЮ, если:

- СОБЫТИЕ (действия, деятельность, с ним связанные) не завершено, продолжается;
- ЕСТЬ (мыслится) носитель (лицо) возраста / субъект действия, деятельности.

В конструкциях с дат. п. (X лет СОБЫТИНО) актуализировано значение 'нечто, возникшее некогда, образованное некогда, продолжается (действует, работает, функционирует)', поэтому конструкция 15 лет Тотальному диктанту нормативна.

Список литературы

Абрамов Н. А. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. М.: Русские словари, 1999. 499 с.

БАС-1 — *Словар*ь современного русского литературного языка: В 17 т. Т. 8. М.; Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1959. 1839 с.

БАС-3 — Большой академический словарь русского языка. Т. 13: О — Опор. М.; СПб.: Наука, 2009. 770 с.

Горбачевич К. С. Нормы современного русского литературного языка: Пособие для учителей. 2-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1981. 208 с.

Ицкович В. А. Очерки синтаксической нормы. М.: Наука, 1982. 200 с.

Краткий словарь-справочник управления в русском языке // Справочник по оформлению актов федеральных органов государственной власти. М.: 6/изд., 1997. С. 126–132.

Краткий словарь-справочник управления в русском языке // Справочник по оформлению актов в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. М.: Изд. Совета Федерации, 2009. С. 192—198.

Лазуткина Е.М. Словарь грамматической сочетаемости слов русского языка. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012. 352 с.

Морковкин В. В., Богачёва Г. Ф., Луцкая Н. М. Большой универсальный словарь русского языка / Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина; Под ред. В. В. Морковкина. М.: Словари XXI века, 2017. 1456 с.

Норман Б. Ю. Грамматика говорящего: От замысла к высказыванию. 3-е изд. М.: ЛЕНАНД, 2018. 232 с.

Прокопович Н. Н., Дерибас Л. А., Прокопович Е. Н. Именное и глагольное управление в современном русском языке. Учеб. пособие. М.: Русский язык, 1975. 189 с.

Розенталь Д. Э. Пунктуация и управление в русском языке: Справочник для работников печати. М.: Книга, 1988. 544 c.

Русская грамматика. Т. 2. М.: Наука, 1980. 710 с.

РОС — Русский орфографический словарь: около 200 000 слов / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова / Под ред. В.В. Лопатина, О.Е. Ивановой. 4-е изд., испр. и доп. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012. 896 с.

Скобликова Е. С. Согласование и управление в русском языке. Пособие для учителя. М.: Просвещение, 1971. 239 с.

Словарь сочетаемости слов русского языка: Ок. 2500 словар. статей / Ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина; Под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. 2-е изд., испр. М.: Русский язык, 1983. 688 с.

СУ — *Толковый* словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 2. М.: Сов. энцикл.; ОГИЗ, 1938. 528 с.

Указ Президента РФ от 21.12.2013 N 931 «О юбилейной медали "70 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг."» (вместе с «Положением о юбилейной медали "70 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг."»). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156155 (дата обращения: 01.08.2019).

Шведова Н.Ю. Активные процессы в современном русском синтаксисе: (Словосочетание). М.: Просвещение, 1966. 156 с.

Интернет-источники

Справочно-информационный портал «Грамма.ru». URL: www.gramma.ru Справочно-информационный портал «Грамота.py». URL: www.gramota.ru

Y. A. Safonova

GRAMMAR LESSONS OF OCTOBER

The constructions of the 'X let Oktyabrya / Oktyabryu, X let Pobedy / Pobedye, X let Vooruzhennykh sil / Vooruzhennim silam' type and the like adopted as the official name of the jubilee awards established by the government are analyzed. The reasons for the use of the genitive case instead of dative in such constructions (Oktyabrya instead of Oktyabryu, Pobedy instead of Pobede, Vooruzhennykh sil instead of Vooruzhennim silam), contrary to the recommendations recorded in the grammar and reference books, are studied.

Keywords: syntactic norm, variability, control, genitive case, dative case.

А.О. Терентьева, Т.В. Жукова

АДАПТАЦИЯ ЗАИМСТВОВАННЫХ СЛОВ НОСИТЕЛЯМИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Рассматриваются вопросы графической ассимиляции (транслитерация, транскрипция) отдельных заимствованных слов в русском языке. С этой целью была изучена лексикографическая представленность заимствований в современных словарях русского языка, выявлен их коммуникативный потенциал (привлечение данных из Национального корпуса русского языка) и представлены результаты психолинг-вистического эксперимента.

Ключевые слова: транслитерация, транскрипция, заимствованные слова, Национальный корпус русского языка.

Заимствуя слова из различных языков, русский язык не часто усваивает их в том виде, в котором они представлены в языке-источнике. Поэтому многие слова, ассимилированные русским языком, входят в состав общеупотребительной лексики в измененном (ассимилированном) виде.

Проблема правописания заимствований является одной из актуальных в теории современной русской орфографии и, соответственно, в лексикографии. При графическом освоении заимствования важно решить следующие вопросы: 1) адекватная передача гласных и согласных звуков на письме; 2) отражение долготы согласных звуков на письме; 3) слитность или раздельность написания частей заимствованного слова.

Заимствование, попадая в русский язык, графически переоформляется двумя способами: 1) транслитерация; 2) транскрипция. Транслитерация (от лат. trans «через» и littera «буква») — побуквенная передача текстов и отдельных слов, записанных с помощью одной графической системы, средствами другой графической системы [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990]. Транскрипция — это графическая передача заимствования с опорой на произношение.

В данной статье предпринята попытка выявления типа графической ассимиляции заимствований путем анализа их представления в современных словарях, художественных текстах (по материалам Национального корпуса русского языка) и на основе результатов психолингвистического эксперимента.

[©] А.О. Терентьева, Т.В. Жукова, 2019

Для анализа выбраны активно употребляющиеся в современных устных и письменных текстах заимствования: уикенд, стартап, лайнап, худи, винд-пруф, ростбиф, панкейк, лонгслив и др.

Представление заимствований в словарях

В Толковых словарях русского языка указанные заимствованные слова не зафиксированы, кроме слова *ростбиф* (*POCТБИФ* — ростбифа, м. (англ. *roastbeef*) (кулин.). Кушанье из жареной говядины \parallel Часть мясной туши, употр. на изготовление этого кушанья [Ушаков, 2007]).

Слово *уикено* в Большом толковом словаре [Кузнецов, 2009] зафиксировано в слитном написании, способ графического оформления — транслитерация:

УИКЕНД, -а; м. [англ. week-end — конец недели]. Выходные дни (суббота и воскресенье); время отдыха с вечера пятницы до утра понедельника. Провести у. с семьей за городом. Пригласить друзей на у. Порыбачить в у.

В Национальном корпусе русского языка найдено 26 документов и 30 вхождений со словом уикенд, а также 11 документов и 12 вхождений с его вариантом уикэнд. Это свидетельствует о том, что транслитерация при графическом освоении этого слова не сохранилась, ср.: Они же угадывают один раз из десяти. Вот на прошлой неделе написали: «На уикэнд ожидается очень жаркая погода. Температура воздуха +30°. И что вы думаете? [Аркадий Хайт. Золотая серия юмора. М.: Вагриус, 2001]; Хотя бы и в любой гостевой книге или форуме. Один пишет: «Собираюсь на уикэнд в Испанию, где, по прогнозам, безоблачное небо, в Мадрид. Привези закуску» [Валерий Лебедев. Террор — обратная сторона медали «За гуманизм между народами», 2003].

Это слово фиксируется также в варианте $yu\kappa$ -эн ∂ , вероятно, в результате перевода каждого слова по отдельности и их раздельного написания (от англ. week — $yu\kappa$ «неделя» и end — эн ∂ «конец»). Ср. слово apmxayc «дом искусств», также состоящее из двух частей, которое пишется слитно, несмотря раздельное написание в языке-оригинале.

В русском языке слово *стартап* активно употребляется в деловой коммуникации в значении «новый информационный проект, который создается с расчетом на быструю капитализацию» или в значении «только что созданная фирма, которая находится в начале своего развития и занимается созданием инновационных проектов». Употребление данного слова в русском языке зафиксировано в трех источниках:

- 1) С англ. *start-up* букв. «запуск, начало деятельности». *Стартан* так на заморский манер называют новый бизнес-проект, который создают для извлечения прибыли после его развития. *Стартан* это проект, основанный на исключительно оригинальной идее, а не скопированной у других, например, *Стартан молодая быстроразвивающаяся компания* [Словарь бизнес-терминов: Академик.ру. 2001].
 - 2) *Cmapman* a, м.
- 1. Вновь созданная компания, находящаяся в стадии развития, обычно в отрасли высоких технологий. В наши дни тысячи стартапов пытаются стать новыми Google и Facebook, легендарными ресурсами, цена которых за считанные годы достигла миллиардов долларов [Ъ-Деньги. 22.09.08]. Набрав хороший ход еще в 2008 году (+900% посещаемости), Twitter продолжает сокрушать рекорды интернет-мира, повидавшего немало бурных стартапов [Ъ-СФ. 01.06.09]. В России есть технологии, которые хочется выводить на западный рынок, поэтому мы хотим познакомить американские венчурные компании с российскими стартапами. Много стартапов есть и за рубежом, которые могут быть клонированы у нас, и мы можем обсудить, как новые технологии выводить на российский рынок, создавать им здесь новую историю [Газета.ру. 25.05.10]. [Шагалова, 2009].
- 3) Слово *стартап* (от англ. *startup company*, *startup*, букв. «стартующий») компания с короткой историей операционной деятельности [Simpson, Weiner, 1989].

В Национальном корпусе русского языка данное слово представлено в 19 документах, например, *Нужно арендовать это место либо купить*. *Разумнее, конечно, арендовать, потому что это стартап»* [Елена Николаева. Упорядоченный хаос хранения и доставки // Эксперт, 2015]. Однако есть также два случая употребления варианта *старт-ап* с дефисным написанием.

Слово лайнап зафиксировано в Большом англо-русском и русско-английском словаре, 2001 г.:

Лайнап — line-up — сущ.; тж. lineup:

- состав участников, состав команды; расстановка сил;
- (спорт.) расположение игроков на поле;
- (амер.) процедура опознавания подозреваемого;
- (разг.) расположение, строй; расстановка;
- выравнивание, компоновка, схема, каталог; систематизированный перечень [Большой англо-русский и русско-английский словарь, 2001].

В словаре Е. Н. Шагаловой [Шагалова, 2017] употребляется в следующем значении:

Лайн-а́п — Существительное, неодушевленное, мужской род, 2-е склонение (классификации А. А. Зализняка): (муз.) заявленный состав исполнителей или групп на концерте. Группу очень часто можно было увидеть и в лайн-апах фестивалей (цитата из Википедии).

Таким образом, анализ словарных данных слова *лайнап* показал, что в русском языке английское слово «*лайнап*» (lineup) означает «список участников» и чаще всего встречается в контексте музыкальных новостей (произошло сужение значения). Некоторые словари указывают дефисный вариант написания (как один из вариантов в языке-источнике).

Слово лайнап в Национальном корпусе русского языка пока не зафиксировано.

Быстрее и динамичнее развиваются и изменяются в современном русском языке иноязычные слова, принадлежащие к тематическим группам «мода», «политика», «экономика», «культура» и «шоу-бизнес».

К недавним заимствованиям относятся, например, слова *виндпруф* «ветронепродуваемая одежда, обычно куртка», *лонгслив* «футболка с длинными рукавами», *худи* «толстовка с капюшоном» [Simpson, Weiner, 1989].

Вин∂пруф (windproof) [windpru:f] -а «ветронепроницаемый» — windproof suit — ветрозащитная спецодежда [Новый большой англо-русский словарь, 2001].

Ху́ди (англ. Hood — «капюшон») — аналог толстовки (кофты) из мягкого хлопчатобумажного трикотажа, с капюшоном-анораком, имеющим стойку спереди, защищающую от ветра. Характерные элементы — большие накладные карманы спереди и капюшон (статья из Викисловаря).

Словарь 2007 года:

«Хýди — то, что раньше называли "кенгурушкой", т. е. куртка с капюшоном, вместе со скинни-джинсами (узкие джинсы) и слипонами (кеды без шнурков) или сникерсами (кроссовки, предпочтительно высокие).

 $Xy\partial u$ составляет обязательный костюм начинающего ню-рейвера и котяки. Слово $Xy\partial u$ также можно использовать в качестве теста: если испытуемый зовет кофту с капюшоном "кенгурушкой" — значит, он безвозвратно отстал от жизни, значит, он — "зеленый чай"» [Словарь, 2007].

В русском языке чаще всего слово *худи* употребляется во множественном числе: женские и мужские худи, теплые и красивые худи и т. п. Скорее всего, это происходит именно по той причине, что люди не знают и не понимают, в каком роде целесообразно употреблять данное слово — в женском (по родовому понятию — кофта) или в среднем (неодушевленное, несклоняемое, типа кафе, кашне и др.); кроме того, применительно к данному слову срабатывает и формальный критерий (оканчивается на и — множественное

число). Во всяком случае, «Грамота.ру» считает возможным употреблять слово $xy\partial u$ как в среднем, так и в женском роде.

В Национальном корпусе русского языка слово $xy\partial u$ представлено в восьми документах, тогда как слова $виндору \phi$ и *понгслив* вообще не встречаются.

В англо-русском словаре Миллера слово *панкейк* pancake [pænke**I**k] имеет следующие значения:

- 1. n
- 1) блин; ола́дья; <u>flat as a pancake</u> соверше́нно пло́ский;
- 2) ав. жарг. поса́дка с парашюти́рованием;
- 2. у ав. жарг. парашютировать.

Следует сказать, что в процессе освоения исходное значение заимствованного слова меняется (в русском языке произошло сужение значения), ср.: *панкейк* (от англ. *pan* «сковорода», *cake* «пирожное») — для носителя русского языка — это нечто среднее между блинами и оладьями (в Национальном корпусе русского языка данное слово не зафиксировано).

Слово *ростбиф* (от англ. *roast beef* «запеченная говядина») — кусок говяжьего мяса, обычно приготовленного на гриле [Simpson, Weiner, 1989] (8 случаев употребления в Национальном корпусе русского языка), — достаточно освоено русским языком.

С течением времени написание заимствований может изменяться, например, название спортивной игры *ватерноло* ранее рекомендовалось писать только слитно, однако с появлением слова *поло* в отдельном употреблении (*водное поло*, *игра поло*, *стиль поло*) появилась возможность дефисного написания *ватер-поло* [Аристова, 1978].

Попадая в русский язык, заимствованное слово подвергается фонетической, грамматической (морфологической) и орфографической адаптации. Степень адаптации заимствования зависит от многих факторов, в том числе от того, насколько внешний облик заимствованного слова соответствует моделям русского языка и насколько его употребление в русском языке частотно.

Результаты психолингвистического эксперимента

Причина слабой орфографической адаптации заимствованных слов — их редкое употребление на письме и отсутствие кодификации. В связи с этим мы решили проследить, как адаптируются некоторые заимствованные слова при их графической фиксации.

Для решения данной задачи был проведен психолингвистический эксперимент. Испытуемыми выступили студенты Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета имени В.М. Шукшина (40 человек). Респондентам необходимо было вписать в таблицу слова, произнесенные устно (табл. 1).

Таблииа 1

Вопросник для эксперимента

№	Предложение	Заимствован- ное слово	Вы используете данное слово? (Да / нет)	Что означает данное слово?
1	Пригласить друзей на	уикенд		
2	Никита Широбоков делает в октябре	стартап		
3	На флаерах и афишах публикуют	лайнап		
4	Она купила себе	худи и виндпруф		
5	За ужином она любила съесть сочный	ростбиф		
6	В кафе готовят различные	панкейки		

В ходе эксперимента было выявлено, что большинство слов из списка в речи наших информантов не используются, но их значения известны, хотя чаще всего в искаженной форме. Так, например, для слова *худи* «толстовка с капюшоном» испытуемые приводят значения «кофта», «свитер»; для слова виндпруф — «куртка»; для слова ростбиф — «кусочек мяса, еда»; для слова уикенд — «вечеринка», «путешествие» и «отдых».

В табл. 2 приводятся варианты орфографической фиксации данных слов. Результаты эксперимента показали, что слова *стартап*, *лайнап* и *винд-пруф* еще слабо адаптированы в русском языке. При написании заимствования респонденты в основном ориентируются на его произношение.

Таким образом, при употреблении заимствованного слова говорящий сталкивается с целым рядом проблем: графическое переоформление заимствования (транскрипция или транслитерация (при этом важным становится вопрос о слитном/дефисном или раздельном написании заимствования, при этом вопрос усугубляется отсутствием кодификации заимствования в современных словарях, например, слова уикенд, стартап, лайнап)).

Варианты написания заимствованных слов (по результатам эксперимента)

№	Предложение	Словарный вариант (количество реакций)	Варианты ответов (количество реакций)
1	Пригласить друзей на	уикенд (31)	викенд (2)
			уи-кенд (2)
			уикент (3)
			вуикенд (1)
2	Никита Широбоков де-	стартап (24)	старт-ап (9)
	лает в октябре		стар-тап (1)
			старт ап (3)
			старттап (1)
			стэртап (1)
			стартау (1)
3	На флаерах и афишах	лайнап (19)	лай-наб (1)
	публикуют		лайн-ап (5)
			лай-ап (1)
4	Она купила себе	худи (40) и	винпруф (6)
		виндпруф (18)	винтпруф (15)
			бинткрув (1)
			винкруфт (1)
5	За ужином она любила	ростбиф (33)	рост_биф (1)
	съесть сочный		ростбив (3)
			роздби (1)
			ростбифф (1)
			роздбиф (1)
6	В кафе готовят раз-	панкейки (36)	файнейки (3)
	личные		понкейки (1)

Вторая проблема — грамматическое значение заимствования (грамматический род, склоняемость/несклоняемость и др., например, слово *худи*). Следует отметить, что грамматический род заимствования носитель языка, как показали результаты эксперимента, определяет по родовому понятию (прежде всего в случае отсутствия кодифицированного варианта, хотя и при его наличии в том числе, например, слова *виски* (ср., муж., род), *манго* (ср., муж. род), кофе (муж., ср., род) (см. материалы Орфоэпического словаря русского языка Р.И. Аванесова (1987) и Нового орфоэпического словаря Т. Ф. Ивановой (2007)).

Третья проблема — семантическое освоение заимствования, которое в речевой деятельности, чаще всего, проявляется в сужении значения в русском языке, например слова *худи*, *панкейк*.

Список литературы

Английские заимствования в русском языке / URL: https://englex.ru/english-borrowings-in-russian/ (дата обращения: 18.10.19).

Аристова В. М. Англо-русские языковые контакты (Англицизмы в русском языке). Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. URL: https://revolution.allbest.ru/languages/00614246_0.html (дата обращения: 14.10.19).

Словари

Англо-русский словарь Миллера. URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/muller/ (дата обращения 13.11.2019).

Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. СПб.: Hopunt, 2009. URL: http://gramota.ru/slovari/dic/ (дата обращения: 15.10.2019).

Большой англо-русский и русско-английский словарь, 2001. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/eng_rus_apresyan/108364/windproof (дата обращения 13.11.2019).

Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990. URL: http://tapemark.narod.ru/les/ (дата обращения: 15.10.19)

Иванова Т. Ф. Новый орфоэпический словарь русского языка. Произношение. Ударение. Грамматические формы / Т. Ф. Иванова. 4-е изд. М.: Рус. яз.; Медиа, 2007.

Орфоэпический словарь русского языка. Произношение, ударение, грамматические формы / Под ред. Р.И. Аванесова. 3-е изд. М.: Рус. яз., 1987.

Словарь бизнес-терминов: Академик.py. 2001. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/business/20355 (дата обращения 13.11.2019).

Словарь 2007 года. М.: Большой город, 2007. URL: https://words_2007. academic.ru/151/%D1%85%D1%83%D0%B4%D0%B8 (дата обращения 13.11.2019).

Толковый словарь русского языка Ушакова. 2008–2017. URL: https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=66848 (дата обращения 13.11.2019).

Шагалова Е. Н. Словарь новейших иностранных слов Шагалова. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2017.

Simpson J., Weiner E. The Oxford English Dictionary. 1989. 21730 c.

Электронные ресурсы

Национальный корпус русского языка. URL: http://www.ruscorpora.ru/ (дата обращения: 15.10.2019).

Справочно-информационный портал «Грамота.ру». URL: http://gramota.ru/ (дата обращения 15.10.2019).

A.O. Terentyeva, T.V. Zhukova

ADAPTATION OF BORROWED WORDS BY NATIVE RUSSIAN SPEAKERS

This article considers the issue of the graphic assimilation (transliteration, transcription) of a number of loanwords in Russian. For this purpose, the authors have studied the lexicographic representation of the loanwords in contemporary Russian language dictionaries, have identified their communicative adaptation in modern literary texts (statistics from the Russian National Corpus), and presented the results of a psycholinguistic experiment.

Keywords: transliteration, transcription, loanwords, Russian National Corpus.

О.И. Северская

ОТКУДА У КИЛЬКИ СТРЕЙЧЕВЫЕ ОКНА? (о паронимии и орфографии)

В статье рассматриваются случаи нарушения орфографической нормы под влиянием паронимии: изменение формы слова без изменения значения, изменение формы с одновременной трансляцией слову новых смыслов, изменение орфографического облика слова под влиянием созвучия с более частотными словами. Учитывается также гиперкоррекция. Поскольку преобладание устно-письменных форм в цифровую эпоху приводит к отсутствию навыка аудирования, а в результате и к ситуативному неразличению слов как звукосмысловых единств, автор приходит к выводу о необходимости изучения орфографии с опорой на паронимию.

Ключевые слова: литературная норма, орфография, выбор слова, паронимия, квазиморфемика, звукосмысловое единство.

Когда речь заходит о норме, чаще всего подразумеваются орфоэпия и орфография как области, в которых наиболее явно проявляются ее нарушения. При этом не всегда учитывается, что литературная норма, не обязательно однозначно прескриптивная и совпадающая с единственной возможностью языка выразить нужный смысл, чаще предполагает отбор из ряда имеющихся в языковой системе вариантов для передачи нужной информации [Бельчиков, 2007, с. 46]. А в цифровую эпоху, когда люди чаще пишут, чем говорят, возникают проблемы с аудированием: на слух слова могут не различаться как звукосмысловые единства. Сегодня носители языка смешивают и не смешиваемое: записывают показавшиеся на слух знакомыми слова, не слишком заботясь о смысле целого. И это отчетливо демонстрирует практика Тотального диктанта.

Вот как, например, трансформировался текст, написанный для Тотального диктанта в 2018 г. Г. Яхиной, где в оригинале было: Бах спускался с крыльца школы и оказывался на площади, у подножия величественной кирхи с просторным молельным залом в кружеве стрельчатых окон и громадной колокольней, напоминающей остро заточенный карандаш [Хрестоматия, 2019, с. 206], а после проверки вышло: Бах!.. Я спускался с креста школы и оказывался на лошади у подножия могущественной кильки с прискорб-

[©] О.И. Северская, 2019

ным малиновым салом в кружеве стрейчевых окон и игроманной колокольней, напоминающей остров Заточенный Карандаш [Там же, с. 285]. Если еще можно, недослышав, по ошибке расположить героя не на площади, а на лошади, а остро превратить в остров, списав этот просчет на недостатки дикции диктатора, то вынесенный в заглавие статьи образ могущественной кильки со стрейчевыми окнами поражает своей фантасмагоричностью и немотивированностью контекстом. Очевидно, что появился он в результате паронимической аттракции, взаимного притяжения слов, напоминающих друг друга звучанием, но не значением.

Паронимия (понимаемая здесь широко как объединяющая в один класс однокоренные и разнокорневые сходнозвучные, но не равнозначные слова [Северская, 2015]) как лексико-семантическое явление находится в сфере действия и стилистической нормы, определяющей выбор того или иного слова в соответствии с требованиями контекста, и нормы орфографической, диктующей написание слов-паронимов. В последнее время в речи наших современников не только смешиваются лексические значения паронимов (например, Э. Хромченко часто говорит в «Модном приговоре» о репрезентативной, а не презентабельной одежде), но и отчетливо прослеживается влияние орфографического облика одного слова на другое в случаях лексико-семантической интерференции, о которой и пойдет речь дальше.

В основе подобной интерференции лежит системное взаимодействие эвфонических групп согласных. П. Гиро определяет его как особого рода этимологию, при которой «форма одного слова "притягивает" другое слово, ориентируя этимон на новый смысл» [Guiraud, 1967, с. 93]. Понятие эвфонического этимона встречается и в работе М. Готье: этим термином обозначается структурный элемент, который, не связывая воедино семантическое содержание и консонантный «корень», объединяет некоторые слова, обычно имеющие разные смыслы, но соотносящиеся с ключевыми словами текста [Gauthier, 1973, с. 598]. Эвфонические этимоны ведут себя как морфемы, которые, по наблюдению Е.В. Невзглядовой, в тексте способны семантически обособляться, приобретая непосредственную связь с внеязыковой действительностью; одновременно сохраняется их связь с абстрактным синкретическим понятием, общим для серии структурно соотнесенных слов [Невзглядова, 1969, с. 151]. Морфема, с которой соотносится эвфонический этимон (Р. Лорд называет ее особой квазиморфемой — омонемой [Lord, 1970, с. 438]), и становится минимальной единицей означивания, позволяющей созвучию быть источником новых смыслов. «Отслаиваясь» от морфемы, созвучие, по выражению Г.В. Векшина, семантически намагничивается и морфологизируется [Векшин, 2008, с. 229, 237, 240], при этом одна часть звуковой цепи уже не просто «вторит» другой, ища лишь отзвуков: «одно слово "вживляет" своих агентов в другое, инверсивно "ввинчивает" элементы собственной формы в другие или, наоборот, извлекает "в преображенном виде" свое из чужого» [Там же, с. 244].

Способ «этимологизации» и определяет структурный тип и особенность лексико-семантической интерференции при паронимической аттракции.

В первом случае смешиваются исконное и заимствованное слова, но при этом «производящая» основа не транслирует своего значения и морфологических характеристик «производному», а, напротив, оформляется по его модели. Показателен в этом отношении пример с паронимами дебри — дерби, различающимися лишь порядком звуков (соответственно — букв) в корне. Вот только два примера с интернет-форумов, полученных поиском в Google: Так мы оказались в дербях заовражских лесов. Конечно, дорогу туда трудно назвать гладкой, было много споров, и, тем не менее, все весело провели время; Это было похоже на то, как если бы мы оказались в дербях Текстильщиков в день ВДВ, когда праздник зашел уже далеко. Перенимая орфографический облик «этимона» дерби, слово-гибрид по-прежнему ассоциируется с местами, заросшими непроходимым лесом (в первом из приведенных примеров) и глушью (во втором) 1, что и представляют из себя остающиеся в данном случае за текстом дебри.

Могут смешиваться два исторически однокоренных, но разошедшихся в современном узусе заимствования, в написании различающихся незначительно, как пенсион 'устар. пенсия; назначаемое денежное содержание' и пансион 'полное содержание жильцов; небольшой (обычно частный) пансионат', произошедшие от фр. pension 'платеж, взнос'². Ошибочное употребление можно, что прискорбно, видеть и на обучающих сайтах, например в материалах к уроку по сказке Одоевского: Какие вопросы можно задать Алёше (из сказки «Чёрная курица, или Подземные жители») для интервью? Пример: «Нравилось ли вам жить в пенсионе?» (znanija.com); остановиться/жить в пенсионе предлагают и многочисленные туристические сайты. Здесь та же картина: написание, унаследованное от «этимона», не влечет замены значения.

Если заимствования звучат очень похоже, а значения их имеют какие-то точки соприкосновения и не слишком яркие отличия, одно слово может подменять другое, как в случае с *ареалом* 'областью распространения чего-л., какого-л. явления' (*ареал сосны*, *ареал панды*, *ареал ассимилятивного ака-*

¹ Здесь и далее значения слов приводятся по «Большому толковому словарю русского языка» под ред. С. А. Кузнецова.

² Поиск в «Яндексе» дает 3 примера смешения, в Google — 18 таких случаев.

нья и т. п.) и ореолом 'светлым сиянием вокруг светящегося предмета' (ореол Солнца, Луны) и 'атмосферой чего-л. вокруг кого-л.' (ореол славы, почета, святости и др.). В Сети можно найти не только примеры смешения этих паронимов: ореол распространения Новой цивилизации (int-gym.ru); ореол загрязнения (ru-ecology.info) и др., но и доказывающие то, что слова многими не различаются, вопросы: Одни пишут: в ареале славы, другие — в ореоле славы. Как же правильно? (сайт severstolici.ru/kak-eto-po-russki/). Для наивного носителя русского языка ареал и ореол похожи: это некая область, некий круг, в центре которого находится то, о чем говорится. Ореол воспринимается как семантический «близнец» ареала (о чем, в частности, говорит конкурирующее с ареалом многократное упоминание ореола распространения), и можно сказать, что в данном случае мы имеем что-то вроде орфографической гиперкоррекции (о часто звучит как а, поэтому, решает носитель языка, на письме звук [а] лучше записать буквой о).

Сегодня достаточно много случаев орфографического переосмысления заимствований, которые менее на слуху, чем другие, кажущиеся более знакомыми.

Не секрет, что после ЕГЭ 2017 г. было написано множество эпиляционных жалоб (от эпиляция вм. апелляция), а некоторые в этом случае опелировали (от оперировать + опель, хотя в этом случае не исключена и гиперкоррекция). В том же ряду другие случаи реэтимологизации: прайс-релиз вм. пресс-релиз (от прайс-лист), ипотировать вм. эпатировать (от ипотека). Вряд ли в данном случае наивный носитель языка смешивает значения слов: он просто не думает о смысле, «хватаясь» за более привычное ему и, повидимому, более частотное в его окружении слово.

Встречаются и закрепляющиеся в языковом сознании факты подобной интерференции. Это касается, прежде всего, гормонов и гармонии. Эти паронимы часто используются в языковой игре³, которая оказывается настолько аттрактивной, что порождает и возведение этих слов к одному звукосмысловому корню. Кажущееся чрезвычайно смешным гормональное единение человека с природой (пример А.В. Егоровой) между тем находит продолжение во множестве сетевых примеров интерференции — в гормонии с природой (сайт infourok.ru и подписи к «Яндекс.Картинкам») и чемто гормоничном: цветочки красивые и гормоничные (vsevteme.ru); музыка звучит гормонично, отлично подчеркивая атмосферу действия (kinopoisk. ru); [интерпретация карточного расклада:] гормоничные отношения, возможны брак и дети (club.passion.ru)⁴, есть в этом ряду и экзотичный мор-

³ 18 млн примеров *гармонии гормонов* дает только поиск «Яндекса».

⁴ Всего около 3 тысяч примеров по версии Google.

фологический разбор слова «гормоничное». Гармония по смыслу остается «согласованностью, стройностью, приятной слаженностью чего-то», по форме же идентифицируется с гормонами, опять же не без мотивирующей гиперкоррекции 5 .

Одно иноязычное слово может переосмысливаться через другое, у которого заимствует не только орфографию, но и оттенок значения. Это можно показать на примере аллигатора и олигарха. Языковая игра на созвучии этих слов встречается, например, в популярном комедийном сериале «Папины дочки». Более того, появилось «слово» аллигарх. Google дает почти 6 тысяч упоминаний именно такого варианта написания, что порождает вопросы к справочным порталам, в частности к «Культуре письменной речи» (www.gramma.ru): «Скажите, как правильно: аллигарх или олигарх?» К. Туркова обращает внимание на то, что в Сети есть и ошибки, и примеры осознанной языковой игры: аллигарх в народном представлении это 'особо хищный *олигарх*', и сейчас вокруг «сплошные *аллигархи*, народ грабят и не заботятся о нем». Таким образом, не только ошибочное с точки зрения орфографической нормы написание слова олигарх мотивировано паронимической аттракцией, но и значение его обогащается смыслом, транслируемым закрепленным в некоторых толковых словарях переносным значением слова аллигатор 'хищный человек'.

Гиперкорректные написания, приводящие к каламбурному осмыслению конечного «продукта» (например: *огрессор* 'тот, от кого можно *огрести*'; *ухожор* 'тот, кто «ездит по *ушам*» и «*выедает* мозг»'), как представляется, так же мотивированы сходнозвучием, как и в других упомянутых выше случаях изменения нормативной орфографии.

Несмотря на то что некоторые исследователи, в частности Н.В. Кашина, полагают, что подобные сближения в речи носят спонтанный и случайный характер: «одному кажутся похожими слова вираж — випраж, другому — вираж — мираж» [Кашина, 2011, с. 40], они обусловлены

⁵ Любопытные примеры смешения гармонии и гормонов дает Национальный корпус русского языка (www.ruscorpora.ru). Ошибки встречались уже в начале XX в., о чем свидетельствует отрывок из заметки «Перспективы кино» в журнале «Артэкран» 1923 г.: Залог полного, не материального, конечно, успеха лежит не в той «ударности», которою щеголяют конкурирующие фирмы, не в количестве действующих людей, диких зверей и сложности сооружений, а в тех художественных силах, в том чувстве внутренней красоты и гормонии, которыми пока-что бедны соревнующие и германские и американские постановки. Во втором зарегистрированном в корпусе случае ошибка, возможно, обусловлена языковой игрой: в материале из журнала «Домовой» 2002 г. мир гормонии упоминается в контексте разговора о гормональных препаратах.

системными возможностями языка, а потому заслуживают внимания, как и омографы му́ка — мука́, восхи́щенный — восхищённый и под. Более того, именно разнокорневые паронимы стоит изучать особенно пристально. Если их путают даже носители языка, чего ожидать от тех, для кого русский — не родной? А не секрет, что сегодня в школьных классах последние составляют уже большинство, которому приходится объяснять, что манту 'подкожное введение туберкулина для ранней диагностики туберкулеза // (видимый) результат его введения' и манты 'кушанье восточной кухни в виде шариков из мяса, завернутых в тесто и сваренных на пару' — это разные вещи.

Выходом было бы освоение паронимии на пропедевтическом этапе, когда наблюдается «опережающее становление в моторно-сенсорном процессе говорения ассоциаций по формальному сходству (прежде всего звукобуквенному) в ущерб обобщающим ассоциациям по отличию» [Кулебаба, 1995, с. 9], и создание словаря паронимов, который учитывал бы три этапа лексико-семантической работы над смешиваемыми в речи сходнозвучными, но не равнозначными словами.

Рецептивному этапу соответствовали бы зоны грамматических форм и лексического значения (с указанием происхождения слов, синонимических отношений внутри пары и синонимов и антонимов к каждому парониму), пассивно-продуктивному — зоны лексической сочетаемости, маркированной вопросами управления и согласования, и иллюстраций, показывающих возможности реальных употреблений, репродуктивному — речевая формула-«мантра», объединяющая оба паронима в одном контексте.

Например, смешения *апелляции* и эпиляции в значительном числе жалоб позволило бы избежать обращение к такой словарной статье:

*АПЕЛЛЯ́ЦИЯ — ЭПИЛЯ́ЦИЯ

АПЕЛЛЯ́ЦИЯ, и, ж [< лат. appellatio 'обращение, жалоба']. 1. Обжалование какого-л. постановления, решения в высшей инстанции. А. (какая?) новая, своевременная и т. д. А. (на что?) на решение арбитража, на результаты экзамена. Подать (что?) а. □ Между тем положенный срок прошел, и апелляция не была подана. Пушкин. 2. юр. Направляемая в более высокую судебную инстанцию просьба о пересмотре судебного решения. А. направлена в Верховный суд в установленные сроки. 3. книжн. Обращение за советом, поддержкой, с просьбой, с призывом о чем-н. А. (к чему? к кому?) к общественному мнению. □ Только уничиженному выгодна эта вечная апелляция к совести. Мариэтта Шагинян. = Син.: обжалование, жалоба; обращение, воззвание. ∥ гл. апеллировать (к чему? к кому?), прил. апелляционный.

ЭПИЛЯ́ЦИЯ [< лат. e(x) 'из' + pilus 'волос']. Косметическая процедура удаления волос (путем выдергивания, рентгеновского облучения, применения специального пластыря и др.). Э. (какая?) глубокая, лазерная и др. Э. (где?) в зоне бикини.

В Редкие, чахлые стебли стыдливо проглядывали, словно волоски, удержавшиеся на теле после тщательной эпиляции. Семен Данилюк.
Син. удаление волос. || гл. эпилировать (что?), прил. эпиляционный.

 \Diamond Получив тройку или двойку, не пишите «эпиляционных жалоб», а просто подайте апелляцию на результат экзамена.

Девиации цифровой эпохи, преобладание в коммуникации устно-письменных форм приводят к тому, что современный человек начинает писать, ориентируясь на слух, а поэтому нарушения орфографической нормы в значительной мере обусловливаются неправильным выбором слова — по звучанию, а не по предметно-логической соотнесенности, значению, лексической и грамматической сочетаемости и т. п., как это предусмотрено нормой в лексико-семантической сфере [Бельчиков, 2007, с. 62–63]. Выбор же слов делается из наиболее активного словаря: именно поэтому кирха лишается стрельчатых окон и превращается в гораздо более знакомую современному наивному носителю русского языка кильку. Точно так же постоянно встречающийся и в речевой, и во внеречевой практике стрейчевый материал оказывается ближе в его языковом сознании, чем стрельчатые архитектурные детали. Следовательно, усвоение правил орфографии сегодня должно быть тесно связано с изучением паронимии и рассматриваться сквозь призму сходнозвучия, мотивирующего возможные и реальные ошибки.

Список литературы

Бельчиков Ю. А. Практическая стилистика современного русского языка. М.: АСТ-Пресс Книга, 2007. 424 с.

Векшин Г.В. Метафония в звуковом повторе (к поэтической морфологии слова) // Новое литературное обозрение. 2008. № 90. С. 229–251.

Кашина Н. В. Изучаем паронимы в средней школе. Филологический класс. 2011. № 26. С. 40–44.

Кулебаба Е. П. Изучение лексических паронимов как средства совершенствования речи учащихся начальной школы: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1995. 16 с.

Невзглядова Е.В. Явление семантического осложнения в поэтической речи // Изв. АН СССР. СЛЯ. 1969. Т. 28. № 2. С. 148–154.

Северская О. И. Паронимическая аттракция как феномен межуровневого взаимодействия в языке и тексте // Основные тенденции развития поэтического языка XX–XXI вв. / Отв. ред. Н. А. Фатеева. М.: Азбуковник, 2015. С. 20–107.

Северская О. И. Каким должен быть школьный словарь паронимов? // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. Вып. 6. Материалы VI Конгресса РОПРЯЛ (г. Уфа, 11–14 октября 2018 года). СПб.: РОПРЯЛ, 2018. С. 506–511.

Туркова К. Лингвалидол: «Аллигарх» в «конбензоне» с «эрогливами» // Православие и мир. [Москва 2015]. URL: https://www.pravmir.ru/lingvalidol-alligarh-v-konbenzone-s-eroglivami/ (дата обращения: 15.03.2019).

Gauthier M. Les équations du langage poétique. Thèse du Docteur d'Etat. Lille: Ed. Univ. de Lille, 1973. 624 p.

Guiraud P. Structures étymologiques du lexique français. Langue et langage. Paris: Larousse, 1967. 211 p.

Lord R. A New Concept in Structural Semantics. The Homoneme // Actes du X-e Congrès International des Linguistes. Bucarest, 1970. Vol. II. P. 433–441.

Список источников

Хрестоматия Тотального диктанта от Быкова до Яхиной. М.: ЭКСМО, 2019. 288 с.

Словари

Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2014. URL: http://gramota.ru/slovari/dic/ (дата обращения: 15.03.2019).

Электронные ресурсы

Национальный корпус русского языка. URL: http://www.ruscorpora.ru/ (дата обращения: 15.03.2019).

O. I. Severskaya

HOW DOES A SPRAT HAVE STRETCH WINDOWS? (ON THE PARONYMY AND SPELLING)

The article deals with cases of violation of the spelling norm under the influence of paronymy, which makes it possible to replace one word with another, close in sound but not in meaning. The author identifies various types of re-etymologization and the resulting spelling norm violations: changing the form of a word without changing the meaning; changing the form with simultaneous translation of the new meanings; changing the spelling of the word under the influence of more frequent paronymous words; the hypercorrection. Since in the digital age the prevalence of oral-written forms of communication leads to a situational "separation" of sound from meaning, and therefore makes it difficult to choose the right word as a sound-meaningful unity, the acquisition of the spelling rules should be based on the study of paronymy.

Keywords: literary language norm, spelling, word choice, paronymy, quasi-morpheme, sound-sense unity.

ОРФОГРАФИЯ

УДК 811.161.1, 81'35

Е.В. Арутюнова

В ТОПОНИМИЧЕСКОЙ ПАУТИНЕ УЛИЦ

В статье проанализированы проблемы употребления прописной буквы в названиях улиц, проспектов, шоссе, переулков и других элементов улично-дорожной сети, написание которых в грамотном узусе и словарях колеблется в связи с отсутствием или недостаточной четкостью описания в правилах. Сделаны предложения о том, в какой форме могут быть кодифицированы эти названия. Описана история кодификации названий улиц, включающих существительные, не указывающие на тип названного географического объекта (например, Охотный Ряд). Охарактеризована специфика правил употребления прописной буквы, обусловленная фиксацией орфографии названий не только лингвистическими источниками, но и официальными документами.

Ключевые слова: орфография, правописание, кодификация, норма, правила орфографии, история кодификации, прописная буква, топонимы, географические названия.

Топонимический ландшафт современных населенных пунктов создается прежде всего названиями улиц, проспектов, шоссе, переулков, тупиков, набережных, площадей и других элементов улично-дорожной сети. Употребление прописной буквы в таких топонимах регулируется общим правилом о географических названиях, отражающим функциональное противопоставление нарицательных существительных, обозначающих понятия, собственным именам индивидуальных объектов. Правила предписывают по-разному оформлять собственно название и сочетающееся с ним родовое слово, указывающее на тип (род) названного объекта. Все слова названия, кроме служебных слов и слов года, лет, и соединенные дефисом части названия должны записываться с прописной буквы, родовое слово-понятие — со строчной. Множество топонимов — элементов улично-дорожной сети беспроблемно пишутся по этому правилу вне зависимости от порядка следования названия и родового слова, а также состава и грамматической формы названия, например: улица Варварка, улица Большая Дмитровка, проспект Мира, Океанский проспект, Сельская Богородская улица, Южно-

[©] Е.В. Арутюнова, 2019

Уральская улица, улица 40 лет Октября, переулок Сакко и Ванцетти. Однако при проверке правила на обширном топонимическом материале были выявлены типы названий, написание которых колеблется, вызывая сомнения и даже орфографические дискуссии у грамотных пишущих.

В практике письма колебания появляются в выборе строчной/прописной буквы в нарицательных существительных, которые, не указывая на тип названного объекта, входят в состав топонима. Такие существительные могут называть:

- 1) исчезнувшие инфраструктурные и природные географические объекты, например: улица Каретный (Р/р)яд, улица (З/з)емляной (В/в)ал, площадь Рогожская (З/з)астава, площадь Яузские (В/в)орота, улица Дубовой (Р/р)ощи;
- 2) инфраструктурные и природные географические объекты, существующие в настоящее время, например: площадь (К/к)инотеатра Владивосток, площадь Курского (В/в)окзала, площадь Старого (Т/т)еатра, тупик (Р/р)еки Воронки, проезд (З/з)авода «Серп и Молот», набережная (К/к)анала Грибоедова;
- 3) должности, звания, титулы, профессии, например: проспект (A/a)кадемика Лаврентьева, улица (A/a)дмирала Лазарева, улица (Γ/r)рафа Шувалова, улица (Π/n)ётчика Демьянова 1 ;
- 4) другие самые разнообразные предметы, явления, понятия, например: переулок Обские (3/3)ори, проспект Красного (3/3)намени, площадь Балтийских (Ю/ю)нг, улица 22-го (С/с)ъезда КПСС, улица Народного (О/о)полчения.

Орфографические колебания обусловлены в первую очередь тем, что правило, рекомендующее писать все знаменательные слова названия с заглавной буквы, вступает в противоречие с общим принципом написания нарицательных существительных со строчной буквы, а также непоследовательными указаниями популярных справочников. Более того, сами формулировки правила «провоцируют» искать в названии существительные, которые следует писать со строчной. В наиболее авторитетных орфографических руководствах родовые слова в составе географических названий рекомендуется писать со строчной как часть названия. При этом понятие родового слова не формулируется, приводятся лишь отдельные примеры таких слов. Рассмотрим несколько формулировок правила.

Пишутся с прописной буквы индивидуальные названия астрономических и географических объектов (в том числе и названия государств и их административно-политических частей), улиц, зданий. Если эти названия составлены

 $^{^{1}}$ В примерах буквы e и \ddot{e} для обозначения фонемы <о> после мягких согласных используются в соответствии с источниками.

из двух или нескольких слов, то с прописной буквы пишутся все слова, кроме служебных слов и родовых названий, как-то²: остров, мыс, море, звезда, залив, созвездие, комета, улица, площадь и т. п., или порядковых обозначений светил (альфа, бета и т. п.) [Правила, 1956, § 100].

В составных названиях с прописной буквы пишутся все слова, кроме служебных слов и родовых наименований (слов *гора*, *город*, *залив*, *море*, *озеро*, *остров*, *река*, *улица* и т. д.) [Розенталь, Джанджакова, Кабанова, 2010, § 17].

В географических и административно-территориальных названиях — названиях материков, морей, озер, рек, возвышенностей, гор, стран, краев, областей, населенных пунктов, улиц и т. п. — с прописной буквы пишутся все слова, кроме родовых понятий (остров, море, гора, область, провинция, улица, площадь и т. п.), служебных слов, а также слов года, лет [ПАС, 2006, § 169].

Судя по примерам родовых слов, к ним следует относить географические термины. Однако такие термины могут входить и в собственно названия, не указывая на тип названных ими географических объектов, например: улица Дубовой Рощи, площадь Голикова Гора, переулок Белое Озеро. Неустойчивость написаний существительных различной семантики, в том числе географических терминов, в составе названий вызвала необходимость дополнить правило уточняющим комментарием. В «Правилах русской орфографии и пунктуации» 1956 г. формулировка такова:

Существительные, входящие в состав сложных собственных наименований и условно называющие предмет, пишутся с прописной буквы, например: Золотой Рог (бухта), Чешский Лес (горы), Красное Село (город), Малые Кочки (улица), Большая Медведица (созвездие) [Правила, 1956, § 100].

В справочниках Д.Э. Розенталя и в ПАС этот комментарий расширен за счет особых указаний о написании с прописной буквы титулов, званий, профессий, должностей. Однако орфография таких слов в составе названия установилась не сразу, она вызывала дискуссии в научном сообществе. В одном из проектов правил слова типа адмирал, академик, королева предлагалось писать со строчной буквы [Протченко, Суперанская, 1964, с. 139], допускалось их написание с прописной в начале названий [Суперанская, 1965, с. 39] (ср.: Земля королевы Мод, остров (П/п)ринца Уэльского).

 $^{^2}$ Дефисное написание составного союза *как-то* (в значении 'а именно') следует считать устаревшим. Подробнее об этом в комментарии к правилу на портале «Грамота.ру» (URL: http://new.gramota.ru/biblio/readingroom/rules/139-prop).

3. Названия титулов, званий, должностей и т. д. в составных географических наименованиях пишутся с прописной буквы, например: *острова Королевы Шарлотты*, *остров Земля Принца Карла*, *мост Лейтенанта Шмидта* [Розенталь, Джанджакова, Кабанова, 2010, § 17].

Примечание 4. Названия титулов, званий, профессий, должностей и т. п. в составе географических названий пишутся с прописной буквы, напр.: Земля Королевы Шарлотты (острова), остров Принца Уэльского, мыс Капитана Джеральда, улица Зодчего Росси, проспект Маршала Жукова [ПАС, 2006, § 169].

Рекомендации о написании в названиях улиц слов, обозначающих исторические реалии, в справочниках Д.Э. Розенталя и в ПАС разные. Д.Э. Розенталь предлагал писать нарицательные существительные, отражающие исторические реалии Москвы, со строчной буквы (для подобных названий других городов правило не формулировалось); в изданиях, подготовленных Е.В. Джанджаковой и Н.П. Кабановой, добавлено примечание о распространенности написания таких слов с прописной. В ПАС рекомендация изменена: составные названия улиц приводятся без какого-либо комментария в примечании о нарицательных существительных в названиях.

2. Нарицательные существительные в составных географических названиях пишутся с прописной буквы, если они употреблены не в прямом значении и называют объект условно, например: Белая Церковь (город), Красная Поляна (город), Красная Горка (город), Чешский Лес (горный хребет), Золотой Рог (бухта), Болванский Нос (мыс), Матросская Тишина (улица).

Но: Чистые пруды (улица в Москве, на которой имеются пруды), Кузнецкий мост (улица в Москве, часть которой когда-то занимал мост через реку Неглинку), Никитские ворота (когда-то ворота в стене, окружавшей Москву), Коровий брод, Каретный ряд и другие подобные названия, отражающие прошлое Москвы.

Примечание. В географических справочниках, атласах, картах, путеводителях в составных названиях улиц встречается написание всех элементов с прописной буквы, например: *Госпитальный Вал, Кузнецкий Мост* ³ [Розенталь, Джанджакова, Кабанова, 2010, § 17].

³ В первом издании справочника [Розенталь, 1967] это примечание отсутствовало. В издании [Розенталь, 1999] второй пункт был сокращен, названия улиц введены без какого-либо пояснения: «Нарицательные существительные в составных географических названиях пишутся с прописной буквы, если они употреблены не в прямом значении и называют объект условно, например: Белая Церковь (город), Красная Поляна (город), Красная Горка (город), Чешский Лес (горный хребет), Золотой Рог (бухта), Болванский Нос (мыс), Минеральные Воды, Золотые Ворота (пролив), Кузнецкий мост, Земляной вал (улицы), Никитские ворота (площадь), Марьина Роща (район в Москве), Елисейские Поля (улица в Париже)».

Примечание 1. Нарицательные существительные в составных географических названиях пишутся с прописной буквы, если они употреблены не в своем обычном значении, напр.: Новая Земля, Огненная Земля (архипелаги), Золотой Рог (бухта), Чешский Лес (горы), Белая Церковь, Минеральные Воды, Сосновый Бор, Вятские Поляны, Царское Село (города), Пушкинские Горы, Камское Устье (поселки), Голодная Губа (озеро), Большой Бассейн (плоскогорье), Золотые Ворота (пролив), Кузнецкий Мост, Охотный Ряд, Земляной Вал (улицы), Никитские Ворота, Рогожская Застава (площади), Марьина Роща (район в Москве), Елисейские Поля (улица в Париже) [ПАС, 2006, § 169].

В «Справочнике издателя и автора» Мильчина и Чельцовой, кроме общего правила о географических названиях, сформулировано отдельное правило об элементах улично-дорожной сети и в ряду примеров даны такие названия улиц: улица Бутырский Вал, улица Каретный Ряд, улица Кузнецкий Мост, улица Лихоборские Бугры [Мильчин, Чельцова, 1998, с. 58].

Приведенные формулировки из сводов правил и справочников отражают эволюцию в кодификации употребления прописной буквы в топонимах, в частности в названиях элементов улично-дорожной сети. Важно отметить, что кодификаторы не меняли содержания основного правила, при этом уточняли его, пересматривали соответствие примеров правилам и в случаях неопределенности нормы, несмотря на различные взгляды, все же кодифицировали один орфографический вариант. Это позволяет нам сейчас, опираясь на кодифицированную норму, установить правильное написание для тех групп названий, которые отражены в правилах. Однако остается ряд сложных, пограничных случаев, для которых возможно дальнейшее уточнение, детализация орфографических рекомендаций, направленных на унификацию написаний.

В правилах орфографии пока не представлены топонимы, в которых название присоединяется к родовому слову в форме родительного падежа, например: площадь Курского (В/в)окзала, площадь (К/к)инотеатра Владивосток, набережная (К/к)анала Грибоедова, набережная (Р/р)еки Мойки. Такие сочетания следует отнести к реальным именам собственным, т. е. к таким, в которых слова, входящие в состав названия, употребляются в своем прямом значении [Суперанская, 1965, с. 31]. Площадь Курского (В/в)окзала — это площадь возле Курского вокзала, площадь (К/к)инотеатра Владивосток — это площадь возле кинотеатра «Владивосток» 4 и т. д. Нарицательные существительные в таких названиях указывают на объекты населенных пунктов. Названия набережных — это апеллятивные обо-

⁴ Проблема употребления кавычек в названиях, включающих в себя другие названия, будет рассмотрена ниже (см. с. 66).

роты, которые стали использоваться в качестве названия. Сочетания набережная канала, набережная реки, как было отмечено Е. В. Бешенковой, представляют собой неоднословные термины, так как набережная может быть только у каких-то водных объектов, в то время как площади не являются неотъемлемыми частями инфраструктурных объектов. На этом основании по основному правилу можно писать: набережная канала Грибоедова, набережная реки Мойки, но площадь Курского Вокзала, площадь Кинотеатра Владивосток, 5-я улица Соколиной Горы, площадь Старого Театра, улица Большого Театра. Несмотря на колебания, такие написания поддерживаются узусом.

В составе названий, главное слово которых стоит в именительном падеже, термины (однословные и неоднословные) предпочтительно писать по общему правилу (улица Берег Реки Дон, улица Набережная Реки Самары, улица Левый Берег Реки Оки, улица Правая Набережная реки Ворожи; ср.: улица Мыс Чумака, улица Городок Коминтерна, улица Чёрное Озеро, улица Озеро Хасан, улица Троицкий Лес), хотя сейчас встречаются написания типа улица Набережная реки Самары, улица Левый берег реки Оки / улица Левый Берег реки Оки (фотографии 1, 2).

Особого рода проблему ставят перед пишущими и кодификаторами названия, которые содержат существительное с уменьшительно-ласкательным суффиксом, например: набережная Черной (P/p)ечки, набережная Зимней (K/κ)анавки. Чтобы выбрать написание, необходимо выйти за пределы заявленной в статье темы и понаблюдать за орфографией названий природных географических объектов. Слова речка, канавка не входят в состав номенклатурных географических терминов. В Государственном каталоге геогра-

левый берег реки оки 45а

Фотография 1. Адресный указатель в Орле

Фотография 2. Адресный указатель в Орле

фических названий (ГКГН), в реестре названий Санкт-Петербурга зафиксировано название Чёрная речка, тип объекта определен как река. Можно ли считать слово речка при наличии номенклатурного определения река родовым словом или на письме необходимо показывать, что это часть условного названия Чёрная Речка? В ГКГН в целом выдержан такой принцип: существительные с уменьшительными суффиксами вволятся в состав названия и пишутся с прописной буквы, например: Чёрная Речка (река в Ленинградской обл.), Красная Речка (река в Воронежской обл.), Большая Речка (река в Алтайском крае), Березовая Речка, Крутая Речка, Малая Речка, Маленькая Речка, Поперечная Речка (реки в Республике Башкортостан), Сафроновская Речка (ручей в Республике Башкортостан), Большая Горка, Крутая Горка (горы в Республике Башкортостан), Большая Речка, Быстрая Речка, Вторая Речка, Желтая речка, Черная Речка (реки в Приморском крае). Таким образом, название петербургской реки Чёрная речка оказывается исключением 5. Для унификации написания существительных с уменьшительно-ласкательными суффиксами следовало бы писать Чёрная Речка, и некоторые жители Петербурга выбирают именно такое написание (опрос проводился в Петербурге в рамках Стратегической сессии Тотального диктанта 2019 г.). Такое же написание зафиксировано в поисковой системе адресов «Почты России», встречается в НКРЯ (например, в текстах А.И. Солженицына, В.В. Набокова, М.М. Зощенко и др.).

Лебяжья канавка и Зимняя канавка Санкт-Петербурга — это каналы, поэтому слово канавка не соответствует типу географического объекта и по общему правилу должно писаться с прописной. Однако написания со строчной закрепились в узусе. В поисковой системе индексов «Почты России» находим такие написания: набережная Лебяжьей канавки, но набережная Зимней Канавки. Можно принять как исторически закрепленные написания со строчной буквой для петербургских набережных со словами речка, канавка: набережная Чёрной речки, набережная Лебяжьей канавки, набережная Зимней канавки (фотографии 3, 4). Если у Чёрной Речки другого населенного пункта (рек с таким названием в России множество) появится набережная, то она будет называться набережной Чёрной Речки.

Особого рода затруднения вызывает написание существительных, которые обозначают некоторые типы дорог, например: *просека (просек), аллея, спуск, съезд, взвоз.* В составе топонима их пишут и со строчной, и с прописной (фотографии 5, 6). Причины колебаний различны.

Слово *просека* толкуется как «очищенная от деревьев узкая полоса земли в лесу» [БАС, 2012, с. 241], «очищенная от деревьев полоса в лесу, служащая границей участка, дорогой и т. п.» [БТС, 2014]; *аллея* — «дорога

⁵ На официальном сайте метрополитена Санкт-Петербурга преобладает написание *станция «Черная речка»*. Однако написание *станция «Черная Речка»* в единичных документах встречается. По правилу ПАС, в названиях станций метро, остановок наземного городского транспорта с прописной буквы пишется первое (или единственное слово), а также слова, которые пишутся с прописной в составе соответствующих топонимов [ПАС, 2006, § 175].

чёрной речки 416

Фотография 3. Адресный указатель в Санкт-Петербурге

Фотография 4. Адресный указатель в Санкт-Петербурге

Фотография 5. Адресный указатель в Томске

Фотография 6. Адресный указатель в Томске

(в саду, в парке и т. п.), обсаженная по обеим сторонам рядами деревьев или кустарников» [БАС, 2004, с. 163]. Просекам и аллеям присваивают собственные звания. Слова просека, аллея в сочетании с названием являются родовыми и пишутся со строчной буквы, например: Бумажная просека, Тополёвая аллея. Однако слова просека и аллея могут входить в топонимы, относящиеся к улицам — дорогам с двумя рядами домов. Улицы-аллеи могут иметь характерное озеленение на всем протяжении или на отдельных участках, а также могут его не иметь. Многие улицы-аллеи, улицы-просеки когдато были аллеями и просеками. В их названиях слова аллея и просека используются уже не в прямом значении и могут восприниматься как элементы составных названий (ср. с названиями улиц Земляной Вал, Кузнецкий Мост, Потаповская Роща). Слова просека и аллея, обозначая улицы, частично утрачивают признаки родового слова: человек, живущий на улице Бунинская (А/а) ллея или Берёзовая (П/п)росека, гуляя по своей улице, скажет, что он идет по улице, но не скажет, что идет по аллее или просеке. Такое употребление мотивирует написание слов аллея и просека в уличных топонимах с прописной буквы. В картах «Яндекса»

представлены такие названия улиц-просек: улица Бобровая Просека, улица Широкая Просека, но 9-я Малая просека (без слова улица); на сайте «Почты России» о тех же улицах: улица Широкая просека, улица 9-я Малая просека. В названиях московских улиц официальными источниками закреплено слово аллея в написании со строчной буквы, например: Берёзовая аллея, Бунинская аллея, аллея Витте. В картах «Яндекса» выдержан такой принцип: аллея и просека (а также просек, спуск, съезд, взвоз, набережная) пишутся с прописной, если названию предшествует слово улица, но пишутся со строчной, если слово улица отсутствует. Указанные выше московские названия даны в такой форме: Бунинская аллея, аллея Витте, но улица Берёзовая Аллея. На сайте «Почты России» царит полный орфографический разнобой: Березовая аллея, Бунинская аллея, аллея Витте (г. Москва), улица Березовая аллея (г. Краснознаменск), аллея Березовая аллея (с. Богословское), улица Березовая Аллея (г. Мурино).

Можно предположить, что написание слова *аллея* со строчной в названиях улиц обусловлено расширением значения слова *аллея*. Подобно слову *набережная*, которое обозначает «берег, укрепленный стенкой из бетона, камня, дерева и т. п.» и «улицу вдоль берега реки» [БАС, 2008, с. 22], *аллея* приобретает второе значение — «улица с высаженными вдоль нее деревьями». На написание слова *аллея* может влиять слово *бульвар* из той же семантической группы — «широкая аллея вдоль улицы (обычно посредине ее), набережной и т. п.; широкая улица, обсаженная с двух сторон деревьями» [БАС, 2005, с. 249]. Но пока процесс образования нового, «уличного» значения не завершен, в толковых словарях оно не фиксируется.

Слово *просек* в значении *просека* отмечается в словарях как устаревшее, однако встречается в этом значении в современной топонимии. Устаревшие слова могут быть незнакомы носителям языка и восприниматься в составе топонима как часть названия, провоцируя написание с прописной буквы. Слово *просек* предпочтительно писать по аналогии с *просека*: в названии просека со строчной $(2-\tilde{u}\ \textit{Лучевой}\ npocek)$, но в названии улицы с прописной $(Hapbcku\ u)$ $(Hapbcku\ u$

Слова *спуск*, *съезд*, *взвоз* редки в современной топонимии, они встречаются не в каждом городе ⁶, а слово *взвоз* малоупотребительно и вне топонимов. Спусками и съездами могут называть дороги без домов, по которым можно спуститься, съехать, например в Ярославле к Волге ведет *Флотский спуск*. Слово *взвоз* фиксируется как областное со значением «дорога в гору от реки или перевоза; подъем» [БАС, 2005, с. 506]. Подобные дороги мо-

 $^{^6}$ Если в городе встречаются топонимы со словами *спуск*, *съезд*, *взвоз*, то обычно их немного — от одного до трех.

Фотография 7. Георгиевская улица в Пскове, в прошлом — Георгиевский взвоз

Фотография 8. Адресный указатель в Пскове

гут постепенно застраиваться домами по обеим сторонам, превращаясь в улицы. Это изменение нашло отражение и в топонимике: слова спуск, съезд, взвоз в топонимах заменялись на слово улица. Так, в Пскове несколько улиц, поднимающихся по крутому берегу реки Великой, раньше называли взвозами. Сейчас слово взвоз не употребляется, о нем напоминают лишь таблички, рассказывающие об истории псковских улиц, и названия церквей (фотографии 7, 8, 9). Все взвозы были переименованы в улицы. Например, Георгиевский взвоз стал Георгиевской улицей, на ней расположена церковь Георгия со Взвоза XV в.). Какие написания названий со словами аллея, спуск, съезд, взвоз следует рекомендовать? Возможны различные решения, соответствующие орфографической системе.

Первый вариант — в соответствии с общим правилом различать употребление суще-

ствительных в условном значении в составе названия и в прямом значении как родового слова: *Березовая аллея*, но *улица Березовая Аллея*, *Флотский спуск*, но *улица Спуск Ногина*, *площадь Васильевский Спуск*. Именно такая система принята в картах «Яндекса». Она должна предоставлять читающему дополнительную информацию о названной реалии: по написанию топонима можно понять, идет речь об аллее или об улице, о дороге-взвозе или улице-взвозе и т. д., как орфография сочетания *Новое Озеро* указывает нам на то, что оно относится не к озеру, а к какому-то другому объекту. Однако

такое разграничение самих объектов и последовательное проведение названного принципа затруднительно: застройка может происходить постепенно и в наши дни (фотография 10).

Второй вариант — сохранить исторически обусловленные написания со строчной как после слов улица, переулок, так и без них (ехать по Бунинской аллее, по улице Бунинская аллея, по Масловскому взвозу, по улице Масловский взвоз, по улице аллея Витте 7). Такие написания предпочитают

Фотография 9. Табличка на Георгиевской улице Пскова

⁷ Можно сделать исключение для существительных — первых слов названия и писать их с прописной (улица Аллея Вите, но улица Бунинская аллея). Выделить прописной буквой начало названия особенно важно. Полагаем, что именно этот фактор повлиял и на кодификацию названий, начинающихся со слов, обозначающих должности, звания, титулы, профессии. Чаще всего они являются именно первым словом названия.

Фотография 10. Дорожные указатели в Москве

жители тех городов, в которых есть улицы-аллеи, съезды, спуски, взвозы, о чем говорят опросы в Саратове, Томске, Тюмени, Москве 8. В связи с возможностью трактовать слова аллея, спуск, съезд, взвоз и как родовые слова, и как компоненты названия их можно описывать как исключения из правила о существительных в составе названий, однако можно отнести и к написаниям по правилу — в этом случае достаточно ввести примеры названий в иллюстративный материал

правила и прокомментировать их особенности в сноске или комментарии. Преимущество этого варианта в том, что он соответствует языковому чутью носителей языка.

Третий вариант — допустить контекстно обусловленную вариативность написания: в сочетании со словами улица, переулок писать существительное в составе названия с прописной буквы, без этих родовых слов — со строчной. Тогда об одной и той же улице можно будет написать: по Березовой аллее, по улице Березовая Аллея. Этот вариант разрушает целостность и постоянство названия и вводит принцип написания, который является новым для нашей системы письма. Разные написания названия не будут способствовать унификации орфографии и вряд ли будут приняты пишущими, которым придется писать название по-разному даже в пределах одного текста. Таким образом, наиболее удачным представляется второй вариант.

Дополнительные орфографические рекомендации требуются для названий, включающих в свой состав другие названия, которые сами по себе заключаются в кавычки, например: площадь Кинотеатра Владивосток / площадь Кинотеатра «Владивосток», улица Газеты Звезда / улица Газеты

⁸ При этом в Москве официально закреплено написание *площадь Васильевский* Спуск [Словарь улиц Москвы], фиксация РОС: Васильевский спуск (в Москве, Пскове).

«Звезда», проспект имени Газеты Красноярский рабочий / проспект имени Газеты Красноярский Рабочий / проспект Газеты «Красноярский рабочий», улица Правды / улица «Правды».

В подобных названиях кавычки необходимы для выполнения своей основной функции — выделения условного названия. Желательно сохранить орфографию закавыченных названий внутри топонимов, потому что изменение формы (написание без кавычек, с прописных букв) будет вызывать затруднения в восприятии. Кавычки в конце внутреннего названия будут обозначать и правую границу топонима.

Такое решение влечет за собой вопрос: не нужно ли сохранять орфографию названий внутри других названий, если первые пишутся без кавычек? Как правильно: проезд Насосного Завода или проезд Насосного завода, улица Ткацкой Фабрики или улица Ткацкой фабрики, улица 100-летия Комбината «Магнезит» или улица 100-летия комбината «Магнезит»? Такие названия предпочтительно писать по общему правилу, чтобы не увеличивать количество исключений, не создавать трудностей в определении правой границы топонима.

Вызывает сомнения пишущих орфография слова *имени* в начале названий. Часто оно пишется со строчной буквы вне зависимости от позиции. Слово *имени* можно рассматривать как часть составных терминов *улица имени*, *проспект имени* (ср. *набережная реки*). Такая орфография представлена в картах «Яндекса», например: *улица имени Н.Г. Чернышевского, улица имени Академика В. Н. Челомея, улица имени Газеты «Пионерская правда»*. Слово *имени* в названиях часто сокращают, например *улица им. Героя* Ф.П. Савельева. Если относить слово *имени* к названию, то написание его со строчной буквы оказывается отступлением от основного принципа употребления прописной буквы. Для выделения начала названия и по аналогии с употреблением служебных слов в названиях (в начальной позиции они пишутся с прописной, не в начальной — со строчной, например: Эль-Ниньо, но Абд-эль-Кури) можно рекомендовать писать *улица Имени Н.Г. Чернышевского, улица Имени Академика В. Н. Челомея, улица Имени Газеты «Пионерская правда»*. Однако такие написания сейчас редки.

Завершая обзор орфографических проблем, отметим, что правила употребления прописной буквы могут лишь кодифицировать норму, отражающую системные орфографические явления, т. е. правила отвечают на вопрос, как рекомендуется писать названия представленных там типов. Однако в правилах невозможно отразить все варианты написания, которые в отступление от нормы более или менее прочно закреплены в письменной традиции, зафиксированы в официальных документах. По закону Российской Федерации

«О наименованиях географических объектов» допускается переименование географического объекта, если существующее написание не соответствует правилам орфографии [ФЗ от 18.12.1997 № 152-ФЗ: ст. 7, п. 3]. Закреплять в орфографических правилах исключения представляется возможным только для особо значимых для национальной культуры реалий, изменение написания которых нежелательно в силу укорененности в культурной традиции.

Список литературы

Былинский К. И., Никольский Н. Н. Справочник по орфографии и пунктуации для работников печати. 2-е изд., перераб. М.: Искусство, 1952. 312 с.

Грот Я. К. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне / Под ред. Я. К. Грота. 5-е изд. М.: Книжный дом «Либроком», 2010. $402\ c.$

Мильчин А. Э., Чельцова Л. К. Справочник издателя и автора: редакционно-издательское оформление издания. М.: Олимп, фирма «Изд-во АСТ», 1998. $685 \, \mathrm{c}$.

ПАС — Правила русской орфографии и пунктуации: Полный академический справочник / Под ред. В. В. Лопатина. М.: Эксмо, 2006. 478 с.

Правила русской орфографии и пунктуации / Утвержд. АН СССР, Мин. высш. обр. СССР, Мин. просв. РСФСР. 2-е изд., стер. М.: Учпедгиз, 1956. 176 с.

Промченко И. Ф., Суперанская А. В. Прописные буквы (проект правил для орфографического свода) // Проблемы современного русского правописания / Отв. ред. В. В. Виноградов; АН СССР, Ин-т рус. языка, Комиссия по усовершенствованию русской орфографии. М.: Наука, 1964. С. 131–140.

Розенталь Д. Э. Справочник по правописанию и литературной правке: для работников печати. М.: Книга, 1967. 408 с.

Розенталь Д. Э. Справочник по правописанию и литературной правке / Под ред. И. Б. Голуб. 2-е изд., испр. М.: Айрис-пресс, 1999. 368 с.

Розенталь Д. Э., Джанджакова Е. В., Кабанова Н. П. Справочник по русскому языку: правописание, произношение, литературное редактирование. 7-е изд. М.: Айрис-пресс, 2010. 496 с.

Суперанская А.В. Прописная и строчная буква в собственных именах различных категорий // Орфография собственных имен / Отв. ред. А.А. Реформатский; АН СССР, Ин-т рус. языка. М.: Наука, 1965. С. 25–43.

Федеральный закон от 18.12.1997 № 152-ФЗ «О наименованиях географических объектов». URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc =102380558&backlink=1&&nd=102050595.

Словари

БАС 2004 — Большой академический словарь русского языка: Т. 1: А — Бишь. / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; под ред. Л. И. Балахоновой. СПб., 2004 (Акад. тип. Наука РАН). 661 с.

БАС 2005 — Большой академический словарь русского языка: Т. 2: Благо — Внять. / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; гл. ред. К. С. Горбачевич. 2005 (СПб.: 1-я Акад. тип. Наука). 657 с.

БАС 2008 — Большой академический словарь русского языка: Т. 11: Н — Недриться / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; [ред. Н. В. Соловьев — Д. И. Панков]. 2008. 632 с.

БАС 2012 — Большой академический словарь русского языка: Т. 21: Проделать — Пятью / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; [ред. Л. И. Балахонова]. 2012. 629 с.

БТС — Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. 2014 // Справочно-информационный интернет-портал «Грамота.py». URL: http://gramota.ru/slovari/dic/

РОС — Русский орфографический словарь РАН / Под ред. В.В. Лопатина, О.Е. Ивановой. 5-е изд., испр. и доп. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2018. 879 с.

Интернет-ресурсы

Государственный каталог географических названий // Росреестр. Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии. URL: https://rosreestr.ru/site/activity/gosudarstvennyy-katalog-geograficheskikh-nazvaniy/

Карты // Яндекс. URL: https://yandex.ru/maps

Национальный корпус русского языка. URL: http://www.ruscorpora.ru/

Поиск индекса [поисковый сервис] // Почта России. URL: https://www.pochta.ru/post-index

Словарь улиц Москвы // Справочно-информационный интернет-портал «Грамота.py». URL: http://new.gramota.ru/spravka/moscow

E.V. Arutyunova

IN THE TOPONYMIC WEB OF STREETS

The article covers various problems with using a capital letter in the names of the streets, avenues, highways, lanes and other elements of the road network, the spelling of which varies in grammatical usage and dictionaries due to the absence or insufficient clarity of their description in the rules. Proposals are made considering the form in which these names could be codified. The history of street name codification is outlined, including nouns that do not indicate the type of named geographical object (e.g. *Okhotny Ryad*). The specificity of the capitalization rules is defined not only by the spelling of the place names in linguistic sources, but also in official documents.

Keywords: spelling, codification, norm, spelling rules, codification history, capital letter, toponyms, geographical names.

М. Г. Чабаненко, Э. С. Денисова

ОБЫДЕННАЯ МЕТАЯЗЫКОВАЯ РЕФЛЕКСИЯ КАК СПОСОБ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРИОРИТЕТНОСТИ ОРФОГРАФИЧЕСКОГО ВАРИАНТА

Статья посвящена проблеме выявления случаев орфографической вариативности в современном русском языке с точки зрения их частотности и причин предпочтения выбора того или иного варианта языковой личностью. Метаязыковая рефлексия, сопровождающая ответы участников эксперимента, позволяет определить приоритетность орфографического варианта, выявить наиболее актуальные стратегии и средства, используемые носителями языка для объяснения своего выбора, установить языковые механизмы, формирующие орфографическую норму.

Ключевые слова: метаязыковая рефлексия, метаязыковое сознание, обыденное сознание, орфографическая норма, орфографический вариант, лингвистический эксперимент.

Динамические процессы русского языка обусловливают развитие вариативности, затрагивающей фонетический, лексический, грамматический, стилистический уровни. Обращение к проблеме языковой вариативности мотивировано интересом современного общества к повышению уровня грамотности, для проверки которой существуют различные формы, одной из них является международная культурно-просветительская акция «Тотальный диктант».

На Международных научно-практических конференциях Тотального диктанта неоднократно обсуждались вопросы кодификации норм правописания. Проблемы динамики, вариативности и кодификации нормы в соответствии с языковой системой традиционно принадлежат к числу важнейших проблем ортологии. Как отмечают лингвисты, в отличие от норм устной речи, письменные носят императивный характер, поэтому случаи вариантного написания являются единичными [Булохов, 2010].

Первый этап нашего исследования был посвящен рассмотрению вопросов, связанных с пунктуационной вариативностью русского языка [Булгакова, Чабаненко, 2014]. Актуальность проблематики обусловлена интересом, проявляемым неравнодушными носителями языка к ошибкам, допущенным в надписях на памятниках в г. Кемерове.

[©] М. Г. Чабаненко, Э. С. Денисова, 2019

Так, например, пунктуационные ошибки в стихотворении Роберта Рождественского на стеле «Скорбящая мать» (фотография 1) вызвали бурное обсуждение в социальных сетях, ср.:

Фотография 1

Юлия Краснова: да уж...позор...

Ева Шварц: Да нет тут ошибки никакой сами неучи!!! У любого фи-

лолога спросите!!! ОШИБКИ НЕТ!!!

Анастасия Гильметдинова: Ошибок здесь нет!!!

Возмущение горожан способствовало исправлению ошибок (фотография 2).

Фотография 2

Однако, к сожалению, ошибки на других памятниках остались (фотографии 3, 4).

Проведение лингвистического эксперимента, направленного на анализ метаязыковой рефлексии носителей языка, аргументирующих выбор пунктуационного знака, выявило предпочтение знаков препинания и причины их употребления.

На втором этапе исследования мы обратились к изучению орфографических вариантов русского языка. Динамическая природа языковой системы способствует появлению новых вариантов, которые в дальнейшем унифицируются благодаря императивному характеру орфографической нормы, что доказывают такие примеры из истории языка, как галлерея (устар.) и галерея, придти (устар.) и прийти.

Опираясь сформулированный на Н. Д. Голевым тезис о том, что метаязыковое сознание является важнейшим компонентом речевой деятельности, обеспечивающим «освоение ее механизмов в процессе онтогенеза языковой личности и дальнейшего их совершенствования» [Голев, 2009, с. 379], мы провели ряд экспериментов, позволяющих установить причины выбора носителями языка орфографических вариантов в зависимости от определенных контекстов.

Цель второго этапа исследования состояла в выявлении и описании метаязыковых стратегий, объясняющих особенно-

Фотография 3

Фотография 4

сти выбора написания слова определенной языковой личностью — школьником и студентом.

В качестве объекта метаязыковой рефлексии в нашей работе выступает слово, точнее его графическое оформление, при этом метаязыковая рефлексия информантов проявляется преимущественно в комментариях, а также в отдельных словах, оценочных высказываниях и реакциях.

Материалом для работы послужили полученные в ходе лингвистического эксперимента ответы информантов. В качестве источника были отобраны предложения из Национального корпуса русского языка, содержащие разные типы орфографических вариантов (типология орфографических вариантов представлена в работе [Денисова, 2017]): варение — варенье, воскресение — воскресенье, галоша — калоша, галерея — галлерея, глава — голова, калдобина — колдобина, матрас — матрац, матрасный — матрацный, мозаика — мозайка, ноль — нуль, нолевой — нулевой, Отечество — отечество, Псалтырь — псалтырь — псалтирь — псалтирь, печение — печенье, прийти — придти, свидание — свиданье, середина — средина, сидение — сиденье, строгать — стругать, тоннель — туннель, тоннельный — туннельный, фортепиано — фортепьяно, шпаклёвка — шпатлёвка, шпаклевать — шпатлёвка, фаил — файл.

К сожалению, примеры орфографических ошибок находят письменное отражение и в современном городском ландшафте. Справедливости ради отметим, что все ошибки в дальнейшем были исправлены (фотографии 5, 6).

Фотография 5

Фотография 6

В ходе эксперимента школьникам и студентам были предложены следующие задания по оценке орфографических вариантов и отражению языковых механизмов, формирующих орфографическую норму.

1. Прочитайте предложения. Из слов, данных в скобках, выберите правильный(ые) вариант(ы).

2. Объясните, чем обусловлено наличие в языке данных вариантов и чем они различаются?

Анализ полученного материала позволил выявить следующие метаязыковые стратегии и средства их выражения, которые использовали носители языка для объяснения своего выбора.

1. Фонетико-орфоэпическая стратегия предполагает, что выбор написания слова обусловлен факторами его благозвучия или удобопроизносимости для говорящего. Маркерами данной стратегии, как правило, выступают грамматические средства оформления текста — сравнительная степень прилагательных или наречий (лучше, проще) + глагол / отглагольное существительное, ср. ответы:

```
лучше звучит: мозайка, Псалтырь, свидания, середина, тоннель; проще для произношения: свидание, свиданья; матрас — лучше звучит, чем матрацы; фортепьяно — проще для произношения в повседневной речи.
```

Некоторые комментарии оформлены в духе «отрицательного языкового материала», имеющего в словарях помету «так не говорят» (Л.В. Щерба), ср.: *средина* — *так говорят*, *но не пишут*.

2. Стратегия мотивационного анализа предполагает, что выбор написания слова связан с отсылкой к производящей основе. Основным маркером данной стратегии выступает употребление конструкции «предлог om + существительное или глагол в начальной форме», ср.:

```
варение — от глагола варить (2); варение от варить, а варенье — сходное варенье; воскресение — от воскрешать; нолевой — от ноль; нулевой — от нуль; стругать — проверить стружка, остатки того, что стругают, корень струж; туннельный — от слова туннель (4); шпатлёвка — от шпатель [выделен корень, подчеркнуто Т]; разговорн. — шпаклёвка, шпатлёвка — шпатель [подчеркнуто Т]; фортепиано — ср. пианино — производящее слово, имеет один корень с пианино.
```

Данная стратегия преобладает при объяснении написания производных единиц.

3. Стратегия морфологического анализа предполагает, что выбор написания слова связан с установлением его грамматической принадлежности и/или описанием грамматического значения, ср.:

варенье — существительное, по значению;

варение — глагол (например, *варение грибов*) и *варенье* — существительное (малиновое варенье);

воскресение — существительное от глагола воскреснуть, оживить и существительное — день недели;

воскресение — отглагольное существительное;

Все зависит от контекста. **Воскресенье** — день недели и более привычно как существительное. **Воскресение** — глагол и в контексте нужно это слово;

матрасный — в прилагательном употребляется только один верный вариант — матрасный;

ноль — нолевая отметка, слово ноль обычно не склоняется, для варианта со склонением используют слово «нуль», при склонении о заменяется на у;

печенье — это результат, это существительное, по контексту это еда, выпечка;

свиданья — правильно свиданье, так как это существительное обозначает кратковременный период увиденного, а свидание подразумевает более продолжительный период времени (синоним слова встреча);

сидение — это существительное от глагола сидеть, поэтому оно не подходит, так как в некоторой степени обозначает процесс, действие, вид деятельности. Сидение — процесс, действие.

Данная стратегия активно использовалась информантами при выборе написания отглагольных существительных.

- **4.** Обращение к **стратегии стилистического анализа** предполагает выбор информантом написания слова с опорой на один из следующих факторов:
- а) стилистический фактор указание на значимость функциональностилевой или эмоционально-экспрессивной закрепленности слова, ср.:

воскресение — церковно-славянское слово, а **воскресенье** — разговорный вариант;

глава — стилистически верное употребление;

калдобина — просторечное слово, диалектное слово;

калоша — книжный, литературный вариант, галоша — разговорный;

отечество — родина, не возвышенный тон;

отечество — нет возвышенного контекста;

свиданье — просторечная форма;

строгать — разговорное;

стругать — просторечное слово;

```
фортепьяно — в разговорной речи;
шпатлевать — неравноправное по значению среди проф.;
шпатлёвка — общее (шпатель), шпаклёвка — профессион.;
шпатлевать — спец.;
```

б) хронологический фактор — указание на значимость времени употребления единицы; как правило, объектом метаязыковой рефлексии становятся слова с полногласием/неполногласием в корневой морфеме, а также единицы пассивного запаса, ср.:

```
(волостной) голова — голова — устарев. слово;
   галоша — так бабушка говорила;
   галерея — современ.;
   галлерея — устар. (3);
   калдобина — устар. (6);
   колдобина — соврем.;
   матрац — устаревшая форма;
   матрас/матрац — в современное время употребляется данное слово как
с буквой «с», так и с «ц»;
   придти — устар., а прийти — соврем.;
   прийти — правильное, придти — устаревшее;
   (\Pi/\Pi)салтирь — устар. (4);
   свиданье — устар.;
   середина — современный русский вариант, средина — устар.;
   средина — устаревшее слово (8);
   стругать — устар. (6);
   фортельяно — устаревший вариант, используется в художественной литера-
туре 18-19 веков, а фортепиано — современный вариант.
ры употребления единицы, ср.:
```

в) топонимический фактор — указание на значимость территориальной сфе-

средина — употребляется у пенсионеров в деревне; тоннель/туннель — возможна территориальная норма разных регионов.

5. Стратегия анализа лексической сочетаемости слов предполагает, что выбор написания слова определяется его способностью сочетаться с ограниченной группой единиц, ср.:

```
посадить в калошу — фразеологизм / фразеологический оборот (10);
калоша пишется во фразеологическом обороте сесть в калошу (3);
прийти к решению — устойчивое выражение;
сводить к нулю — устойчивое выражение имеет значение «утратить смысл»;
нуль — сочетаемость: нулевой километр, т. е. нуль.
```

6. Стратегия анализа семантической сочетаемости предполагает, что выбор написания слова определяется его способностью сочетаться с группой лексем, объединенных общностью смысла, ср.:

```
волостной глава — должность, голова — часть тела; воскресение — библейское, воскресенье — день недели; воскресение — оживление, не подходит по смыслу, воскресенье — день недели;
```

матрасный — не матрацный, потому что матрац — это то, где лежит;

посадить в калошу — если галошу, то значение изменится;

середина/средина — середина употребляется для плоскости, а средина для понятия глубины;

середина — речь идет о времени, о середине августа, а не о среднем, не о чем-то среднем;

строгать — стругаем мы овощи, а строгаем дерево.

7. Стратегия анализа синтаксической сочетаемости слов предполагает, что выбор написания слова определяется его способностью иметь при себе зависимые единицы или распространители. Как правило, информанты отмечают случаи, когда приставка предсказывает форму определителя — предложно-падежную конструкцию, ср.:

средина/середина — со средины, но на середину. Предлог *со* употребляется только со словом *средина*, а во втором должно быть тоже самое, чтобы словосочетания не теряли логический смысл;

ноль/нуль — так как предлог κ , с предлогами в слове *ноль* корневая гласная меняется на у, *к нулю*, так как косвенный падеж, слово *«ноль»* обычно не склоняется, для варианта со склонением используется слово *«нуль»*.

8. Наиболее распространенной среди информантов является кодифицирующая стратегия, при которой носители языка отмечают неравноправный характер анализируемых единиц, указывая на нормативный или ненормативный характер одной из них, ср.:

```
галерея — всегда пишется с одной л; галерея — словарное слово; Отечество — всегда с заглавной буквы; тоннельный — нет такого варианта; сиденье — неправильно записано;
```

шпатлёвка — такого слова нет (2);

шпатлёвка — неправильно употреблено, нет такого слова;

придти — такого слова нет;

 ϕ аил — такого слова не существует, незнакомое слово, неправильный вариант употребления, не встречала вариант ϕ аил.

Результаты проведенного эксперимента показывают, что испытуемые предпочитают выбирать только один вариант написания в качестве правильного (85% ответов). Это подтверждает тезис о том, что в соответствии со школьной практикой выбор орфографических вариантов носит унифицированный характер. При этом наличие в языке предлагаемых для анализа вариантов носители языка объясняют в основном смысловыми или стилистическими различиями.

Таким образом, проведенное исследование позволяет увидеть:

- возможные пути развития орфографической нормы (так, большинство испытуемых выбрало ненормативный вариант *мозайка*, объясняя это удобством произношения);
- отразить конкуренцию «новых» и «старых» орфографических вариантов в языке (например, из пары нормативных вариантов большинство опрошенных предпочло выбрать написание *туннель*, *туннельный*, *матрас*, *матрасный*, *нулевой*, *строгать*);
 - глубже понять причины ошибок, допускаемых носителями языка.

В результате проведенного комплексного исследования было выявлено, что в случае орфографической вариативности, как и при пунктуационной, выбор языкового знака определяется не только богатыми возможностями русского языка для выражения разнообразных смыслов, но и лингвокогнитивными особенностями личности, т. е. ее метаязыковым сознанием.

Список литературы

Булгакова О. А., Чабаненко М. Г. Обыденная метаязыковая рефлексия как способ определения пунктуационной вариативности // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2014. Т. 13. Вып. 9: Филология. С. 97–101.

Булохов В. Я. Назначение и структура «Словаря орфографических вариантов» // Вестн. Омск. ун-та. 2010. № 1. С. 122—123.

Голев Н. Д. Современное российское обыденное метаязыковое сознание между наукой и школьным курсом русского языка («правильность» как базовый постулат наивной лингвистики) // Обыденное метаязыковое сознание: Онтологический и гносеологический аспекты: Коллективная моногр. / Под ред. Н. Д. Голева. Томск, 2009. Ч. 2. С. 378–409.

Денисова Э. С. Орфографические варианты и выбор их написания в школьной практике (на материале лексикографических источников) // Учен. зап. Новгород. гос. ун-та им. Ярослава Мудрого. 2017. № 3 (11). URL: http://www.novsu.ru/univer/press/eNotes1/i.1086055/?id=1337299 (дата обращения: 28.02.2019).

Электронные ресурсы

Национальный корпус русского языка. URL: http://www.ruscorpora.ru/ (дата обращения: 29.01.2019).

M.G. Chabanenko, E.S. Denisova

COMMON METALANGUAGE REFLECTION AS A WAY OF DETERMIN-ING PRIORITY ORHOGRAPHIC OPTION

The article is devoted to the problem of identifying spelling variability cases in modern Russian from the point of view of their frequency and reasons of a language personality for choosing one or another variant. The metalinguistic reflection that accompanied the answers of the experiment participants makes it possible to determine the prioritized spelling option, to identify the most relevant strategies used by native speakers to explain their choices, and to establish linguistic mechanisms used to form the spelling norm.

Keywords: metalinguistic reflection, metalinguistic consciousness, common consciousness, spelling norm, spelling option, linguistic experiment.

Е.П. Дудина

ПРИЕМ АЛГОРИТМИЗАЦИИ ПРАВИЛА КАК ИНСТРУМЕНТ КОРРЕКЦИИ ОРФОГРАФИЧЕСКОЙ ГРАМОТНОСТИ ВЗРОСЛЫХ

(на примере правописания H и HH в словах разных частей речи) *

Рассматриваются особенности использования приема алгоритмизации правил при изучении орфографии. Особое внимание уделено изучению орфограммы «Одно и два Н в словах разных частей речи», вызывающей затруднения у пишущих по-русски. Предлагается авторский алгоритм для закрепления навыков правописания слов с указанной орфограммой в рамках курсов подготовки к Тотальному диктанту.

Ключевые слова: орфография, алгоритм, методика, правило, правописание.

Одна из задач Тотального диктанта — «убедить <пишущих> в том, что заниматься русским языком нелегко, но увлекательно и полезно». Опираясь на научные постулаты, Тотальный диктант реализуется как популяризаторская акция: целевая аудитория проекта — широкая нефилологическая общественность, все, «кто умеет писать».

Проводимые в рамках проекта образовательные мероприятия — краткосрочные курсы русского языка — предназначены для желающих повысить уровень грамотности, вспомнить забытые школьные правила. Глубокое фундаментальное изучение орфографии и пунктуации в их гармоничном единстве с другими разделами русской грамматики в рамках краткосрочных курсов не предусмотрено. Задача преподавателя курсов, на наш взгляд, заключается в том, чтобы ясно, лаконично и увлекательно изложить наиболее трудные правила, убедив слушателей, что они способны писать грамотно. В аспекте этой задачи преподаватели ведут интенсивный поиск наиболее

[©] Е.П. Дудина, 2019

^{*}Предложенный автором статьи алгоритм выбора одной и двух Н в словах разных частей — результат методического поиска, попытка объяснить учащимся одно из самых сложных правил современного русского правописания, что, безусловно, заслуживает внимания. Однако некоторые шаги алгоритма далеко не бесспорны с научной и методической точки зрения. Публикуя статью Е.П. Дудиной, редакция сборника приглашает читателей к дискуссии.

действенных приемов, формируя и расширяя методический инструментарий курсов подготовки к Тотальному диктанту.

Одним из продуктивных приемов работы с орфограммами является алгоритмизация правил правописания [Пекарская, Попова, 2013, с. 124]. Алгоритм как математическое понятие включает последовательность действий (шагов и операций), выполняемых над объектами с целью переработки исходных и промежуточных данных в искомый результат. В методике русского языка под алгоритмом понимается схема овладения правилом в несколько этапов. Рассматривая правило (совокупность правил) как объект алгоритмизации, а выбор правильного варианта написания в конкретном слове — как орфографическую задачу, можно составить алгоритм действий, необходимых для решения задачи.

Прием алгоритмизации орфографического правила широко используется в современных педагогических технологиях обучения русскому языку [Селезнева, 2006; Журавлева, 2000]. Алгоритмизации подвергаются как простые (например, правописание разделительного Ъ), так и сложные правила орфографии (например, слитное и раздельное правописание НЕ со словами разных частей речи). Алгоритмы, способствуя трансформации наглядно-образного мышления в наглядно-схематическое и логическое, позволяют систематизировать мыслительные операции, необходимые для решения орфографической задачи, и сформировать устойчивый навык применения орфографического правила в потоке письма.

Традиционно одной из самых трудных для усвоения орфограмм является правописание двойного H и одного H в словах разных частей речи (далее — орфограмма H / HH). Этой теме уделяется большое внимание и при подготовке к Тотальному диктанту, однако ошибки в словах с указанной орфограммой по-прежнему остаются частотными.

Методические трудности изучения орфограммы Н / НН обусловлены рядом причин. Во-первых, выбор варианта написания орфограммы Н / НН регулируется двенадцатью правилами, каждое из которых не только представляется сложным для понимания само по себе, но и содержит ряд исключений. Во-вторых, в школьной практике изучение этой орфограммы разбито на этапы в соответствии с морфологическим подходом и длится несколько лет, что приводит к фрагментарному и беспорядочному усвоению правил. В-третьих, работа с орфограммой Н / НН требует глубоких системных знаний из области морфологии, словообразования, семантики, этимологии; предполагает умение пишущего распознавать явления морфологической омонимии.

Все вышеперечисленное обусловило методическую целесообразность применения алгоритмизации для орфограммы H / HH и привело к созданию предлагаемого нами алгоритма.

Согласно теории алгоритмизации в педагогических технологиях, изложенной В.П. Беспалько, непременными свойствами алгоритма являются его определенность (простота и прозрачность операций), массовость (приложимость к целому классу задач), результативность (обязательное подведение к ответу) и дискретность (членение на элементарные шаги) [Беспалько, 1995, с. 15]. В построении алгоритма для орфограммы Н / НН мы учли эти положения, несколько уточнив и конкретизировав их с учетом особенностей алгоритмизации орфографического правила.

- 1. Определенность в предлагаемом нами алгоритме проявляется в минимуме используемой лингвистической терминологии, что обеспечивает ясность и доступность алгоритма для любого пользователя.
- 2. Массовость отражается в возможности применения алгоритма для универсального решения орфографических задач, связанных с орфограммой H / HH, с учетом известного пользователям списка слов-исключений.
- 3. Результативность и дискретность алгоритма заключаются в возможности решить задачу благодаря совершению минимального количества «шагов», что позволяет существенно сократить время на поиск ответа.
- 4. Сведение нескольких алгоритмов-таблиц в единую развернутую циклическую схему придает алгоритму визуальную привлекательность и обеспечивает удобство запоминания.

В качестве объекта алгоритмизации принимается орфограмма Н / НН, орфографической задачей считается слово с указанной орфограммой. Для обеспечения определенности алгоритма нами введено условное понятие «конец слова» — это одна или две графемы (буквы), находящиеся в слове в позиции после Н / НН. Графемы, включенные в понятие «конец слова», могут отражать разные морфемы — суффикс (для наречий) или окончание (для прилагательных или причастий): например, в слове *торжестве* и на конце слова (в позиции после пропуска букв) одна графема (суффикс), а в слове *каме ый* — две графемы (окончание).

Первым шагом алгоритма является выбор между краткой и полной формой слова. Известно, что правописание Н и НН в кратких и в полных формах прилагательных и причастий регулируется разными правилами. На данном этапе определяется дальнейшая траектория рассуждений: если на конце слова одна буква — перед нами краткая форма, действуем по плану 1. Если на конце слова букв две или более — перед нами полная форма, действуем по плану 2 (рис. 1).

Замороже...ы

Сколько букв на конце слова?

Puc. 1

Вопрос о количестве букв на конце слова не представляет сложности для пишущего, поэтому первый шаг алгоритма выполняется мгновенно.

Действуя по плану 1 (краткая форма), следует разграничить краткие причастия, краткие прилагательные (в том числе отглагольные) и наречия. Очевидно, что разграничение возможно по семантическому признаку: только в кратких причастиях преобладает глагольная семантика — значение действия. Соответственно, следующим шагом алгоритма является ответ на вопрос: в значении данного слова есть действие? Если ответ положительный — орфографическая задача решена: в слове пишется одно Н, этот вариант регулируется правилом: «В кратких страдательных причастиях прошедшего времени пишется одно Н». При отрицательном ответе нужно перейти к плану 2, т. е. восстановить полную форму слова, поскольку, согласно правилу, в наречиях и кратких прилагательных пишется столько Н, сколько в полном прилагательном или причастии, от которого они образованы (рис. 2).

Вопрос о Н / НН в полных формах прилагательных и причастий регулируется двумя группами правил, которые разделяются по семантическому признаку. Одна группа определяет нормы для отыменных образований (имен прилагательных), другая — для отглагольных образований (причастий). Этот признак положен и в основу предлагаемого нами алгоритма. Первым шагом решения задачи по плану 2 является ответ на вопрос, отыменное перед нами образование или отглагольное. Чтобы сократить время на поиск ответа, в алгоритме предлагается проверить слово на сочетаемость с местоимением *кем-то*. Очевидно, что со словом именной семантики это местоимение сочетаться не будет, а со словом глагольной семантики — будет. На этом этапе происходит выбор траектории дальнейших рассуждений.

При написании Н / НН в полных причастиях учитывается следующее: наличие приставки (кроме не-), наличие зависимого слова, вид причастия (вид глагола, от которого образовано причастие), наличие суффиксов -ова-, -ева-. Эти критерии зашифрованы в алгоритме по первым буквам — П (приставка кроме не-), З (зависимое слово), С (совершенный вид), -ова- / -ева-. Четко уяснив особенности этих условий, пользователи алгоритма запоминают их в сокращенной формуле ПЗС, -ова- / -ева- ¹. В случае отсутствия всех указанных условий в слове пишется одно Н. В случае, если хотя бы одно из условий присутствует, в слове пишется НН.

Замороже...ы Сколько букв на конце слова? 1 оборозуй получую форму нет нет

Puc. 2

Для выбора Н / НН в отыменных прилагательных следует провести словообразовательный анализ, поскольку имена прилагательные, образованные от имен существительных с основой на -*H* с помощью суффикса -*н*-, пишутся с НН. Кроме этого, необходимо учитывать прилагательные, образованные от существительных особого склонения с основой на -*мя*, в этих прилагательных всегда пишется НН. Два Н пишется в суффиксах прилагательных -*онн*-, -*енн*-. Все эти условия сжаты в схеме алгоритма (рис. 3). В случае отсутствия всех указанных условий осуществляется выбор в пользу одного Н. В случае обнаружения хотя бы одного из условий пишется НН.

 $^{^1}$ Идея использования букв ПЗС при изучении орфограммы H / НН принадлежит учителю русского языка Р. В. Кошкиной [Кошкина, 2019].

Замороже...ые

Puc. 3

Проверим действие алгоритма применительно к словам из текста Тотального диктанта 2018 г.

```
Шел <...> мимо струга_ых заборов: струга_ых — две буквы на конце слова (полная форма) | сочетается с кем-то <кем-то струга_ых> — глагольное образование | приставки нет | зависимого слова нет | несовершенного вида (стругать — что делать?) | суффиксов -ова-, -ева- нет | пишется H: струганый.
```

Подобным образом по алгоритму решаются все остальные орфографические задачи текста Тотального диктанта 2018 г. («Вечер»), кроме слова-исключения *деревянный*. Отметим, что списки слов-исключений с H и с HH отдельно прилагаются к алгоритму.

Рассматриваемый алгоритм позволяет справиться и с выбором Н / НН в случаях омонимии кратких страдательных причастий и соотносимых с ними кратких отглагольных прилагательных. При анализе предложений типа (1) *Люди были подавленны* и (2) *Ягоды были подавлены* несложно увидеть преобладание глагольной семантики во (2) примере (ягоды кто-то подавил) и выбрать одно Н в этом слове, действуя по алгоритму. В примере (1) глагольная семантика вторична (людей никто не давил), преобладает адъективная семантика, поэтому вариант написания Н / НН определяется по полной форме слова: пишется НН, так как в слове *подавленный* есть приставка, указывающая на совершенный вид.

Правописание H / HH в именах существительных требует специального рассмотрения. Известно, что имена существительные с указанной орфограммой, как правило, являются производными от соответствующих имен прилагательных или причастий (вареник — от вареный и т. п.). Написание H / HH в таких существительных определяется по исходному слову. В связи с этим для определения H / HH в существительном следует сначала привести его в подходящую для алгоритма форму: $husme_ocmb \leftarrow husme_ый$ (далее решаем по алгоритму).

Рассматриваемый алгоритм был апробирован нами в работе со студентами — выпускниками школ, а также использовался на курсах подготовки к Тотальному диктанту 2018 г. Данные выборочных мониторингов показывают значительное уменьшение количества ошибок на орфограмму Н / НН после ознакомления пишущих с алгоритмом. Объективные выводы об эффективности применения алгоритма будут сделаны нами по мере накопления исследовательского материала.

Подводя итог, отметим, что предлагаемый подход к изучению орфографического правила, на наш взгляд, нисколько не противоречит принципам традиционной методики, а, напротив, дополняет и расширяет их, позволяя показать орфографическое правило в его системности, логической и смысловой завершенности. Прием алгоритмизации правил способствует коррекции орфографической грамотности взрослых и может использоваться при подготовке к написанию Тотального диктанта.

Список литературы

Беспалько В. П. Педагогика и прогрессивные технологии обучения. Учеб. пособие. М.: Ин-т проф. обр. PAO, 1995.

Журавлева Л.И. Русский язык в алгоритмах. Орфография. Справочное пособие. Южно-Уральское книжн. изд-во, 2000.

Иванова В. Φ . Трудные вопросы орфографии. Пособие для учителя. М.: Просвещение, 1975.

Кошкина Р. В. Тренажер H-HH в разных частях речи / Mory писать URL: https://mogu-pisat.ru/kurs/lerbuch/?SECTION_ID=&ELEMENT_ ID=576638 (дата обращения 14.03.2019).

Пекарская И. В., Попова Е. Г. Алгоритм в лингвистике: к проблеме типологии и системного описания // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2013. № 8(75). С. 124–131.

Розенталь Д. Э. Справочник по правописанию и литературной правке / Под ред. И. Б. Голуб. М.: Айрис-пресс, 2003.

Селезнева Л.Б. Русский язык. Орфография. Пунктуация. Обобщающие алгоритмы и упражнения. М.: Дрофа, 2006.

E. P. Dudina

THE METHOD OF SPELLING RULES' ALGORITHMIZATION IN CORRECTION OF ADULT ORTHOGRAPHICAL LITERACY (EXEMPLIFIED BY SPELLING DIFFERENT PARTS OF SPEECH WITH ONE OR TWO Ns)

The article deals with the method of algorithmization in the process of learning spelling rules. Special attention is paid to the "One or Two Ns in different parts of speech" orthogram which presents a particular difficulty for Russian-speakers. This orthogram is one of most complex ones in Russian spelling. The author proposes a signature algorithm for perpetuating correct spelling of this orthogram as part of the Total dictation preparatory course.

Keywords: orthography, orthogram, algorithm, spelling rules.

Н.В. Николенкова

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ОРФОГРАФИИ: ДОПЕТРОВСКИЙ ПЕРИОД

В статье рассмотрен ранний период русской орфографии — со времен начала кириллической письменности до ее реформы Петром Великим. Описаны принципы построения графико-орфографической организации русского (и церковнославянского) письма периода XI–XVII вв. исходя из теоретических положений, характеризующих современную графико-орфографическую систему. Статья адресована не историкам языка, а специалистам по современному русскому языку, в том числе учителям словесности.

Ключевые слова: история орфографии, кириллица, принципы орфографии.

Традиция обращения к истории русского письма предполагает обязательное сообщение о создании славянской азбуки святыми Кириллом и Мефодием, о важности этого события для дальнейшего развития славянской письменности. Кириллица (а именно так для упрощения ситуации называют первую славянскую азбуку) позволила развить славянскую, а потом и русскую письменность. Обычно вслед за этим авторы переходят к Петровской эпохе — рассказу о введении гражданицы, изъятии из русской азбуки букв, которые ей более не нужны (например, ω и ψ), упрощении самих написаний [Князев, Пожарицкая, 2011, с. 370]. Период IX (для русской письменности — с XI) — XVII вв. оказывается известен только специалистам — историкам языка, которые изучают памятники средневековой письменности. Однако рассмотрение развития правописных принципов и норм этого периода необходимо для понимания общей истории развития русской орфографии.

Создание в 862 г. славянской азбуки (глаголицы, которая позже заменяется кириллицей) оказывается не только культурным, но и важным филологическим явлением. Еще в X в. на важность и значимость этого обратил внимание древнеболгарский книжник Храбр, написавший «Сказание о письменах». В сказании отмечается, что Кирилл, составляя алфавит для славян, услышал особые звуки, которых не было в других языках, и создал буквы для их обозначения. Храбр пишет, что сначала славяне пытались пользоваться приду-

[©] Н.В. Николенкова, 2019

манными для других языков графическими системами ¹. Но это было неудобно: чтобы обозначать отсутствующие в славянских языках звуки, единственно возможным приемом может быть создание диграфов, полиграфов или специальных символов [Там же, с. 362]. Кирилл-Константин, по словам Храбра, услышал, как много звуков отличает славянские языки от их окружения: «...как может писаться... греческими буквами "богъ", или "живот", или "зело", или "церковъ", или "чаяние", или "широта"... и иное подобное этому?» Для обозначения этих звуков им и были введены отдельные буквы (рис. 1).

Puc. 1

Сказание Храбра было весьма популярным в средневековой русской письменности: им начинались грамматические сборники, его переделывали в учебных целях (сохранились вопросно-ответные переложения, демонстрирующие характер потенциального опроса обучающихся).

Но не только в выявлении особых славянских фонем и изобретении графем для их обозначения состоит заслуга создателей славянской азбуки. Они придумали принцип, позволяющий русскому алфавиту до сих пор экономить буквы.

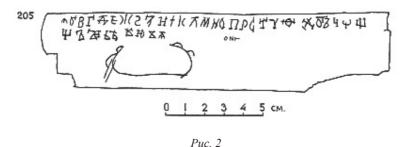
В славянской фонетике IX в. не было тех же рядов парных по твердости/мягкости согласных, как в современном русском языке: сегодня мы имеем 15 парных ([б], [б'], [в], [в'], [г], [г'], [з], [з'], [л], [л'] и т. д.) [Там же, с. 364–366], тогда как в славянских языках времени создания азбуки их было намного меньше ([л], [л'], [р], [р'], [з], [з'], [с], [c'] 2). Для мягких вариан-

¹ До наших дней дошли Фрейзингенские отрывки — рукопись, где латиницей записаны три славянских текста; в настоящее время хранится в Баварской государственной библиотеке в Мюнхене.

² В нашу задачу не входит описание тонкостей фонетического устройства славянских языков IX–XI вв., вопрос о качестве согласных важен для специалистов по исторической фонетике: он подробно освещается в учебных пособиях по старославянскому языку [Ремнева, 2004] и исторической фонетике [Галинская, 2009].

тов Кирилл не стал изобретать особые буквы, зато им были введены особые буквы для обозначения гласных звуков, дополнительно указывающие на мягкое произношение предшествующей согласной, — \mathbf{ra} , \mathbf{ro} , \mathbf{re} , $\mathbf{$

Носители восточнославянского (древнерусского) языка получили алфавит после принятия христианства. В первые два века русской письменности наблюдается процесс именно фонетического приспособления славянской азбуки к живому языку. Так, быстро стало ясно, что набор гласных звуков у восточных славян меньше — отсутствуют носовые звуки [ǫ] и [ę], которые обозначались буквами «юс большой» (ж, ж) и «юс малый» (м, км). О вполне сознательном и филологическом по сути подходе восточнославянских книжников к графико-орфографическому оформлению текстов говорит тот факт, что постепенно эти буквы выходят из употребления как лишние [Галинская, 2009, с. 42–43]. О том, что сначала обучение письму включало знание о буквах «юс», нам рассказывают берестяные грамоты (рис. 2).

³ В методических целях, чтобы сделать объяснение истории создания азбуки возможным в том числе для школьников, мы и здесь упрощаем реальную историю. Так, состав кириллицы и глаголицы не совпадает, причем именно по набору гласных. Рукописей времени Кирилла и Мефодия до наших дней не дошло, а писцы дошедших соблюдали названный принцип не всегда последовательно. Однако целый ряд написаний сохранился в неизменности до нашего времени: форма морю, где мягкость [р'] обозначается йотированной буквой ю, изменений начертания не претерпела.

⁴ О «существенной экономии алфавитных знаков» как о принципе алфавита современного русского языка говорится и в современных описаниях графики [Князев, Пожарицкая, 2011, с. 366; Белошапкова, 1989, с. 150].

Как не имеющие звукового значения, буквы начинают утрачиваться, в результате из четырех «юсов» в русской письменности остается лишь **A**, но принцип ее употребления становится иным.

Общий характер организации звуко-буквенных алфавитов предполагает, что при избыточности буквенных знаков лишние могут утрачиваться, но возможен и более сложный процесс функционального распределения графем, который связан с позицией в слове (начало или конец), с предшествующей буквой и т. д. В древнерусской письменности XI–XIII вв. стихийно шел процесс выработки принципов распределения букв, связанный с их функциональной нагрузкой: возникала необходимость специально обозначить мягкие согласные, отличая их от полумягких [Галинская, 2009, с. 55–56; Живов, 2006, с. 25]. Интересно, что в истории русской письменности была попытка отказаться от принципа обозначения мягкости при помощи гласных и создать буквы для обозначения мягких [л'] и [н'] — н', л, рукописи с этими буквами встречаются в XI–XII в.: д'клатели, на поли, поустыни, съ нимь [Галинская, 2009, с. 55] 5.

Но принцип обозначения мягкости (и полумягкости) при помощи гласных выигрывал, поэтому очень многие писцы использовали принцип распределения букв **к** (для указания на мягкость), **«** (для указания на полумягкость). Этот принцип соблюдался отнюдь не всеми писцами, в отсутствие грамматик, словарей не было представления о едином и обязательном языковом стандарте, однако «некоторые моменты регламентации [письма. — *Н. Н.*] были общими для многих, если не для всех книжников определенного периода, так что обнаруживается надындивидуальный характер регламентации книжного языка» [Живов, 2006, с. 24].

Изучение древнейшего этапа восточнославянской письменности говорит нам о взаимодействии фонетического и традиционного принципов. Подобно знаменитому герою Мольера, писец не догадывается, что, копируя оригинал, он следует историко-этимологическому, а слушая себя — фонетическому. Уважение к традиции заставляет его максимально точно копировать переписываемый текст, но диктовка, которой, по всей видимости, помогает себе писец, вносит в его текст элементы живой фонетики 6. Чем менее вы-

⁵ В. М. Живов, цитируя Н. Н. Дурново, пишет о «довольно строгом» различении мягких и немягких согласных у одного из писцов Архангельского евангелия 1092 г. [Живов, 2006, с. 25].

⁶ Изучение этих фонетических ошибок писцов лежит в основе исторической фонетики. «Русизмы» указывают на восточнославянское происхождение писца. «Ошибки» в передаче ряда звуков свидетельствуют об особенностях диалекта, к которому принадлежит писец [Галинская, 2009, с. 9].

сокой степенью книжности и стандартности обладает текст (не евангелие, а завещание, тем более бытовое письмо), тем более свободен писец и тем в большей степени его письмо становится фонетическим. «Характер письма связан с характером текста. Выбор той или иной правописной практики может служить указанием на то, какой по характеру текст производит пишущий» [Там же, с. 39]. Поэтому так важны для историков русского языка берестяные грамоты, где фонетический принцип письма получает максимальную реализацию 7.

Существенная фонетическая трансформация, которую переживают восточнославянские языки на протяжении XII—XIV вв., должна была повлиять и на графико-орфографический облик слов. Падение редуцированных привело не только к уменьшению числа гласных, но и к появлению новых сочетаний согласных. Рядом оказались глухие и звонкие, зубные и фрикативные — и начались процессы ассимиляции в. Фонетический принцип терял свои позиции при письме, проверка звука, особенно согласного, «на слух» исключалась. Однако резкой трансформации графического облика слов не происходит. Писцы рукописей периода глобальной фонетической перестройки русского языка по-прежнему придерживаются *традиционного* принципа, стараясь максимально точно передавать написания, которые видят в рукописях более раннего времени.

Этот исторический подход приходится признать сознательным. К примеру, переписчик Лаврентьевского списка летописи (1377 г.) на л. 172об в своей записи отмечает, что переписывал с ветхого оригинала, и просит прощения за ошибки, предлагая их исправлять. Сам факт ориентации на правильность и желание исправлять свидетельствует о представлении книжников о норме [Там же, с. 10].

Историки языка узнают о том, что фонетический процесс в языке начался из все тех же графико-орфографических ошибок, которые допускаются писцами. Скажем, написание *что* вместо правильного с точки зрения происхождения *чьто* очевидно свидетельствует о том, что писец не слышит звук [ь], т. е. в данном случае руководствуется фонетическим принципом. Написание $z \partial e(r_b)$ отражает не только утрату гласного, но и озвончение первого согласного (из $\kappa b \partial e$).

⁷ Графико-орфографическая система новгородских берестяных грамот не была основана именно на фонетическом принципе. А. А. Зализняк характеризует ее как особую «бытовую» систему, обладающую целым рядом отличий от стандартной [Зализняк, 2004, с. 22].

⁸ Фонетические процессы этапа падения редуцированных подробно описаны в пособиях по исторической фонетике [Галинская, 2009, с. 82–84; 101–104; 107].

Часть написаний, возникающих в этот период, закрепляется в правописании и дальше. Так, *пчела* произошла из *бьчела*; написание *свадьба* восходит к *сватьба* и исторически вполне объясняется родством с глаголом «сватать» [Фасмер]. Эти написания, возникшие как раз в период XIII—XIV вв., сохранились в письменности, другие же были исправлены в книжном языке, произошло возвращение к историческому написанию, соответствующему фонетической системе предшествующих периодов.

Так в книжном языке уже в XIII–XIV вв. формируется консервативный подход к орфографии, желание сохранить графический облик слов в неизменном виде. В XIV в. в книжном (церковнославянском) языке этот принцип достигнет высшей точки, в результате второго южнославянского влияния написания будут архаизированы, оторваны от живого произношения, а основным принципом книжной орфографии станет, если можно так его назвать, условно-этимологический (т. е. восстанавливаются исторические написания, характерные при этом для славянских языков южной группы).

Причины возникновения второго южнославянского влияния анализировались в конце XIX — начале XX вв. А.И. Соболевским. В середине — конце XX в. в лингвистике шло обсуждение, было ли это явление в истории языка и с чем оно было связано, но и в период дискуссий архаизация орфографии XV–XVI вв. и ее осознанный разрыв с разговорным языком не подвергались сомнению. Действительно, число написаний, противопоставляющих книжный текст живому произношению, в это время увеличивается. К примеру, искусственно восстанавливается буква ж, встречается ее мена с α по образцу южных славян; появляются написания «гласный + α » в соответствии с [ја] (типа **своа**); возвращаются южнославянские написания с ρ ъ/ ρ ь между двумя согласными (типа **прьвый**), что совсем не соотносится с произношением [Гальченко, 2001].

Это отталкивание от разговорного языка характеризует в первую очередь книжные тексты; тексты деловые и бытовые в целом продолжают традиции предшествующего периода, именно поэтому для изучения фонетической системы русского языка XV–XVII вв. используют уже преимущественно эти памятники. Для книжных источников проходит орфографическая упорядоченность, у писцов возникает потребность в следовании определенным правилам, которые будут описываться в грамматических руководствах, а далее войдут в печатные грамматики церковнославянского языка. Надо сказать, что московский вариант церковнославянского языка с XVII в. отказывается от целого ряда написаний, явно противопоставленных произношению: так, написания типа пръвый исправляются на первый. Это не единичная правка, а сознательный процесс, в котором принимают участие и писцы, и справщи-

ки Печатного двора. Работая с печатными изданиями, пришедшими из югозападнорусских типографий, где орфография, восходящая ко второму южнославянскому влиянию, сохранялась в XVII в., московские книжники регулярно осуществляли правку [Орфография, 2018, с. 27, 33–38], то же делали многие писцы, переписывая тексты, написанные киевскими книжниками [Там же, с. 32–33].

Использование написаний, не противопоставляющих графический облик слова произношению, можно считать и возвращением к фонетическому принципу орфографии, и одновременно началом формирования морфологического ⁹. В XVI–XVII вв. продолжаются изменения в акцентной системе живого русского языка; после второго южнославянского влияния в рукописных, а потом и в печатных текстах используются диакритические знаки, так что появляется возможность установить место ударения и, вероятно, далее мы сможем реконструировать возможный характер проверки написаний.

В XVII в. активизируется *позиционный* принцип, т. е. употребление дублетных букв связывается с позицией в слове: так, ї начинает употребляться перед гласными, перед согласными пишется и. Усложнение принципа происходит за счет создания целого списка в первую очередь заимствованных имен собственных, где употребление ї / и не соотносится с позицией перед гласным или согласным: харітіна, харітіна, хрістіна, онисімъ, онисіфоръ, климентъ, корнилій [Грамматика, 1648, с. 361–384]. Так же строго распределяются буквы ю и ф, т. е. грамотный пишущий должен запоминать списки «словарных» слов. Позиционное распределение связано с диграфом оу, который выходил из употребления в XIV в., но вернулся в период второго южнославянского влияния, и его вариантом 8. Если диграф в московской письменности устойчиво пишется в начале слова, то 8 используется после согласных.

Переосмысляются функции пары графем **к**и и **м**, которые уже не связываются с мягкостью согласных (любая из них может указывать на мягкость), но также распределяются позиционно: в начале слова и не в начале. Эта пара графем начинает участвовать и в семантическом маркировании слов. Так, слово «язык» в значении 'часть тела, орган речи' надо начинать с **м**, а в значении 'народ' — с **к**а. Этот принцип прописан в грамматике московской, изданной в 1648 г., и за следующее десятилетие становится показателем вы-

⁹ Этот принцип называют также фонемным. М.В. Панов употребляет характеристики «фонемный» (буква означает фонему) и «морфологический» [Белошапкова, 1989, с. 143–144, 158]; есть варианты «фонемный/фонематический» с указанием, что написание «слова отражает фонемный состав входящих в него морфем (морфов)» [Князев, Пожарицкая, 2011, с. 379].

сокой грамотности книжника: так, в рукописных текстах конца 1650-х гг. еще есть путаница в употреблении букв, тогда как при издании Библии в Москве в 1663 г. осуществляется правка, ведущая к точному разграничению написания в зависимости от значения [Орфография, 2018, с. 40–41].

Еще более сложно организовано употребление букв о и w. Здесь актуализируется грамматический принцип: для верного употребления одной из графем необходимо определить форму слова. Принцип антистиха ¹⁰, пришедший в русскую письменность вместе со вторым южнославянским влиянием и постепенно все более последовательно применяющийся в рукописях, а потом и в печатных книгах, требовал от книжника определения числа (ед. или мн.), падежа (к примеру, дат., тв. или род. для существительных, род. или вин. для прилагательных), части речи (наречия или краткого прилагательного среднего рода). Омонимичные формы различались написанием о и w (тв. п. ед. ч. — столомь, дат. п. мн. ч. — столоwмъ), причем выполнение правила не зависело от того, насколько однозначно контекст указывает на различие форм. Еще одной позицией для различения графем было начало слова: предлог и приставка w/ws начинались с w, тогда как начало корня не предполагало использования w. Однако даже печатные грамматики, в том числе московская грамматика 1648 г., не объясняли, как различать приставочное/бесприставочное начало слова, таким образом надеяться оставалось на филологическую интуицию книжника.

Принцип антистиха часто противоречил живому произношению. Например, в соответствии с рекомендацией грамматики 1648 г. в причастиях мужского рода в дат. пад. мн. ч. рекомендовалось использовать написание ымъ после шипящих [Грамматика, 1648, с. 86об], причем московские книжники распространили рекомендацию и на прилагательные и местоимения (нашымъ, нищымъ). Рекомендация не имеет отношения к фонетическому отвердению ряда шипящих, ведь в первую очередь она касается звука [ш'], который остается мягким до сего дня. Это условное орфографическое правило, исполнение которого лишь указывает на знание грамматических установок пишущего/правящего текст. К примеру, книжники, готовящие в середине XVII в. в Москве первую печатную Библию (1663 г.), отлично владели этим правилом и исправляли ошибочные написания, допущенные предшественниками.

Именно по этой причине период середины XVII в. чаще всего называют эпохой книжных справ. Задача книжника, переписывающего рукопись или готовящего к изданию книгу, состояла в определении не соответствующих

¹⁰ *Антистих* — это принцип графико-орфографической дифференциации омонимичных форм в церковнославянском языке [Кузьминова, 2011, с. 36].

орфографическим рекомендациям и грамматическим установкам написаний и их исправлении в сторону рекомендованных.

К концу XVII в. мы можем говорить о том, что владение орфографическими навыками, прописанными в грамматиках, свойственно и многим писцам, а не только справщикам Печатного двора. Скажем, писец рукописи из собрания Московской Духовной Академии № 108, где содержится перевод рекомендаций, как вести себя молодым людям, известных как «Гражданство обычаев детских», владеет практически всем набором правил, о которых было сказано выше (рис. 3).

проеть, кое приличеньо имать взекании хранити сами шкратитись, или обетупаний дакрыти, и оберадомгь кота стагизна менокатись подокаетсь.

шверным с словетем за да в стверным с словетем д и да в стверным с словетем д и да в стверным с словетем с с словетем

Puc. 3

Чтобы представить себе, как сложно было следовать правилам книжного письма XVII в., попробуем написать одну фразу: «Отше́дшымъ же и́мъ, се́, а́нгелъ Госпо́день во снѣ яви́ся Ио́сифу, глаго́ля: воста́въ поими́ отроча́ и Ма́терь его́, и бѣжи́ во Еги́петъ, и бу́ди та́мо, до́ндеже реку́ ти: хо́щетъ бо И́родъ иска́ти отроча́те, да погуби́тъ е́» (Мф 2: 13 ¹¹). Чтобы написать текст, надо увидеть в нем следующие орфограммы: выбор и/ы в дат. п. мн. ч. причастия после шипящего (первое слово); написание начального ка/м и тот же выбор после согласной; определение падежа для словоформы «его» и выбор между о/ю; тот же выбор необходимо сделать после определения части речи «тамо»; написание имен «Иосиф», «Ирод» и топонима «Египет». Грамотно написанный, текст должен содержать варианты: Шиєдшымъ, квисм, єгю, тамю, обращение же к списку имен Грамматики 1648 г. показало, что именно этих имен в нем нет, т. е. пишущий должен их знать и без руководств. Как можно видеть, перед желающим создать грамотный книжный текст

¹¹ Современный Синодальный перевод: «Когда же они отошли, — се, Ангел Господень является во сне Иосифу и говорит: встань, возьми Младенца и Матерь Его и беги в Египет, и будь там, доколе не скажу тебе, ибо Ирод хочет искать Младенца, чтобы погубить Его».

в XVII в. стояла целая стена разных сложностей, в том числе требовалась хорошая начитанность в книжных текстах, которая предполагала запоминание орфографического облика часто используемых слов. Во многом в этот период орфография была *зрительным* навыком, не связанным с установлением корреляций графического и фонетического облика слов.

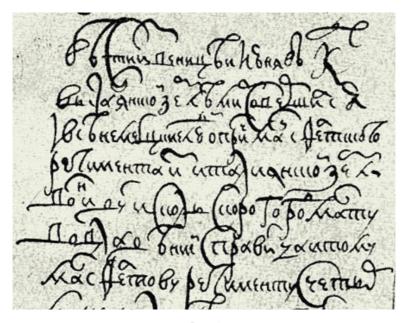
Если книжная письменность развивалась в сторону ужесточения условных орфографических правил, то деловая, конечно, не отличалась столь же строгим следованием орфографическим канонам. К примеру, изданное в 1649 г. Соборное уложение царя Алексея Михайловича отступает от целого ряда орфографических канонов. Например, формы род. пад. мн. ч. (окончание -06) в соответствии с Грамматикой должны писаться через w, однако наборщики Уложения используют o [Орфография, 2018, с. 30].

История языка знает и еще одну разновидность письма в XVI—XVII в. — так называемый приказный язык. Эта разновидность делового языка в XVII в. активно реализуется в первой рукописной газете — вестях-курантах ¹². Написанные скорописью, вести-куранты не следуют книжным правилам письма, в них не применяется принцип антистиха, не соблюдаются позиционные принципы распределения букв (окончание -ого используется как для род., так и для вин. пад., можно встретить вариант -ово; часто находим последовательность -иі, совершенно неприемлемую для книжного текста; только эпизодически используются буквы w, ка). Иногда (но отнюдь не последовательно) мы встречаем в курантах фонетические написания, например: в ызъть, клиско и подобные [Орфография, 2018, с. 45–46] (рис. 4).

Говоря о письменности и правилах письма в XVII в., нельзя не сказать, что некоторые современные правила орфографии начинают формироваться именно в эту эпоху. В первую очередь это правило употребления прописных букв. Письменность предшествующих периодов их не знала (исключения — буквицы, начинающие отрывок текста), а в XVII в. в грамматиках формулируется правило, по которому «вящие» буквы пишутся для выделения целого ряда имен собственных: Богъ, Царь, Патриарх, выделяются науки и их части — Грамматика, Местоимение [Грамматика, 1648, с. 57–57об]. Основанное на *семантическом* подходе, это правило начинает стихийно использоваться в некоторых текстах XVII в., но говорить о всеобщем его применении нельзя и в начале XVIII в. [Николенкова, 2018]. Но в светских текстах, которые появляются в XVII в. (к примеру, переводы географических сочинений), довольно последовательно пи-

 $^{^{12}}$ Однозначно устоявшегося написания нет, мы выбираем наиболее верное с точки зрения самого жанра текста. Это именно «куранты о всяких вестях», как отмечено в «Переписной книге царя Алексея Михайловича», а не имя собственное.

шутся с прописных букв названия городов: Вавулинъ, $\mathfrak{G}\rho(\mathfrak{c})$ лимъ; имена правителей: Лудовикъ, Фердінандъ, Султанъ Амурафъ; народов: Македонане, Римлане и т. д.

Puc. 4

Итак, на протяжении XVI–XVII вв. идет процесс становления орфографических норм церковнославянского языка. Важно отметить, что тексты новых для московской письменности жанров, создаваемые на церковнославянском языке, также отражают книжные орфографические нормы. Мы не можем предположить, как бы шло дальше развитие письменности, если бы не лингвистические реформы Петра I.

Что же происходит в Петровскую эпоху? В 1708 г. вводится новая азбука — гражданица, в которой изменяется начертание графем; Я. К. Грот пишет о «круглоте и чистоте шрифта», которые так понравились современникам; о сходстве с «красивой печатью европейских книг» [Грот, 1873, с. 19–20]. Изменив внешний облик букв, Петр I одновременно исключает некоторые из азбуки. Так, из двух вариантов «и» Петр предлагает убрать и, оставив ї; устраняется w, остается только буква «я» (наследница

A, а буква **В** вычеркивается из азбуки), отказывается Петр от наследия греческого — буквы ψ , думает и об устранении \underline{a}^{13} [Орфография, 2018, с. 48–49].

Первые издания Петровской эпохи отражают ориентацию издателей на новую азбуку. Так, вышедшая в Москве в 1709 г. «История о разорении града Трои» использует только графемы, рекомендованные Петром: «тессаліістѣмъ», «проізыде», «на брані», «вознесе» [Орфография, 2018, с. 53] (рис. 5).

ріцахуся. Царствоваще царь нѣкії благородень і правдівої, їменем' Пелеї сь супругою своею царіщею ветідою, оть їхже супружества проїзыде мужь толіко сплень, толіко смѣль іменемь Ахіллесь, їже послѣ-

Puc. 5

Устранение дублетных букв создавало ситуацию, когда орфографические установки предшествующего периода оказывались невыполнимы. Все правила, основанные на внимании к форме слова и к позиции буквы в слове, при использовании гражданицы становятся неактуальны. И практически сразу издатели возвращают некоторые из вычеркнутых Петром буквенных знаков.

К примеру, «География краткая», вышедшая в Москве в 1710 г., использует оба варианта графемы «и» (и/i), причем букву «i» употребляет в полном соответствии с нормами церковнославянской грамматики — перед гласной (недерляндскіе, сія, окіанъ) [Там же, с. 54; Грот, 1873, с. 21]. Позиционный принцип возвращается, причем позже он будет объяснен М.В. Ломоносовым: две графемы для [и] необходимы, «чтобы частое стечение подобных

 $^{^{13}}$ В известной азбуке с исправлениями Петра <u>з</u> вычеркнута, но не сразу выходит из употребления хотя бы по причине написания ее в имени царя Алексея Михайловича и в отчестве Петра I.

букв неприятным видом взору не казалось противно и в чтении запинаться не принуждало» (цит. по: [Грот, 1873, с. 22]). Обратим внимание, что настаивавший на этимологическом подходе к письму Ломоносов считает важным сохранение привычного зрительного облика слов.

Наиболее трудоемкие с точки зрения выполнения правила (распределение o/w, обозначение при помощи определенных букв грамматических форм) все же выходят из употребления с введением гражданицы, w в светскую письменность не возвращается. Так условно-грамматический принцип письма (антистих) уходит из русской орфографии, но сохраняется в церковнославянской. Две графические системы противопоставляются не только по набору графем, но и по подходу к их использованию. Семантический же принцип (омонимы, различающиеся лишь одной буквой) сохраняется в гражданском письме до начала XX в.: написания «миръ» и «міръ», «лечу» и «лѣчу» и т. д.

Обобщая вышесказанное, мы приходим к пониманию, почему в начале XVIII в. так много внимания уделяется орфографическим вопросам. Разрушение прежних орфографических норм и невозможность соблюдения правил, применяемых в прежнее столетие и отличающих пишущих грамотно, по-книжному, от пишущих не в соответствии с канонами, породило рост орфографических исканий. В. Е. Адодуров, а вслед за ним В. К. Тредиаковский в своих грамматических сочинениях пытаются сформулировать фонетические принципы для письма на гражданице, хотя, надо отметить, последовательно применять его у них не выходит [Орфография, 2018, с. 56–60]. Фонетический подход к письму мы можем обнаружить, изучая бытовые и деловые документы XVIII в. [Там же, с. 63–65].

Однако грамматика М. В. Ломоносова защитила этимологический, исторический принцип. Графико-орфографический облик очень большой части русских слов сохранился с древнейших времен (*трава*, нога, голова/глава 14, народ, рыба и т. д.). С развитием филологии ученые поняли, как дать объяснение тому, почему мы так пишем; в результате был сформулирован основной принцип русского письма — фонемный (морфологический). Однако для этого русской письменности придется пережить еще два века: в начале XVIII в. филологические поиски только начинаются.

Наш очень краткий обзор истории русской письменности с древнейших времен до начала XVIII в. демонстрирует, что основным, выряжаясь современным языком, трендом всегда было следование предшествующей тра-

¹⁴ Полногласные сочетания этимологически русизмы, а неполногласные — южно (старо-)славянизмы. Оба варианта в русской книжности встречаются с древнейших времен.

диции. Чтобы считаться грамотным и работать над текстами на книжном языке, требовалось уметь воспроизводить облик слов, не соотнося их с произношением. Зрительная память для книжника была обязательным требованием. Заметим, что известный критик письма «по Гроту» В.П. Шереметевский считал орфографию искусством графическим, зрительным, говорил о вредности диктовки и необходимости формирования «орфографической зоркости» [Григорьева, 2004, с. 67]. Теоретические положения о принципах русской орфографии вырабатывались тогда, когда сам графико-орфографический облик слов уже установился, требовалось лишь объяснить его с филологических позиций.

Список литературы

Белошапкова В.А., Брызгунова Е.А., Земская Е.А. и др. Современный русский язык: Учеб. для филол. спец. ун-тов. М.: Высш. шк., 1989. 800 с.

Галинская Е. А. Историческая фонетика русского языка. 2-е изд. М.: Издво МГУ, 2009. 160 с.

Гальченко М. Г. Второе южнославянское влияние в древнерусской книжности // Книжная культура. Книгописание. Надписи на иконах Древней Руси. М.: Алетейя, 2001. С. 325–382.

Грамматика. Москва: Печатный двор, 2 февраля 1648. 745 с.

Григорьева Т.М. Три века русской орфографии (XVIII–XX вв.). М.: Элпис, 2004. 456 с.

Грот Я. К. Спорные вопросы русскаго правописанія отъ Петра Великаго донынъ. Санктпетербургъ: Типография Императорской Академіи Наукъ, 1873. 163 с.

Живов В. М. Норма, вариативность и орфографические правила в восточнославянском правописании XI–XIII века // Живов В. М. Восточнославянское правописание XI–XIII века. М., 2006. С. 9–75.

Зализняк А. А. Графико-орфографические системы, отразившиеся в древненовгородских источниках // Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 21–36.

Князев С. В., Пожарицкая С. К. Современный русский язык: Фонетика, орфоэпия, графика и орфография: Учеб. пособие для вузов. М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2011. 430 с.

Кузьминова Е. В. Принцип антистиха в славянской грамматической традиции // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9: Филология. 2011, № 1. С. 36–55.

Кузьминова Е. В., Николенкова Н. В., Пентковская Т. В. История русской орфографии и пунктуации (с древнейших времен до эпохи реформ): Учеб.

пособие. Баку: изд-во Бакинского филиала МГУ им. М.В. Ломоносова, 2018. 128 с.

Николенкова Н. В. Употребление прописной буквы в практике письма на фоне формирования орфографической нормы в XVII веке // Филологические науки. Научные доклады высшей школы, 2018, № 6. С. 3—10.

Pемнева M.J. Старославянский язык: Учеб. пособие. M.: Академический проект, 2004. 352 с.

Словари

Этимологический словарь русского языка / сост. М. Фасмер, перевод О. Н. Трубачев. (1–4-е издания). URL: https://lexicography.online/etymology/vasmer/

N. V. Nikolenkova

FROM THE HISTORY OF RUSSIAN SPELLING: BEFORE PETER THE FIRST

The article considers the early period of Russian spelling — since the introduction of the Cyrillic alphabet up to its reform by Peter the First. The principles of graphic-spelling organization of Russian (and Church Slavonic) letters in XI–XVII are described based on theoretical principles characterizing the modern graphic-spelling system. The article is not addressed to historians, but to modern Russian language specialists, including literature teachers.

Keywords: history of spelling, Cyrillic letters, the principles of spelling.

Т.М. Григорьева

НЕВОПЛОЩЕННЫЕ ЗАМЫСЛЫ РЕФОРМЫ РУССКОЙ ОРФОГРАФИИ

(фонетический аспект)

В статье рассматриваются некоторые предложения по усовершенствованию русской орфографии, высказанные на заседаниях орфографических комиссий в процессе длительной подготовки реформы 1917 г. Каждое из них рассматривается с точки зрения целесообразности, научной обоснованности и возможности осуществления в современной орфографической практике.

Ключевые слова: реформа русской орфографии, Орфографическая комиссия, предложения по усовершенствованию, целесообразность, научная обоснованность, стихийное орфографическое строительство.

Говоря о невоплощенных замыслах реформы русской орфографии, следует прежде всего отметить, что русское письмо знало только две реформы: Петровская реформа русской азбуки, когда инициативою и волей Петра были исключены утратившие свое звуковое значение буквы (лишние буквы), и реформа русской орфографии 1917 г., в результате которой были исключены не только лишние буквы, но и упрощены некоторые правила собственно правописания, сохранявшиеся в русском письме как наследие церковнославянского языка.

Следует также отметить, что Петровская реформа дала старт горячим дискуссиям о необходимости дальнейшего упрощения орфографии (несколько лет спустя она была продолжена Академией наук). В ходе полемики высказывались самые разные точки зрения и самые разные возможности упрощения правописания (вплоть до перехода на латиницу) в течение XVIII–XIX столетий: В. Е. Адодуров, В. К. Тредиаковский, М. В. Ломоносов, В. С. Подшивало, К. А. Хабаров, В. Г. Белинский, и др., но XX век положил решительное начало организованному выступлению за реформу.

На протяжении XX столетия несколько орфографических комиссий (включая подкомиссию) рассматривали возможности усовершенствования русского правописания.

[©] Т. М. Григорьева, 2019

- 1. Орфографическая комиссия при Московском университете под председательством проф. Р.Ф. Брандта.
- 2. Орфографическая комиссия при Императорской Российской академии наук под председательством Августейшего Президента Императорской Академии наук Его Императорского Высочества Великого Князя Константина Константиновича Романова. При этом товарищем (= заместителем) председателя и настоящим руководителем был акад. Ф. Ф. Фортунатов.
- 3. Орфографическая подкомиссия 1904—1912 гг. под председательством акад. Ф. Ф. Фортунатова, избранная из числа членов Орфографической комиссии.
- 4. Подготовительная комиссия 1917 г. при Академии наук под председательством акад. А. А. Шахматова.
- 5. Орфографическая комиссия при Главнауке 1929 г. (Главное управление научными, музейными и научно-художественными учреждениями) под руководством ученого секретаря Главнауки Г. К. Костенко.
- 6. Орфографическая комиссия 1934 г. под общим председательством наркома просвещения А.С. Бубнова для регламентации (не реформирования) русского правописания, которая проводила работу в двух городах: Москве Московская орфографическая комиссия при Ученом комитете Наркомпроса (под рук. Д. Н. Ушакова) и Ленинграде Ленинградская орфографическая комиссия при Академии наук СССР (под рук. акад. А.С. Орлова). В 1939 г. обе комиссии были объединены в единую Правительственную орфографическую комиссию под председательством акад. С.П. Обнорского, а впоследствии акад. В.В. Виноградова. Комиссия занималась подготовкой проекта свода правил орфографии и пунктуации. Первый свод «Правила русской орфографии и пунктуации» был издан в 1956 г., утвержден Президиумом Академии наук СССР, Министерством высшего образования СССР и Министерством просвещения РСФСР.
- 7. Орфографическая комиссия при Институте русского языка АН СССР 1962 г. под председательством акад. В.В. Виноградова. Работой по подготовке «Предложений по усовершенствованию русской орфографии» 1964 г. руководил М.В. Панов.
- 8. Орфографическая комиссия при Институте русского языка АН СССР 1973 г. под председательством акад. В. И. Борковского ¹.
- 9. Орфографическая комиссия Российской академии наук (Отделение историко-филологических наук РАН), возобновившая работу в 1989 в но-

¹ Деятельность этой комиссии практически не освещалась в печати. Изучению документов и рабочих материалов из личного архива акад. В. И. Борковского посвящено исследование Е. И. Бреусовой [Бреусова, 1997; Бреусова, 2000].

вом составе. Комиссией подготовлен и опубликован полный академический справочник «Правила русской орфографии и пунктуации», который дополняет и уточняет официально действующие правила 1956 года с учетом современной практики письма (М.: Эксмо, 2006). Комиссия продолжает работу до настоящего времени. В разные годы ее возглавляли акад. Д. Н. Шмелёв, Ю. Н. Караулов, С. М. Кузьмина, В. В. Лопатин. В настоящее время ведет работу под председательством А. Д. Шмелёва.

Решения четырех из этих комиссий, изложенные в проектах (1901 г.), предварительных сообщениях (1904 г.) и постановлениях (1912 и 1917 гг.), в большинстве своем были воплощены в практике письма реформой 1917 г., однако некоторые из них, вполне разумные, не получили практической реализации: 1) не писать b после шипящих; 2) писать b0 под упорядочить написание гласной после b1 и писать во всех позициях b3 (или b4); 4) под ударением после b6 и писать b7 b7. b8 все приставки, меняющие b8 на b8 се приставки, меняющие b9 на b

Рассмотрим подробнее два из них: первое и последнее.

А. Мягкий знак после шипяших

Орфографической комиссией под председательством проф. Московского университета Р.Ф. Брандта в 1900 г. было сделано предложение не писать мягкий знак на конце слов после шипящих Ч и Щ: ноч, мощ, леч и т. д. (опубликовано в: [Сакулин, 1901]).

Постановления Орфографической подкомиссии 1912 г. стали поддержкой этого предложения. Вот фрагменты из документа.

III. О написании *В* после Ж и Ш в конце слов

«Следствием исключения буквы \mathcal{B} в конце слов является возможным не писать \mathcal{B} в положении за конечной твердой согласной, а именно за \mathcal{K}

и *Ш*, где *В* пишется теперь (по требованию этимологии) только в силу того общего правила, что конечная согласная в слове должна сопровождаться в письме твердым или мягким знаком. При сохранении вообще для *В* значения 1) знака мягкости согласных и 2) знака отделительного не в конце приставок (см. § II), подкомиссия неизбежно должна была признать излишним написание этой буквы в конце слов за *Ж* и *Ш*, которые в господствующем произношении всегда тверды, например, в Имен. и Вин. пад. ед. ч. слов жен. рода (*рож., плеш*), во 2 л. ед. ч. настоящем и будущ. времени (*ходиш, даш*), в окончании наречий и союзов (*лиш, сплош, настеж*).

IV. О написании *В* после *Ч* и *Щ* в конце слов

Имея в виду, что звуки V, III в господствующем произношении всегда мягки и что мягкость эта по существующему правописанию не выражается буквой B в середине слов (безупречный, овечка, мощный), подкомиссия предложила не писать B в положении за V, V также в конце слов, V с. писать V в V также в конце слов, V с. писать V в V также в конце слов, V с. писать V в V также в конце слов, V с. писать V в V также в конце слов, V с. писать V в V также в конце слов, V с. писать V в V также в конце слов, V с. писать V в V также в конце слов, V с. писать V в V также в конце слов, V с. писать V в V также в конце слов, V с. писать V в V также в конце слов, V с. писать V в V также в конце слов, V с. писать V в V также в конце слов, V с. V также в V та

Однако решая вопрос о реформе в 1917 г. Подготовительная комиссия, возглавляемая акад. А. А. Шахматовым, не поддержала это предложение, и оно не было включено в документ, который лег в основу реформы: «Постановления совещания при Академии наук под предс. акад. А. А. Шахматова по вопросу об упрощении русского правописания, принятые 11 мая 1917 г.». При этом в послереформенный период осознание разумности и научной обоснованности такого предложения не покидало лингвистов. Именно поэтому в Проект Главнауки (1930 г.) это предложение снова включено: «не писать *В* после шипящих в следующих грамматических категориях: *доч, вещ, рож, навзнич, настеж, сплош, стрич, реж, режте, еш, еште, моеш, моешся* <...>». Впоследствии оно включено в «Предложения по усовершенствованию русской орфографии» 1964 г.

4. ПОСЛЕ Ж, Ч, Ш, Щ НЕ ПИСАТЬ Ь

НОВЫЕ ПРАВИЛА

«После шипящих (\mathcal{K} , \mathcal{Y} , \mathcal{U}) буква \mathcal{U} не пишется, например: $\partial \mathcal{U}$, мыш, рож, стреч, выпеч, читаеш, отреж, спрячся, намаж, назнач, лиш, сплош, навзнич и т. д.».

Это предложение, формируя научные представления о фонетико-фонологической системе русского языка и ее соотношении с правописанием, отменило бы необходимость заучивания семи правил, изложенных в Своде 1956 г.:

- «§ 75. После шипящих (\mathcal{K} , \mathcal{Y} , \mathcal{U}) буква пишется только в следующих случаях:
- 1. На конце существительных женского рода в Им. и Вин. пад. ед. ч., например: *рожь, ночь, мышь*.
- 2. В окончании 2-го лица настоящего и будущего времени глагола после конечного *Ш*, например: *несешь несешься*, *носишь носишься*, *примешь примешься*.
- 3. На конце глагола в ед. ч. повелительного наклонения, причем буква *Б* сохраняется и перед *-ся*, например: *мажь мажься*; *спрячь спрячься*; *ешь*.
- 4. Во множ. ч. повелительного наклонения перед *-те*, *-тесь*, например, мажьте мажьтесь; спрячьте спрячьтесь; ешьте.
- 5. На конце глагола в неопределенной форме, причем буква b пишется и перед -cs, например: cmpuчь, cmpuчься.
 - 6. Во всех наречиях после конечных UU и U, например: *сплошь*, *скачь*, *прочь*, а также в наречии *настежь*.
 - 7. На конце частиц: вишь, бишь, лишь, ишь».

Один из аргументов против этого предложения — невозможность исключения *b*, который служит 1) сигналом грамматических форм у существительных 3-го склонения (*ночь*, *дочь*, *мышь* в отличие от *меч*, *нож*, *плющ*) и 2) в инфинитивах и повелительном наклонении (*беречь*, *отрежь*, *намажь*). Высказывались опасения, что отсутствие *b* отразится на парадигме склонения и возникнут словосочетания типа *кошка играла мышом*.

Этот аргумент имеет четкий научно обоснованный контраргумент: такой сигнал совершенно очевидно избыточен, поскольку есть слова разного рода тополь и сирень, где мягкий знак выполняет функцию смягчения парных по твердости/мягкости согласных (а шипящие — внепарны по этому признаку), но при этом не возникает словосочетаний любоваться тополью и под. К тому же процедура определения рода первична по отношению к написанию: не знак сигнализирует о грамматической форме, а, напротив, грамматическая форма определяет употребление знака.

Б. Приставки на 3/С

Известно, что в русском языке приставки, оканчивающиеся на согласные 3/C, пишутся по фонетическому принципу в зависимости от звуково-

го контекста: перед глухой — C, перед звонкой — 3. Их восемь, и каждая из них имеет варианты:

- 1) без-/бес-: безденежье, беспредел, безвластный;
- 2) раз-/рас-: разбить, распахать, разлить;
- 3) воз-/воз-: воздержание, воспрещать, вознамериться;
- 4) вз-/вс-: взбегать, взлететь, вспыхнуть;
- 5) из-/ис-: издержать, исчертить, излить;
- 6) низ-/нис-: низвергать, ниспадать, низводить;
- 7) через-/черес-: череззерница, чересполосный;
- 8) чрез-/чрес-: чрезбрюшинный, чрескожный, чрезмерный.

Есть другая группа приставок, оканчивающихся на согласный. Эти приставки пишутся в соответствии с фонологическим принципом, т. е. в любом фонетическом контексте сохраняется единство морфемы независимо от последующей согласной, и ориентиром служит сильная позиция согласных по звонкости/глухости:

- 1) над-: надпилить, надбавить, надорвать;
- 2) под- («подо-»): подтачивать, подбрасывать, подоконник;
- 3) от- («ото-»): отпилить, отбросить, отогнуть;
- 4) об- («обо-»): обсыпанный, обдаренный, оборванный;
- 5) в- (во-): вцепляться, взорваться, ворваться;
- 6) пред- (перед-): предтеча, предзимний, предвесенний;
- 7) ${\bf c}$ -: спилить, сделать, сломать.

Возникает вопрос: почему приставки той и другой группы, которые в языке выполняют одинаковую функцию, имеют столь разные принципы написания? Сразу отметим, что орфография второй группы приставок не представляла и не представляет проблемы. В основе их написания — фонологический принцип в соответствии с сигнификативно сильной позицией: перед гласным, перед сонорным и перед <в>/ <в'>>, за которыми следуют либо гласный, либо сонорный. Орфография первой группы не единожды рассматривалась на заседаниях орфографических комиссий и занимала важное место в проектах планированного упрощения.

Прежде всего следует отметить, что правило написания этих приставок до реформы 1917 г. не было достаточно логичным: в приставках *без-*, *чрез-* и *через-* соблюдалось единство морфемы. Они имели единообразное

написание через 3; остальные меняли перед глухим 3 на C, но не перед C: pаздать, pаспилить, но <math>pазсорить.

Проектом 1901 г. предлагалось вполне разумно подчинить орфографию этих приставок общему правилу написания другой группы приставок:

«Приставки воз-, из-, низ- и раз-, подобно без-, чрез- (через-) и другим префиксам, никогда не меняют 3 на С». При этом составители проекта были единодушны, утверждая, что «научная закономерность в правописании есть уже его упрощение, потому что все то просто, что объяснено и приведено в определенную систему» [Сакулин, 1901, с. 14].

В Предварительном сообщении орфографической подкомисии 1904 г. было предложено последовательное проведение написаний с 3 во всех приставках, поскольку фонетическое написание, по единодушному мнению авторов проекта, противоречит общему характеру орфографии. Из этого следовало написание возприятие, разположение, низпослать, безполезно, изчезнуть, разсада и под. Там, где состав слова не ясен, т. е. где приставка тесно срослась с корнем, возможно сохранить фонетическое написание (например, восток). Это решение было поддержано педагогическими обществами — Московским и Одесским.

В Постановлениях Орфографической подкомиссии 1912 г. относительно написания этих приставок было предложено следующее.

VIII. О правописании приставок без-, из-, воз-, раз-, чрез- и через-, низ-

«Современное правописание этих приставок отличается большой непоследовательностью: 1) в приставках 603-, u3-, pa3- в силу фонетического начала пишут C перед глухими согласными, но при этом исключают C, перед которым пишут 3; 2) допуская фонетическое начало в написании приставок 603-, u3-, u3-, u3-, не распространяют его на u3-, u3-

Подкомиссия, имея в виду устранение этих противоречий, признала правильным написание C во всех указанных приставках перед всеми глухими согласными, например: восприятие, рассудить, бесполезно, рассада, чересполосный и т. д.».

Это в некоторой степени устранило существующую непоследовательность, но стало уступкой фонетике и отступлением от разумных предложений двух предыдущих проектов. На заседании Орфографической подкомиссии от 21 декабря 1904 г. за фонологическое решение было отдано равное число голосов «за» и «против» (ПФА РАН. Ф. 90 (Фонд Ф. Ф. Фортунатова). Оп. 2. Ед. 5. Л. 11).

Следующий этап в этом обсуждении — заседание Подготовительной комиссии 11 мая 1917 года под председательством акад. А. А. Шахматова, где вопрос об орфографии этих приставок решался в достаточно острой полемике:

- 1) за восстановление этимологического (= морфологического) принципа (3- во всех приставках);
 - 2) за фонетическое написание;
 - 3) оставить вопрос без изменений.

При голосовании сторонники фонологического написания приставок не получили нужного количества голосов: из пятнадцати участников заседания три выступили за фонетический принцип (Е.Ф. Карский, В.И. Чернышев, П.Л. Маштаков), шесть — за фонологический (среди них И.А. Бодуэн де Куртенэ, Л.В. Щерба, П.Н. Сакулин) и шесть уклонились от решения вопроса (ПФА РАН. Ф. 9 (Материалы комиссии по упрощению русского правописания). Оп. 1. № 1058. Л. 123). Было принято худшее решение, и в результате мы имеем современное иррациональное написание, которое очевидно требует фонологизации-морфологизации.

И здесь стоит вспомнить, что многие авторитетные ученые в разные годы (до и после реформы) выступали с предложением писать эти приставки по общему правилу — всегда с 3-, а правописание деэтимологизированных приставок, которых немного (восток, источник, воспитание и др.) изучать в словарном порядке: Я.К. Грот, Р.И. Аванесов и В.Н. Сидоров, Н.Н. Дурново, А.А. Реформатский, С.П. Обнорский, А.Н. Гвоздев, А.Б. Шапиро и др. Однако правило на фонетической основе стало нормой и насилует живое языковое (в данном случае — морфологическое) чутье.

Начавшаяся с сентября 1917 года реформа (практически за два месяца до событий Октября) вызвала разный отклик в среде носителей языка. По-казательно решение Первого общегубернского съезда учащих (так в то время называли учителей) Енисейской губернии по вопросу о введении нового русского правописания от 9 августа 1917 г. Оно отражало горячую заинтересованность участников съезда в проведении реформы: «Приветствовать реформу правописания и немедленно ввести ее в учебных заведениях, в том числе и во всех трех отделениях начальной школы» [Новое.., 1917, с. 11]. Более того, съезд высказал пожелание о дальнейшей реформе правописания [Там же]. О том, что реформа не использовала всех средств в проведении упрощения и упорядочивания русского правописания, было еще много отзывов (см., например: [Вахтеров, 1923]).

Несколько лет спустя после реформы правило о написании приставок на 3 было определено как «резкое фонетическое пятно на наиболее морфологическом участке нашего правописания», выпирающее из системы, в которой ни один факт не может быть расценен в изолированном виде, а потому не облегчающее дело, но требующее к себе усиленного внимания [Пешковский, 1930, с. 106].

В текстах постсоветского периода были обнаружены единичные примеры фонологического написания приставок на 3, которые можно было расценить как некую тенденцию.

Из частного письма В. Ходасевича: «Я живу благополучно и (тайна государственная даже и от друзей) пока <u>безкорсетно...</u>» [Писатель страдал туберкулезом позвоночника. — T. Γ .] (Наше наследие. 1988. № 3. С. 86).

В «Записных книжках» А. Платонова: «Такая спешка, такие темпы, такое движение строительства, радости, что человек мчится по коридору своей жизни, ... пропадая где-то пропадом, $\underline{\textit{безполезный}}$, счастливый, удивительный» (Огонек. 1989. № 33. С. 14).

Данные Национального корпуса русского языка всецело подтверждают эту «тенденцию», представляя многообразие написаний вопреки существующему правилу в соответствии с принципом фонологии. Вот лишь некоторые примеры.

- Среди брикетов соломы и мешков с комбикормом стоял зубной аппарат: кресло с подголовником и плевательницей, лампа из породы **безтеневых**, бормашина с мотором... [Андрей Кучаев. В германском плену // Октябрь. 2001]
- Более того, он назывался «Указом о **черезполосном** укреплении», ибо историки буквально трактовали ст. [Наталья Фёдорова. Неотъемлемое свойство // Родина. 2007]
- ...он судил, **низсылал** смертные приговоры на других... [А.И. Солженицын. Архипелаг ГУЛаг (1958–1973)]

Все разнообразие подобных примеров можно представить в таблице.

Приставки	Перед -П-	Перед -С-	Перед -Т-
Без-	1026 док. 3316 вхожд.	586 док. 1538 вхожд.	81 док. 133 вхожд.
Раз-	151 док. 446 вхожд.	1362 док. 9173 вхожд.	151 док. 446 вхожд.
Воз-	65951 док. 760670 вхожд.	459 док. 1182 вхожд.	24 док. 42 вхожд.
Вз-	Аббревиатуры	аббревиатуры	аббревиатуры
Из-	77 док. 178 вхожд.	329 док. 726 вхожд.	71 док. 150 вхожд.
Низ-	42 док. 56 вхожд.	3 док. 3 вхожд.	
Через-	13 докум. 15 вхожд.	4 док. 4 вхожд.	
чрез-	4 док. 4 вхожд.	2 док. 2 вхожд.	

Приведенный материал может свидетельствовать о том, что носители языка имеют определенную орфографическую интуицию и внешне стабильная орфография заключает в себе динамические процессы, что письмо меняется и тогда, когда внешне остается стабильным, и что происходит стихийная попытка орфографического строительства.

Рациональные предложения проектов 1901—1904 гг. не нашли практического воплощения, но их научная состоятельность и стихийное внедрение в практику письма (в случае с приставками на 3-) — залог того, что они на очереди следующего орфографического упорядочения.

Список литературы

Бреусова Е.А. Работа над усовершенствованием русской орфографии в 70-е годы (по материалам архива Российской Академии наук) // Вестн. Омск. ун-та, 1997. № 4 (6). С. 66–70.

Бреусова Е. И. Работа над усовершенствованием русского правописания в послеоктябрьский период и вопросы общей теории орфографических реформ: Дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2000. 267 с.

Вахтеров В. П. Реформа правописания не закончена // Вестн. просвещения. 1923. № 7–8. С. 12–18.

Новое русское правописание. Красноярск, 1917. 22 с.

Пешковский А.М. Реформа или урегулирование? // Рус. язык в школе. 1930. № 3. С. 93–110.

Постановления Орфографической подкомиссии. СПб., 1912. 10 с.

Постановления совещания при Академии Наук под председательством академика А. А. Шахматова по вопросу об упрощении русского правописания, принятые 11 мая 1917 года // Изв. Рос. АН. 1917. Сер. 6. № 15 (нояб.). С. 1183–1187.

Предварительное сообщение Орфографической подкомиссии. СПб., 1904. 16 с.

Предложения по усовершенствованию русской орфографии. М., 1964. 64 с.

Проект Главнауки о новом правописании: Сб. / сост. Н. Кременский и В. Мамонов; под ред. Г. Данилова и Г. Костенко. М., 1930. 92 с.

[Сакулин П. Н.] Доклад Педагогического общества, состоящего при Императорском Московском ун-те, по вопросу об упрощении русской орфографии // Вопросы воспитания и обучения: Труды пед. общества, состоящего при Императорском Московском университете. Т. І. М., 1901. С. 3–42.

T.M. Grigorieva

UNREALIZED INTENTIONS OF THE REFORM OF RUSSIAN SPELLING (THE PHONETIC ASPECT)

The article considers some proposals on the improvement of Russian spelling put forward at the meetings of the spelling commissions in the course of the long preparation of the 1917 reform. Each of them is evaluated in terms of expediency, scientific validity and the possibility of implementation in the modern spelling practice.

Keywords: Russian spelling reform, spelling commission, proposals on improvement, expediency, scientific validity, spontaneous spelling changing.

ПУНКТУАЦИЯ

УДК 811.161.1 + 81'35

И.Е. Ким

ОДИНОЧНЫЕ И ПАРНЫЕ ПУНКТУАЦИОННЫЕ ЗНАКИ: ЗОНА НЕРАЗЛИЧЕНИЯ

В русской пунктуации различаются одиночные и парные знаки. Одиночные знаки разделяют словесные контексты, парные знаки выделяют один словесный контекст внутри другого. Наблюдается явление нейтрализации парных и одиночных пунктуационных знаков в случае, если выделяемый словесный контекст находится не внутри, а в начале или в конце вмещающего словесного контекста. В этом случае парный пунктуационный знак (кроме скобок) реализуется в своем одиночном варианте. Школьная дидактика интерпретирует такую ситуацию как использование одиночного пунктуационного знака. Это решение приводит к неразличению одиночных и парных знаков.

Ключевые слова: одиночные и парные пунктуационные знаки, нейтрализация пунктуационных знаков, смешение пунктуационных знаков, однородные и неоднородные определения.

В своем исследовании 1988 года Б.С. Шварцкопф определяет позиции для пунктуационных знаков и с опорой на позиционные характеристики описывает их функции. Различая сферы употребления, внутри которых действует пунктуационный знак (в дальнейшем — ПЗ), и позицию внутри обслуживаемой единицы, Б.С. Шварцкопф задает две сферы употребления: предложение и текст (ср. [Пеньковский, Шварцкопф, 1979], с выделением трех сфер употребления, включая еще и слово) — и три позиции: начало/ середина/конец. Предлагает он также список основных функций пунктуационных знаков, наиболее важными из которых определяет функцию разделения (отделения), выполняемую одиночными ПЗ, функцию выделения, выполняемую парными ПЗ, и функцию распределения (оформление прямой речи и диалога; нумерованные и маркированные списки), за которую отвечают пунктуационные комплексы, т. е. целые наборы ПЗ, иногда в сочетании с параграфическими средствами, объединенные общей задачей [Шварцкопф, 1988].

[©] И. Е. Ким, 2019

Количество позиций (мест)	Тип знака	Функция
Одна	Одиночные	Разделение
Две	Парные	Выделение
	Пунктуационные	
Более двух	(и пунктуационно-орфо-	Распределение
	графические) комплексы	

Функции разных типов пунктуационных знаков

Содержание функций выглядит приблизительно так:

- разделение отделение друг от друга левой и правой части синтаксической единицы;
- выделение отделение внутренней области, ее акцентирование и фиксация ее относительной свободы внутри основной синтаксической единицы;
- распределение фиксация расположения разнородных частей конструкции относительно друг друга, компенсация многоуровневости текста, в том числе:
- 1) соединение в одномерности строки двух разнородных, разноуровневых тестов: текста автора и текста героя (прямая речь и слова автора; реплики действующих лиц и авторский текст, например, ремарки в драматическом произведении);
- 2) строгое упорядочивание языкового материала в виде списка или перечня, нехарактерного для спонтанного, свободного изложения в тексте.

К одиночным знакам относятся следующие: <.>1 точка, <,>0 одиночная запятая, <:> двоеточие, <...>0 одиночное тире, <;>1 точка с запятой, <...>0 многоточие (разновидности при потенциальном пропуске текста в конце и в начале), <?>8 вопросительный знак, <!>9 восклицательный знак, <!>9 одиночная скобка, </></>9 дробь (слеш; варианты без пробелов и с пробелами), <->9 дефис и <>10 апостроф </>22. Существует разнообразие комбинаций

 $^{^{1}}$ Здесь и далее ПЗ приводится в угловых скобках с обязательным указанием места пробела.

² Последние три знака обычно не включаются в состав ПЗ. Я включаю в состав ПЗ косую черту (слеш) как знак, который приобрел популярность и стал использоваться систематически со специфической функцией, а также дефис и апостроф как знаки, функционирующие в составе слова, которое включается в пунктуационные контексты авторами с высоким научным авторитетом [Пеньковский, Шварцкопф, 1979].

знаков на основе многоточия или повтора, которое связано, скорее, с комбинаторикой знаков, поэтому я их привожу, но не включаю в состав основных знаков: <...,> многоточие с запятой, <?...><??..> многоточие с вопросительным знаком, <?...><!!.> многоточие с восклицательным знаком, <?!.> комбинация вопросительного и восклицательного знака, <?!..> комбинация вопросительного знака, восклицательного знака и многоточия, <!!!> повторяющийся восклицательный знак, <???> повторяющийся вопросительный знак. Не все из этих комбинаций одобряются нормативными справочниками, но возможности комбинирования в «естественной письменной речи» превышают предложенный мной список.

Парные знаки в основном состоят из частей, совпадающих с одиночными знаками: <, __, > парная запятая; < __ _ = > парное тире; <: __ = > двоеточие — тире. Исключение составляет < (__) > парная скобка (скобки): ее левая часть уникальна, поэтому постановка левой скобки является однозначным сигналом парного знака 4 .

Главной предпосылкой смешения одиночных знаков с частями парных знаков является формальное тождество одиночного тире и правой или левой частей парного тире, одиночной запятой и левой или правой частей парной запятой, одиночного двоеточия и правой части парного знака «двоеточие — тире».

В основе тождества одиночного тире и частей парного тире лежит симметрия тире как фигуры, отсутствие у него направленности и наличие пробелов с обеих сторон. В основе тождества одиночной запятой и частей парной запятой лежит то, что открывающая запятая не аналогична открывающей скобке направлением вправо, а не влево, как у скобки [Кириллица — латиница — гражданица, 2009, с. 59]. С другой стороны, визуальное различие левого тире и левой запятой с соответствующими одиночными знаками все равно не исключило бы полное формальное тождество одиночной запятой и одиночного тире соответствующим закрывающим знакам.

Однако визуальная, формальная сторона неразличения влечет за собой более значимую функциональную сторону.

С функциональной точки зрения нужно различать нейтрализацию одиночных и парных знаков и их смешение.

Нейтрализация порождает «гипер»-знак, вбирающий в себя соответствующий парный или одиночный знак. Областью нейтрализации для одиночных и парных знаков являются одиночные реализации парных знаков:

 $^{^{3}}$ Знак подчеркивания в данном случае обозначает выделяемый парным знаком словесный контекст.

⁴ За исключением «скорописного» смайлика в интернет-коммуникации < (>, обозначающего отрицательную эмоцию благодаря имитации опущенных уголков губ.

- одиночная запятая закрывающая запятая, например: $\{,\}$ ⁵ Конечно, он, наверно, приукрасил, но это же было (В. Шукшин. Приезжий); ср.: Он, конечно, приукрасил, наверно, но это же было;
- одиночная запятая открывающая запятая, например: *Сейчас я только понимаю, что я тебе нужна* $\{,\}$ (В. Шукшин. Приезжий); ср: *Я понимаю, что я тебе нужна, только сейчас*;
- одиночное тире открывающее тире, например: [Arkan*ru, мужс] $\{-\}$ Конечно интересно, иначе не влез бы в тему :)))))))) (НКРЯ; коллективный. Инвестиции в сельское хозяйство. Начало)) (2014—2015)); ср.: 2 Очень конечно интересно, иначе не влез бы в тему :))))))));
- одиночное тире закрывающее тире, например: He зло съязвил, легко от избытка доброй силы $\{ \ \ \ \ \}$ (В. Шукшин. Шире шаг, маэстро); ср.: He зло, легко от избытка доброй силы съязвил;
- двоеточие открывающее двоеточие, например: Популярного исполнителя и композитора Левона Оганезова можно встретить везде: на различных артистических площадках, в многочисленных телевизионных проектах, на вечерах Иосифа Кобзона и Владимира Винокура, в концертах Зураба Соткилавы и в качестве импровизатора в «Белом попугае» { } ... (НКРЯ. Тамара Клейман. Левон Оганезов: Когда я вернулся, у меня не было ни квартиры, ни адреса (2002) // Вечерняя Москва. 16.05.2002); ср.: Везде: на различных артистических площадках, в многочисленных телевизионных проектах, на вечерах Иосифа Кобзона и Владимира Винокура, в концертах Зураба Соткилавы и в качестве импровизатора в «Белом попугае» можно встретить популярного исполнителя и композитора Левона Оганезова.

Нейтрализация вызывается позиционными причинами. Во-первых, она определяется комбинаторикой ПЗ. В пунктуационной литературе контактное взаимодействие знаков с элиминацией одного из них называется поглощением [ПАС, 2010, § 154–163]. Запятая «поглощается» любым вертикальным знаком или знаком нижнего уровня: точкой, двоеточием, вопросительным или восклицательным знаком. Исключение составляет многоточие, которое факультативно комбинируется с запятой. Во-вторых, и положение зависимой синтаксической единицы в абсолютном начале или конце предложения (перед главной синтаксической единицей или после нее) порождает отсутствие словесного контекста, требующего отделения от зависимой синтаксической единицы.

Смешение одиночного и парного ПЗ — это отсутствие одной из частей парного знака, например: *Американцы, при всей своей технической осна-*

 $^{^5}$ Здесь и далее в фигурных скобках указывается отсутствующая потенциальная вторая часть парного знака.

щенности(,) нормально (по ростовым мишеням, расставленных на полигоне) стали попадать только на расстоянии менее шести ста метров. И то, через раз 6. Теоретически возможна, но мной не отмечена обратная ситуация — постановка открывающей или закрывающей частей знака в ситуации, когда должен ставиться одиночный знак.

Как мы знаем, чаще опускается закрывающая запятая, поскольку начало придаточной ПЕ, вводного компонента или обособленного члена предложения контролируется пишущим, причем пунктуационную ситуацию он считает уже разрешенной, поэтому не фиксирует конец выделяемого оборота или ПЕ. Тем не менее встречается и отсутствие открывающей части парной запятой. Приведу интересные данные онлайн-диктанта по тексту П. Басинского «Божий странник», проведенного как часть акции «Тотальный диктант» 2019 г. (https://teacher.dict.nsu.ru; дата обращения 15.09.2019): Он шел полями с шести утра до полудня. К двенадцати часам сомлел от солнца, а оно, прощаясь с летом, светило особенно жарко, и свернул к березовой посадке, росшей вдоль глубокого оврага. На этом ресурсе производилась автоматическая обработка ошибок. Перед деепричастным оборотом прощаясь с летом запятая не была поставлена в 12 случаях, а после оборота — только в 5 случаях. Таким образом, открывающая запятая отсутствовала более чем в два раза чаще, чем закрывающая.

Нейтрализация и смешение одиночного и парного ПЗ может привести к неразличению — явлению, связанному уже с языковой интуицией и языковым мышлением носителей языка.

Неразличение одиночного и парного ПЗ связано с отсутствием системного подхода к преподаванию пунктуации в начальной и средней школе. Абстрактность парного знака приводит к тому, что в одной и той же пунктуационной ситуации (наличия зависимого полупредикативного или предикативного элемента, например, обособленного определения или придаточной части) в зависимости от положения зависимого компонента относительно главного компонента могут реализоваться полноценный, парный, и неполный, одиночный, варианты парного ПЗ. Такая абстрактность, сравнимая с абстрактностью других языковых единиц, например фонемы, представляет, скорее, не теоретическую, а дидактическую проблему, связанную с возрастными ограничениями сознания учащихся младшей и средней школы. Школьная дидактика в связи с этим перераспределяет функции одиночного и парного ПЗ, утверждая, что при положении зависимого выделяемого ком-

⁶ URL: https://zen.yandex.ru/media/politariumm/russkii-snaiper-byl-udivlen-vidia-kak-rabotaiut-amerikancy-na-snaiperskih-sborah-vo-francii-5c8b5b42211f3d00b3fde40d (дата обращения 15.03.2019). (Сохранены особенности грамматики автора.)

понента в начале и в конце предложения используется одиночная запятая, а при положении в середине — парная запятая. Потери от такого подхода очень серьезны и не покрываются единственным его удобством — соответствием здравому смыслу. У школьников разрушается представление о функциональной распределенности одиночных и парных знаков и, соответственно, упорядоченности, системности русской пунктуации. Следствием неразличения становится пропуск одной из частей парного ПЗ в его полной реализации, который в части случаев существенным образом влияет на членение и понимание текста.

Влияние на понимание текста в случае неразличения связано с тем, что у пунктуационных знаков есть не только функция, определяемая коммуникативным замыслом автора, но и производимый эффект, возникающий как последствие применения знака.

Рассмотрим функции и эффект употребления запятой.

Функция одиночной запятой — отделение, разделение элементов синтаксической конструкции. Использование запятой приводит к важному эффекту — графическому расчленению синтаксической структуры, результатом которого становится ее распадение на отдельные синтагмы левого и правого элементов, синтаксическая связь между которыми ослабляется. В некоторых случаях расчленение приходится на элементы, которые не связаны между собой тесной связью, в этом случае эффект соответствует функции (ожиданию), например при постановке запятой между частями сложного предложения или между однородными членами. Если же запятая разделяет главный и зависимый элементы присловной синтаксической связи, это приводит к дезактуализации последней, отсутствию возможности зависимого элемента попасть в смысловой центр высказывания или ПЕ.

Рассмотрим пример использования лишней запятой: *Как и многие другие* балерины(,) *Миа Васиковска пришла в кино*,(\varnothing) из-за тяжелой травмы, которая больше не давала возможности профессионально заниматься балетом... (в круглых скобках помещается отсутствующий ПЗ). Запятая перед предложно-падежной группой из-за тяжелой травмы может интерпретироваться как выделение уточняющего оборота (одиночная реализация парного знака, выделяющая конечный зависимый элемент), однако в данном случае можно понимать ее и как неуместную одиночную запятую. Сравнительный оборот, имеющий подчиненный характер, относится к следующей за ним синтагме. Запятая оторвала обстоятельство причины от предикативной основы ПЕ, выделив его

⁷ URL: https://zen.yandex.ru/media/filmoscop/krasivye-professionalnye-baleriny-kotorye-stali-izvestnymi-gollivudskimi-aktrisami-5c3350dfa2966000aa0ddd1f (дата обращения 31.01.2019).

в самостоятельную синтагму, поэтому исказился смысл сравнительного оборота: 'многие другие балерины пришли в кино' вместо 'многие другие балерины пришли в кино из-за тяжелой травмы'. Отсутствие запятой перед обстоятельством причины позволило бы актуализировать причинно-следственную связь, спроецировать ее на семантику сравнительного оборота.

Как уже говорилось выше, функция парной запятой — выделение. А эффект употребления такого знака оказывается двойным — к расчленению конструкции и дезактуализации синтаксической связи добавляется еще и установление синтаксической связи помимо (через голову) выделенного языкового выражения. Аналогичная функция и эффект употребления у парного тире и скобок.

Пропуск правой части парной запятой может привести к неправильному формированию синтагмы, внутри которой устанавливается синтаксическая связь, например: В начале 90-х планировалось вооружить ППС, хранящимися на складах российскую милицию в. Вместо синтагмы вооружить ППС (пистолетами-пулеметами Судаева) российскую милицию сформировалась синтагма хранящимися на складах российскую милицию, в которой, несмотря на отсутствие согласования, сближаются российскую милицию и хранящимися на складах (*милиция хранится на складах).

А вот обратный случай, когда неуместная запятая может быть интерпретирована как закрывающая часть парной запятой, что приводит к неправильному синтаксическому членению и искажению интерпретации синтаксических ролей в следующем заголовке: Известные спортсмены, которые могут быть замешаны, в австрийском допинг скандале 9. Синтагма которые могут быть замешаны, отделяемая слева и справа запятыми, может быть воспринята как зависимая ПЕ внутри главной ПЕ Известные спортсмены в австрийском допинг-скандале.

У одиночного тире много различных функций, часть из которых связана с произвольным актуальным членением. Поэтому, с одной стороны, тире ставить легко и безответственно. Но с другой стороны, тире оказывается очень громоздким знаком, чему способствует горизонтальность (это широкий знак), средний уровень расположения и наличие пробелов с обеих сторон. Поэтому одна из функций одиночного тире — заместительная, основанная на эффекте большой протяженности. Громоздкость знака, а также его симметричность

⁸ URL: https://zen.yandex.ru/media/daidjest/luchshii-pistolet-pulemet-vtoroi-mirovoi-voiny-sovetskii-pps43-ego-skopirovali-daje-nemcy-5d2329b259861500add2f465 (дата обращения 30.07.2019).

 $^{^9}$ URL: https://zen.yandex.ru/media/serega/izvestnye-sportsmeny-kotorye-mogut-byt-zameshany-v-avstriiskom-doping-skandale-5cdabdaf0ae27d00b35f0df1 (дата обращения 22.05.2019).

привела к тому, что в справочниках по пунктуации существуют ограничения на постановку в ограниченном пространстве одиночных и парных тире, выполняющих разные функции, ср., например, неудобство восприятия следующей фразы: Я думаю — не без основания — эти люди — наши враги.

В паре «двоеточие — тире» основную нагрузку несет двоеточие, выражающее отношение между элементами конструкции, а тире имеет исключительно граничную функцию. Тем не менее утрата закрывающего тире этого парного ПЗ может дать неожиданный эффект, например: «Бездомная представилась Татьяной Антоновой и вкратце рассказала о себе. Марине захотелось помочь ей, и она довольно быстро нашла информацию в Сети о том, что в поселке Беково Пензенской области, действительно, 13 лет назад пропала без вести Татьяна Антонова. //> У нее остались трое детей: Лена, Оля и Иван (—) и муж Владимир 10. Тире служит сигналом конца однородного ряда при обобщающем слове. Его отсутствие позволило включить в этот ряд еще один член, искажающий смысл обобщающего слова.

Как уже говорилось выше, постановка открывающей скобки однозначно предполагает наличие в правом контексте закрывающей скобки. Но такая предопределенность тем не менее не ограждает пишущего от смешения закрывающей скобки и одиночной скобки. Можно помыслить уникальный случай, когда во внутреннем контексте парных скобок обнаруживается список с рубрикацией с помощью одиночной скобки, исполненный в подбор, например: Солнца не было видно (мешали а) низкие облака; б) густые кроны деревьев), или пропущена закрывающая скобка, а в тексте обнаруживается список, исполненный в подбор с рубрикацией с помощью одиночной скобки, например: 1) Солнца не было видно (мешали густые облака; 2) было очень холодно... Такие случаи возможны, но имеют характер курьеза, невероятного стечения обстоятельств. Однако даже при совершенно уместном употреблении скобок расположение открывающей и закрывающей скобок на разных строках может привести к неразличению одиночной скобки и правой части парной скобки, например:

Изложенную информацию можно обобщить в виде таблицы (см. таблицу 1.2). Анализ специфики выражения кореферентности...

Приведенный пример подогнан специально таким образом, чтобы на вторую строку пришлось цифровое выражение с закрывающей скобкой,

URL: https://www.vesti.ru/doc.html?id=3173179&utm_referrer=https%3A%2F% 2Fzen.yandex.com%2F%3Ffrom%3Dspecial&utm_source=YandexZenSpecial (дата обращения 31.07.2019).

но подобное расположение пунктуационных знаков встречается в текстах. Заметим, что во всех приведенных случаях понимание контекста вызывает затруднение именно оттого, что членение оказывается неоднозначным.

Есть, однако, одна пунктуационная ситуация, в которой неразличение одиночного и парного ПЗ одобряется правилами. Это однородные и неоднородные согласованные определения в препозиции по отношению к определяемому слову [Ким, 2018].

Рассмотрим два примера: 1) *Юмор* — это нормальная, адекватная(,) реакция на нелепости — и собственные, и чьи-то чужие (Вы над собой смеяться не боитесь? (2002) // Дело (Самара). 2002.05.03); 2) Задний, президентский, ряд сидений оборудован складывающимся столиком, а центральное место украшено геральдикой президента Соединенных Штатов (Автоответчик (2002) // Автопилот. 2002.07.15).

В выражениях нормальная, адекватная(,) реакция и задний, президентский, ряд второе определение является уточняющим по отношению к первому и поэтому должно обособляться, т. е. выделяться парной запятой. Однако в ПАС мы обнаруживаем иное решение.

- § 37. Однородные определения, выраженные прилагательными и причастиями и стоящие перед определяемым словом, отделяются друг от друга запятой, неоднородные не отделяются... [ПАС, 2010, с. 196].
- § 41. Неоднородные определения разделяются запятой только в том случае, если второе из них поясняет первое, раскрывая его содержание (возможна вставка слов то есть, а именно): Он... осторожно ступал по блестящей проволоке с новым, свежим чувством восторга (Гран.) здесь новый значит «свежий»; без запятой, т. е. при снятии пояснительных отношений, окажется иной смысл: было «свежее чувство восторга» и появилось новое (новое свежее чувство, но: новое, свежее чувство...) [Там же, с. 199].

Причина, по которой авторы предлагают не ставить закрывающую запятую, понятна: две запятые в последовательности из трех словоформ выглядят громоздко. Но почему в этой ситуации возникает возможность вместо парного знака ставить одиночный?

Ответ в данном случае неочевиден. Постановка парного знака выделяет в отдельную синтагму и тем самым затрудняет синтаксическую связь для второго определения, которое в таком случае ориентировано не на определяемое, а на первое определение (адекватная = нормальная реакция). Одиночная запятая отделяет первое определение, которое имеет тесное отношение со вторым, вступающим в гипонимические или синонимические отношения с первым. Это значит, что в связь вступает не второе определе-

ние, а комплекс из первого и второго. В любом случае наличие тесного отношения со вторым определением способствует связи первого определения с определяемым существительным.

Интересен пример задний, президентский, ряд. Парная запятая в предложенном контексте появилась не случайно. Прилагательное президентский не является гипонимом или синонимом по отношению к прилагательному задний и вообще не связано с ним семантически. Таким образом, это прилагательное выполняет уточняющую функцию ситуативно, в связи с обозначаемой ситуацией. Поэтому автор выделил это определение с двух сторон, отчетливо понимая его уточняющий характер. В этом случае вполне уместна была бы и одиночная запятая, которая бы актуализировала связь второго определения с определяемым.

Таким образом, несмотря на различие функций и вызываемого эффекта употребления, неразличение одиночного и парного знаков не всегда приводит к сложностям в восприятии текста. Наблюдаются даже регулярно воспроизводимые пунктуационные ситуации, в которых постановка одиночного знака вместо парного рекомендуется действующими правилами правописания.

Список литературы

Ким И. Е. Запятая при однородных и неоднородных одиночных согласованных определениях: «допускающие» правила и их применение // #ТОТСБОРНИК: Сборник научных трудов по материалам Тотального диктанта / Отв. ред. Н. Б. Кошкарёва. Новосибирск, 2018. Вып. 3. С. 125–133.

Кириллица — латиница — гражданица: Коллективная монография / Отв. ред. Т.В. Шмелёва / НовГУ им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2009. С. 53–64.

ПАС — Правила русской орфографии и пунктуации: Полный академический справочник / Под ред. В. В. Лопатина. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2010. 432 с.

I.E. Kim

SINGLE AND PAIRED PUNCTUATION MARKS: ZONE OF NON-DIFFERENTIATION

Russian punctuation distinguishes between single and paired punctuation marks. Single punctuation marks separate verbal contexts while paired punctuation marks separate one verbal context within another. In cases when the selected verbal context is not inside, but at the beginning or at the end of the enclosing verbal context, a neutralization phenomenon is observed. In this case, the paired punctuation mark (except for brackets) is used in its single form. School didactics interprets it as the use of a single punctuation mark. Such an interpretation results in the non-differentiation between single and paired punctuation marks.

Keywords: single and paired punctuation marks, neutralization of punctuation marks, non-differentiation of punctuation marks, homogeneous and heterogeneous attributes.

И.В. Высоцкая, О.И. Северская

СКОЛЬКО ЗНАКОВ ПРЕПИНАНИЯ ОТ *МОЖНО* ДО *ПОЖАЛУЙСТА*?

(этикетная вежливость в аспекте пунктуации)

В статье рассматривается новая для русского речевого этикета формула выражения вежливой просьбы можно(,) пожалуйста, при этом особое внимание уделяется ее пунктуационному оформлению. Авторы видят в этой формуле кальку с аналогичных английских выражений May I please, Can I please, Could you please и объясняют отсутствие знаков препинания как следованием английскому синтаксическому образцу, так и смысловой слитностью самого словосочетания. Рассмотрев функционирование можно(,) пожалуйста на обширном материале обыденной и массмедийной речи и речевых явлений массовой культуры, авторы называют формообразующими нулевой пробел (хештегирование), пробел, запятую и вопросительный знак, а выбор конкретного пунктуационного оформления объясняют коммуникативным намерением говорящего.

Ключевые слова: речевой этикет, вежливость, калькирование, *можно*, *пожалуйства*, вопрос, просьба, пунктуация, знаки препинания.

Вопрос о знаках препинания при традиционных этикетных маркерах вежливой просьбы с необычайной остротой встал с началом экспансии новой, зародившейся в молодежной речевой субкультуре модной формулы можно *пожалуйста \dangle . Ее активно используют представители поколений Y и \mathbb{Z}^2 . И формула эта уже стала достоянием речевой «поп-культуры», которая по определению автора термина, О. С. Иссерс, «формируется как некий новый способ общения, используемый множеством людей — независимо от их статуса и социальной роли — в повседневной жизни» [Иссерс, 2015, с. \mathbb{I}^3 . В отношении можно *пожалуйста важно и то, что это — проявле-

[©] И.В. Высоцкая, О.И. Северская, 2019

¹ Астериск здесь появился не случайно: он указывает на вариативность пунктуации, а примеры постановки конкретных знаков будут приведены ниже.

 $^{^2}$ Согласно теории поколений, к Z относятся молодые люди до 16 лет, к Y — от 16 до 40 лет, к X — от 40 до 60 лет, а беби-бумеры — это носители «традиционных ценностей», поколение 60+ [Лазарева, 2017].

³ Кроме того, закрепилась она и в массовой литературе, в том числе в текстах на популярных ресурсах stihi.ru [Брыкина, 2016; Гордиенко, 2018] и proza.ru [Вигер, 2013].

ние глобализации этикетной сферы дискурса, того, что Р. Ратмайр называет «новой русской вежливостью» [2009, с. 63–64] или «повышенной вежливостью» [Там же, с. 79], во многом складывающейся под влиянием западных образцов.

«Новая вежливость» предполагает вопрос в форме: *Можно, пожалуйста, пачку пломбира с орехами?* [Гордиенко, 2018]. Тогда как русской этикетной нормой предусмотрены либо вопрос (*Можно мне мороженого?*), либо просьба (*Мне, пожалуйста, мороженого*) [Высоцкая, 2018, с. 66–67; Северская, 2018, с. 250]. Рядом два маркера вежливости традиционно появлялись либо на стыке вопроса-просьбы и вежливого ответа на это согласием (*Мороженого можно?* — *Пожалуйста*), либо в конструкциях, отражающих градацию, усиление ⁴ просьбы (*Можно мне мороженого? Пожа-а-алуйста!* / *пожалуйста...* — так часто говорят дети), или же подчеркнутую готовность на просьбу откликнуться (*Мороженого? Можно, пожалуйста*). На фоне нормы *можно*пожалуйста* выглядит гиперкорректным, чересчур вежливым, так как использует две прагматически дублирующие друг друга формы.

Современное можно *пожалуйста — это, конечно, калька с англоязычной конструкции May I please 'Mory ли я/могу я/можно (мне)..?', которая поначалу переводилась на русский «как положено»: May I please have a glass of water? 'Можно мне стакан воды?' Теперь же перевод соответствует «тренду»: May I please inspect the bathroom? 'Могу я, пожалуйста, осмотреть ванную?' И это не единственный случай этикетного калькирования: англ. Please can I watch some TV? в современной русской речи имеет аналог пожалуйста, я могу немного посмотреть телевизор? Кроме того, А. А. Сомин указывает на распространение еще одной смешанной формулы: не могли бы вы, пожалуйста, + инфинитив (Не могли бы Вы, пожалуйста, сообщить нам, в какие сроки Вы сможете направить нам согласованные видеолекции? — А. А. Сомин делится примером из личной переписки), которая, «вероятнее всего, является калькой с англ. could you please + V» [Сомин, 2018, с. 258].

Причин экспансии англоязычного «вежливостного» стандарта, на наш взгляд, две. Новая формула, скорее всего, появилась в узусе в результате буквального перевода в каком-либо популярном фильме или сериале, а затем распространилась по каналам телекоммуникации. А кроме того, на речь молодых россиян могли повлиять взгляды на этикет их англоязычных свер-

⁴ Среди приводимых в «Большом толковом словаре русского языка» С. А. Кузнецова значений слова *пожалуйства* есть и значения «логического выделения, подчеркивания» и «усиления выражения чувств» [БТС].

стников: по устному свидетельству Е. Я. Шмелёвой, англичанам и американцам наша речь кажется невежливой именно потому, что к можно (прямому запросу) не добавляется смягчающее просьбу пожалуйста, превращающее, по сути, потенциально активную позицию говорящего (могу я это получить/сделать?) в пассивно-выжидательную (разрешите мне...).

О том, что модная формула подчеркнутой вежливости — явление для русского этикета новое (и в каком-то смысле ему чуждое), говорит вариативность ее пунктуационного оформления, нередко противоречащего сложившейся норме.

Ее смысловая нерасчлененность подчеркивается двумя некорректными с точки зрения принятых правил пунктуации, но бытующими в узусе написаниями.

Во-первых, **слитным**: *можнопожалуйства*⁵; такое написание замечено в Инстаграме как в отдельных постах (*Можнопожалуйства лето обратно?*), так и в виде чрезвычайно популярного хештега #*можнопожалуйства*⁶.

Во-вторых, раздельным, но без знаков препинания — через пробел: можно пожалуйста (как в англ. May I please); этот вариант часто встречается на интернет-форумах: Можно пожалуйста мультфильм? У Насти заболело горло и температура поднялась, надо чем-то занять ребенка (MultOnline.ru); можно пожалуйста песню про маму? (chclip.net); Можно пожалуйста узнать, из какого аниме Меч Желтого Императора «Бледное Сияние»? (anime.anidud.com); Именное видеописьмо «Новогодняя Сказ-ка» — это мультипликационное новогоднее приключение, которое идет около 10 минут. Можно пожалуйста узнать ваше мнение о данном предложении, взяли бы его вы своему ребенку? (mamochki-help.ru); Можно пожалуйста номер Пелагеи Хановой... Уж очень охота хоть раз услышать ее голос вживую... (vk.com) и т. д.

Интересно, что под влиянием этого варианта новое пунктуационное оформление может сегодня получать и конструкция с придаточным условия если можно, пожалуйста.., в которой оговаривается возможность исполнения просьбы: У меня очень тяжелая ситуация! Если можно пожалуйста помогите мне в ней разобраться. Заранее огромное Вам спасибо! (health. mail.ru), — в соответствии с нормой пожалуйста должно выделяться запятыми, однако на их месте мы видим пробелы. Похоже, условие здесь игнорируется, можно пожалуйста употребляется как стандартный маркер вежливости дискурса.

⁵ Именно в таком написании формула была включена в лонг-лист «Слова 2017 года» [Черникова, 2018].

⁶ На момент написания статьи его содержат 1170 инстаграм-публикаций.

В другом случае «вежливые» слова соединены пробелом, нормативная разделительность которого компенсируется слитным произнесением двух слов в одно, но отделены запятой от выражения собственно просьбы: Можно пожалуйста, полный стих? (culture.ques.ru); Можно пожалуйста, красивые предложения с глаголами в прошедшем времени? (russkijyazyk.neznaka.ru); Можно пожалуйста, мне помочь? 1, 2, 3 задания, пожалуйста! (gitun.com). В этих примерах прослеживается синтаксическое влияние традиционного выражения вежливой просьбы с помощью частицы пожалуйста 7 (ср.: Пожалуйста, <приведите> стихотворение полностью; Пожалуйста, <составьте> красивые предложения с глаголами в прошедшем времени; Помогите мне, пожалуйста!), знак препинания ставится по аналогии. Похоже, можно смешивается с пожалуйста — прежде всего по функции вежливого обращения — и в таких примерах: Можно, я сделаю чаю? Можно, я сделаю это прямо сейчас? (context.reverso. net), где можно выделяется запятой вопреки пунктуационной норме. В норме здесь запятая не требуется [Русская грамматика, 1980, с. 398]8, можно не является ни обращением, ни вводным словом. По смыслу это запрос разрешения на какое-то действие, легко прослеживается аналогия с пожалуйста, разрешите мне, что мотивирует некорректную постановку запятой. Однако заметно, что говорящий относится к слову можно и как к вводному, которое легко устраняется без потери основного значения высказывания (ср.: Я сделаю чаю? Я сделаю это прямо сейчас?), или же ощущает всю конструкцию аналогом сложноподчиненного предложения с придаточным изъяснительным вроде: *Говорю вежливо, что собираюсь сделать чай / сделать это прямо сейчас; *Предупреждаю, я сделаю чай / сделаю это прямо сейчас.

Интересные примеры употребления модной формы вежливой просьбы мы обнаружили в рассказе Александра Вигера «Можно, пожалуйста, потише» [2013]. Приведем два диагностически важных фрагмента:

⁷ Прагматически главным здесь все же является предикатив *можно*, который, формально означающий вопрос: *Могу я получить?...*, указывающий, что результат может быть получен при каких-то условиях, по смыслу равен безусловному императиву: *Дайте мне (то, что я называю)* или *Сделайте (то, о чем речь)*.

⁸ Между тем популярный интернет-ресурс «Ответы Mail.ru» на вопрос «Нужна ли запятая? В предложении *Можно, я сделаю это позже?*» дает однозначный ответ: «Да» (https://otvet.mail.ru/question/206251575), что говорит о переосмыслении наивными носителями языка грамматического статуса и синтаксической роли предикатива со значением вопроса о возможностях и условиях совершения чего-либо / разрешения, позволения что-либо сделать.

- 1. Нелегко было готовиться к экзамену. Преподаватели были требовательными, строго наказывали за малейшую ошибку, а произведение Эдварда Грига было не из легких. Но делать было нечего, поэтому студент консерватории подошел, сел возле пианино и начал репетировать. <...> И из голодного, заспанного, худого парня превратился в норвежского богатыря, гнев которого способен обрушить скалы. <...> Все эти детали заметил бы профессионал соседка же нашего пианиста услышала только «Бум-бум». После напряженного рабочего дня ей хотелось тишины. Она озлобленно стучала в дверь к соседу, будто таран, обрушившийся на защитные стены замка. <...>
 - **Можно пожалуйста**, потише, выпалила женщина, когда он открыл.

Пианист долго объяснял ей, что это Григ, что у него такая манера, но ничего этого она не восприняла. Женщина в ответ загрузила его рассказом об утомительной судьбе бухгалтера, об их завалах и квартальных отчетах. Она так завелась, что, возможно, разболтала несколько коммерческих тайн и семейных секретов своих сотрудников. Спорить с женщиной было бесполезно. Пианист решил на репетиции играть тихо, а на экзамене уже в полную силу. Но получилось не так, как хотелось. Его руки так привыкли к игре пиано, что и перед комиссией у парня не получилось выдать всю экспрессию.

Молодого человека отправили на пересдачу.

<...>

2. Некоторое время он был в ступоре, а затем все-таки сел за инструмент. Грига играть было невозможно, поэтому он начал играть свою мелодию, которую никому не показывал. Мелодия звучала плавно, нежно, лирично, печально. Будто морские волны ласкали песчаный берег. Парень упивался своим талантом и своим одиночеством.

Снова раздался стук в дверь.

- «Ну уж нет, теперь я не буду себя сдерживать», подумал он.
- Можно, пожалуйста... начала женщина, но он ее прервал:
- *Нельзя, пожалуйства*. Из-за Вас я завалил экзамен. А эта мелодия разве громкая? Нет, у Вас же бухгалтерские учеты, нужно сосредоточиться, а то, что классическая музыка умирает все равно.
- Я хотела сказать, можно, пожалуйста, погромче. Вы так красиво играете [Вигер, 2013].

В первом фрагменте можно пожалуйста никакими знаками препинания не оформлено, за словами стоит эмоциональный всплеск, они произносятся как бы в едином порыве, в результате чего вопрос и побуждение интонационно сливаются в пределах одного такта. Это скорее маркер включения «вежливости на автомате», цельнооформленный прагматический знак, эвфемизм гнева, при вдумчивом прочтении оказывающийся ситуативным дисфемизмом.

Во втором отрывке, с одной стороны, появляются контекстные антонимы **можно**, пожалуйста vs. **нельзя**, пожалуйста, которые делают очевидной

фразовую контаминацию вопроса и просьбы в не вполне «нормальной» конструкции, с другой, присутствует и другая конструкция, построенная по принципу «два в одном»: можно, пожалуйста, погромче, где требовательность вопроса можно погромче? как бы смягчается этикетным вежливым обращением пожалуйста, которое употребляется в междометной функции и лишь усиливает смысл сказанного. И в том, и в другом случае пожалуйста оказывается вводным, семантически избыточным словом, которое по действующим пунктуационным правилам для такого рода феноменов выделяется запятой.

В большинстве же случаев в формуле «новой вежливой» просьбы noжалуйста выделяется запятой в соответствии с действующими нормами пунктуации. И в обыденной речи носителей языка: Можно, пожалуйста, чашку чая?; и в массмедиа: Можно не говорить, пожалуйста, о Жене Медведевой? (rsport.ru, интервью с Алиной Загитовой); Можно, пожалуйста, этот вопрос здесь не обсуждать! (1tv.ru, «Время покажет»); и в массовой культуре: Можно, пожалуйста, желтые листья? <...> Можно, пожалуйста, дождь или ливень? [Брыкина, 2016]; ср.: А можно, пожалуйста, быть хоть немного нежнее? / К людям любимым, и к самым простым вещам... / Можно счастью открыть вновь двери / И улыбнуться весне, как бы невзначай? <...> Еще мне, пожалуйста, мудрых книжек, / Чтоб научили быть стойкой, непробивной! [Гордиенко, 2018]; Мне с грустинкою кофе, пожалуйста, можно? (https://ruclip.com/video/-kj9GLJK aQ/, из сериала «40+, или Геометрия чувств»). Как можно заметить, пожалуйста, семантически «спаянное» с можно, синтаксически от него все же независимо, о чем говорят и появляющиеся в соответствии с актантной структурой предикатива можно распространители, нарушающие цельнооформленность нового этикетного выражения, и примеры с инверсией.

Подводя итоги, заметим: между *можно* и *пожалуйства* появляются четыре основных знака, два из которых являются традиционными знаками препинания:

- нулевой пробел (при хештегировании, в том числе символическом: можнопожалуйста);
- **пробел** (в отсутствие запятой и при особой интонации он воспринимается как некий «сочинительный» знак единения компонентов цельнооформленного словосочетания, знака вежливой просьбы: *можно пожалуйства кофе и булочку?*);
- запятая (при градации, эмоциональном усилении настойчивой просьбы: *Можно, пожалуйста, не шуметь?* и при смысловом усилении ответа на просьбу, соответствующего подчеркнутой готовности помочь: *Познакомиться с результатами исследования можно, пожалуйста*);

— **вопросительный знак** (в случае вопросно-ответного диалогового единства: *Войти можно?* — *Пожалуйства*; а также использования *пожалуйства* в функции маркера логического выделения, подчеркивания, усиления: *Горло уже не болит, погулять можно? Пожалуйства*...).

Выбор знака в каждом конкретном случае определяется значением, приписываемым обороту в контексте коммуникации.

Некорректность некоторых отмеченных выше пунктуационных решений передачи «новой вежливой» формулы просьбы объясняется, прежде всего, ее «нерусскостью», в силу которой она либо наследует пунктуационное оформление у калькируемого англоязычного аналога, либо ориентируется в написании на знаки препинания при «волшебном» слове пожалуйста, которое оказывается в данном случае ключевым и в смысловом, и в синтаксическом плане.

Список литературы

Высоцкая И.В. Речевые формулы вполне себе и можно, пожалуйста в современной русской речи // Вежливость и антивежливость в языке и коммуникации: Мат-лы Междунар. науч. конф., сост. в Институте лингвистики РГГУ 23–24 октября 2018 г. / Отв. ред. И.А. Шаронов. М.: Полит. энциклопедия, 2018. С. 53–61.

Иссерс О. С. «Поп-культура» русской речи: к постановке проблемы // Коммуникативные исследования. 2015. № 4(6). С. 7–21.

Лазарева М. X, Y, Z: теории поколений в России [17.08.2017]. URL: https://newtonew.com/science/x-y-z-teorii-pokoleniy-v-rossii (дата обращения 15.03.2019).

Ратмайр Р. «Новая русская вежливость» — мода делового этикета или коренное прагматическое изменение? // Вопросы языкознания. 2009. № 1. С. 63-81.

Северская О. И. От «диких извинений» до «можнопожалуйста»: о границах между вежливостью и антивежливостью // Вежливость и антивежливость в языке и коммуникации: Мат-лы Междунар. науч. конф., сост. в Институте лингвистики РГГУ 23–24 октября 2018 г. / Отв. ред. И. А. Шаронов. М.: Полит. энциклопедия, 2018. С. 246–253.

Сомин А.А. Конструкция потрудитесь + инфинитив: от вежливости до хамства // Вежливость и антивежливость в языке и коммуникации: Матлы Междунар. науч. конф., сост. в Институте лингвистики РГГУ 23–24 октября 2018 г. / Отв. ред. И.А. Шаронов. М.: Полит. энциклопедия, 2018. С. 254–263.

Черникова Е. Слово года — реновация // Вечерняя Москва. 09.01.2018. URL: https://vm.ru/news/44985.html (дата обращения 15.03.2019).

Список источников

Брыкина Мария. Можно, пожалуйста? URL: https://www.stihi. ru/2016/11/25/6061 (дата обращения 15.03.2019).

Вигер Александр. Можно, пожалуйста, потише. URL: https://www.proza.ru/2013/10/04/1482 (дата обращения 15.03.2019).

Гордиенко Катя. Можно, пожалуйста... URL: https://www.stihi.ru/2018/04/02/8125 (дата обращения 15.03.2019).

Словари и справочники

Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2014. URL: http://gramota.ru/slovari/dic/ (дата обращения: 15.03.2019).

Русская грамматика / Главн. ред. Н. Ю. Шведова. В 2 т. Т. 2. Синтаксис. М.: Наука, 1980. 709 с.

I. V. Vysotskaya, O. I. Severskaya

HOW MANY PUNCTUATION MARKS ARE THERE FROM 'MOZHNO' TO 'POZHALUJSTA'? (ETIQUETTE COURTESY IN TERMS OF PUNCTUATION)

The article discusses the formula for expressing a polite request that is new to Russian speech etiquette: *mozhno* (,) *pozhalujsta*, with particular emphasis on punctuation. The authors regard this formula as a calque of similar English expressions 'May I Please', 'Can I Please', 'Could you Please'; and explain the absence of punctuation marks as coming from both the English syntactic pattern and the semantic integrity of the phrase itself. Having reviewed the use of *mozhno* (,) pozhalujsta from an extensive sample of material from everyday and mass-media speech as well as mass culture speech phenomena, the authors consider the zero space (hashtagging), space, comma and question mark productive, and explain the choice of a specific punctuation design by the speaker's communicative intent.

Keywords: speech etiquette, politeness, calque, mozhno, pozhalujsta, question, request, punctuation, punctuation marks.

Д. В. Руднев, С. В. Друговейко-Должанская

СОЮЗ ИЛИ ВВОДНОЕ СЛОВО?

В академических «Правилах русской орфографии и пунктуации» вводное слово *значит* в положении между частями сложного предложения стало квалифицироваться как присоединительный союз и на этом основании изменило свое пунктуационное оформление. В статье рассматривается противоречивость трактовки слова *значит* как присоединительного союза. Отмечается наличие союзной функции у значительного числа вводных слов, которые тем не менее не рассматриваются в справочнике как союзы и продолжают выделяться запятыми. Рассматриваются методологические трудности при изменении пунктуационных правил.

Ключевые слова: сложное предложение, союз, вводное слово, союзная функция, пунктуация, запятая.

Одним из постоянных вопросов, который задают пользователи служб русского языка, в том числе и GRAMMA.RU, является вопрос об употреблении слова значит. Согласно академическим «Правилам русской орфографии и пунктуации», слово значит в положении между частями сложного предложения квалифицируется не как вводное слово, а как присоединительный союз (наряду с союзами да и, и притом, также, тоже), следствием этого является отсутствие его пунктуационного выделения в этой позиции; например: Тучи надвигаются, значит будет дождь; На небе собираются тучи, значит будет дождь [ПАС, 2011, с. 235, 247, 248].

Указанная норма является новшеством в правилах русской пунктуации. В справочнике по пунктуации Д.Э. Розенталя говорится: «Если слово значит находится между частями бессоюзного сложного предложения, то оно выделяется запятыми, например: Прозвенел звонок, значит, урок кончился; Не уберегли ребенка, значит, пеняйте на самого себя» [Розенталь, 1984, с. 114; Розенталь, 1994, с. 212–213]. Союзная функция значит не отмечена в справочнике Н.С. Валгиной и В.Н. Светлышевой [Валгина, Светлышева, 1994, с. 205–210, 221–225].

Признание у слова значит союзной функции началось с академической «Русской грамматики», где вводится понятие союзного аналога. Статус союзного аналога признается за словами и сочетаниями слов потому (и), поэтому, значит, следовательно, стало быть, итак, таким образом,

[©] Д. В. Руднев, С. В. Друговейко-Должанская, 2019

оформляющими причинно-следственные отношения между частями сложносочиненного предложения. В отличие от предложений с вводными словами следовательно, стало быть, итак, таким образом в примере со словом значит снято выделение запятыми: Я ведь еще живая — значит надо жить (Л. Пантелеев) [Русская грамматика, 1980, с. 632]. «Краткая русская грамматика» (§ 720) почти дословно повторяет этот пункт «Русской грамматики» о союзных аналогах с причинно-следственным значением, но пример из рассказа «Две лягушки» Л. Пантелеева оформлен с выделением слова значит: Я ведь еще живая — значит, надо жить [Краткая русская грамматика, 1990, с. 610].

Однако в разделе «Предложения со значением цели и следствия» (§ 688) подобный пример оформляется уже без такого выделения: «Отношения следствия могут оформляться специализированными коррелятами значим, следовательно, стало быть (разг.), знать (прост.): Она была в шубейке... следовательно, она собиралась куда-то идти (Достоевский); Я раз сказал ему, что мне нравится его "Демон"... А он мне ответил: "Вам нравится — значит плохо" (К. Коровин). В подобных условиях коррелят выступает как аналог сочинительного союза» [Краткая русская грамматика, 1990, с. 584].

Процесс развития у слова *значит* функций союза не является чем-то исключительным: аналогичный процесс прошло слово *однако*, на основе вводного употребления развившее функции противительного союза. Слово *значит* развило вводное употребление на основе связочной функции в первой четверти XIX в. [Руднев, 2014, с. 79–82] и, подобно другим вводным словам, приобрело способность выступать в качестве аналога союза. Вопрос заключается в том, насколько обоснованным является признание слова *значит* союзом и какие последствия этот факт влечет для пунктуационных правил русского языка.

Вводные слова различным образом участвуют в реализации союзной функции. Прежде всего, это касается группы вводных слов, указывающих на отношения между частями высказывания (во-первых, наконец, впрочем, таким образом, итак, кстати и т. д.), в состав которой входит и слово значит. «Вводные слова этой группы служат для выделения, ограничения, уточнения, пояснения тех или иных частей предложения, для их противопоставления, сопоставления, для соединения отдельных частей предложения или для напоминания о прежде сказанном, для выражения итога, вывода, обобщения сказанного, для указания на порядок сообщения или на степень их значимости» [Алгазина, 1995, с. 215]. «Это выразители субъективных авторских способов присоединения и перехода от одной мысли к другой. С одной стороны, они вычленяют явления в существенных для внешнего

мира закономерностях, с другой стороны — связывают их» [Дымарская-Бабалян, 1978, с. 77].

Релятивная семантика этих вводных слов делает возможным их регулярное использование в связующей функции, в связи с чем они даже получили название «вводно-союзных компонентов» [Лекант, 1988, с. 6; Касаткин, Клобуков, Лекант, 1991, с. 278], «метатекстовых скреп» [Перфильева, 2014, с. 103]. Пожалуй, впервые на близость этих вводных слов к союзам обратил внимание А. М. Пешковский, охарактеризовавший их как «стоящие на рубеже между вводными словами и союзами» [Пешковский, 1956, с. 410].

Вводные слова, указывающие на отношения между частями высказывания, неоднородны по своему составу и распадаются на несколько подгрупп: 1) выражающие перечислительные отношения (во-первых, во-вторых, наконец); 2) выражающие отношения присоединения, добавления (кстати, правда, впрочем); 3) выражающие отношения противопоставления (однако, напротив, наоборот); 4) выражающие отношения следствия (следовательно, значит, стало быть, выходит); 5) выражающие отношения обобщения, заключения (таким образом, итак, вообще) [Касаткин, Клобуков, Лекант, 1991, с. 278]. Возможна и иная классификация этих вводных слов, например: 1) слова и сочетания слов, «тем или иным образом поясняющие или дополняющие сообщение» (главное, между прочим, кроме того, сверх того, кстати); 2) со значением уточнения (например, в частности, в том числе); 3) выражающие порядок следования мыслей (прежде всего, наконец, вопервых и пр.); 4) со значением сопоставления, противопоставления (с одной cmopoны - c другой стороны, напротив, наоборот); 5) со значением итога, вывода (следовательно, значит, стало быть, выходит) [Алгазина, 1995, c. 215-217].

Связующую функцию могут выполнять не только вводные слова, указывающие на отношения между частями. Так, повторяющиеся вводно-модальные слова может (быть), возможно участвуют в выражении разделительных отношений и могут использоваться в качестве союзных аналогов вместо союзов то ли ... то ли, не то ... не то: Бабушка занята своим делом — может быть, штопает, может быть, шьет (Ю. Олеша); Может, он надоел ему, может, некому было ухаживать за медвежонком, мы не знаем (Ф. Искандер) [Русская грамматика, 1980, с. 626–627; Синтаксис, 2009, с. 218].

Вводные слова могут использоваться в сочетании с союзами. Так, в сочетании с условными и причинными союзами могут использоваться в качестве коррелятов вводные слова значит, стало быть, следовательно: Коли он живет, стало быть, все в его власти! (Ф. Достоевский). Отмечается

активное использование вводных слов, указывающих на степень достоверности сообщения, факта, в составе двухместных уступительно-противительных скреп «вводное слово или сочетание + противительная скрепа», например: Он, без сомнения, очень талантлив, но иногда ему недоставало попросту ремесла (Э. Рязанов); Эти соображения, безусловно, имели место, но они сильно преувеличены (Ф. Искандер) (подробнее см.: [Кошкарёва, 2013, с. 33–42]).

Приведенные выше примеры употребления вводных слов в союзной функции — разумеется, далеко не исчерпывающие (подробнее см.: [Перфильева, 2014, с. 101–110]), — призваны показать универсальный характер этого процесса. Эти вводные слова «совмещают функции вводного слова и союза, вводного слова и межфразовой скрепы» [Перфильева, 2014, с. 103], они «представляют собой особую категорию служебных слов, специально выполняющих связующую функцию, причем эта функция для них является основной, хотя и не вполне совпадающей с союзной» [Алгазина, 1995, с. 220]. Выполнение вводным словом союзной функции вряд ли можно считать основанием для его перевода в разряд союзов.

Признание за вводным словом *значит* функции союза влечет за собой целый ряд важных последствий, на которые обращают внимание пользователи справочных служб, в частности службы GRAMMA.RU.

Во-первых, почему союзом признается только *значит* и не признаются вводные компоненты *следовательно* и *стало быть*, входящие в ту же группу вводных слов со значением итога, вывода, следствия? Вряд ли доводом в пользу признания у слова *значит* функции союза является тот факт, что оно в отличие от *следовательно* и *стало быть* выполняет еще и функцию связки в биинфинитивном предложении.

Во-вторых, противоречивым является употребление слова значит даже в качестве союза. Каким должно быть пунктуационное оформление этого слова, если оно находится в абсолютном начале предложения? Если это полноценный союз, то, подобно союзу однако, слово значит не должно выделяться запятыми и должно квалифицироваться как внешний союз. В академических «Правилах русской орфографии и пунктуации» об этом ничего не говорится. В справочнике О. А. Остроумовой и О. Д. Фрамполь «Трудности русской пунктуации. Словарь вводных слов, сочетаний и предложений» позиция абсолютного начала предложения признается для слова значит вводной [Остроумова, Фрамполь, 2009]. Аналогичным образом авторы справочника поступают в отношении вводных компонентов стало быть и следовательно. Слово следовательно признается союзом и не выделяется запятыми, если «стоит в начале придаточного предложения или соединяет однородные

члены предложения», сочетание *стало быть* — «если стоит на стыке частей сложного предложения» [Остроумова, Фрамполь, 2009, с. 130–131, 349–350, 367–368]; в начале предложения они считаются вводными.

В-третьих, неясным оказывается соотношение между словом *значит* и сочетанием *а значит*. О. А. Остроумова и О. Д. Фрамполь однозначно квалифицируют последнее как вводное: «употребляется только в функции вводного в значении "вывод"» [Остроумова, Фрамполь, 2009, с. 21], не утруждая себя доказательством. Между тем наличие в составе сочетания союза *а* с присоединительным значением сближает это сочетание с присоединительным (согласно академическим «Правилам русской орфографии и пунктуации») союзом *значит*.

О. А. Остроумова и О. Д. Фрамполь справедливо видят в употреблении многих вводных слов союзную функцию, отмечая ее в своем справочнике осторожной дефиницией «в функции союза» и на этом основании предлагая снятие их пунктуационного выделения. При всей привлекательности такого подхода к постановке знаков препинания он не может быть рекомендован в качестве общего основания для правил пунктуации, так как таит в себе много произвола. Союз — это часть речи, представленная относительно закрытым списком лексем, и употребление слова в союзной функции еще не означает его автоматического перевода в разряд союзов: «очевидно, следует признать принципиальную возможность союзной функции без перевода в союз» [Алгазина, 1995, с. 220].

Выводы. Список союзов — сочинительных и подчинительных — пользователи русского языка выучивают по школьным и вузовским грамматикам, поэтому при создании правил пунктуации следует опираться именно на школьное и отчасти вузовское понимание союзов. В противном случае носители русского языка, использующие справочники с иным пониманием границ тех или иных явлений, просто обречены на массовую неграмотность в применении некоторых пунктуационных правил языка. Это, впрочем, касается и иных правил, содержащихся в академическом справочнике.

Если происходит расширение границ союзов, как мы это видим на примере слова значит, то на это должно быть дано четкое указание, чего, к сожалению, не было сделано в академических «Правилах русской орфографии и пунктуации». Во-первых, должно быть прописано, в каких случаях значит является союзом, а в каких — вводным словом. Как, например, это сделано со словом однако (позиция в начале предложения, между предикативными частями, внутри простого предложения и т. д.); во-вторых, эта информация должна дублироваться — даваться в разделе и о вводных словах, и о союзах. Конечно, еще лучше было бы дать разъяснение, почему слово значит ста-

ло союзом, чего не было отмечено в предшествующих справочниках (хотя, наверное, это не функция справочника по пунктуации). Или хотя бы обратить внимание читателей справочника на изменение по сравнению с предшествующей традицией.

Развитие пунктуационных правил обусловлено как изменениями в синтаксической системе языка (например, развитием у слов новых синтаксических функций), так и изменением трактовки выполняемых словом функций (переводом слова из одного таксономического разряда в другой). При этом очевидно, что изменение трактовки слова в той или иной функции происходит в узкой сфере академической и отчасти вузовской науки, не затрагивая (или слабо затрагивая) школьную сферу. Между тем знание русского литературного языка у подавляющего большинства его носителей ограничивается объемом знаний, полученных в школьных стенах.

Случай со словом значим ставит создателей пунктуационных правил перед сложной и интересной прагматической проблемой, пока не имеющей приемлемого решения. Правила пунктуации должны изменяться, но в какой мере они должны учитывать теоретические достижения синтаксистов и ориентироваться на них? Как согласовать знания массового пользователя пунктуационных правил в области русского языка и узкоспециализированные знания разработчиков правил? Как должны вводиться пунктуационные изменения, чтобы они были приняты и усвоены массовым адресатом в кратчайшее время?

Список литературы

Алгазина Т. С. Вводно-союзные компоненты в структуре предложения и текста // Семантика лексических и синтаксических единиц. М., 1995. С. 214-221.

Валгина Н. С., Светлышева В. Н. Орфография и пунктуация: Справочник. М.: Высш. шк., 1994.

Дымарская-Бабалян И. Н. О связности текста. Семантический и грамматический аспект. Ереван, 1978.

 $\mathit{Лекант}$ П. А. Семантика вводных компонентов в тексте // Семантика формы и словоформы в тексте: Межвуз. сб. науч. тр. М., 1988. С. 3–6.

Касаткин Л. Л., Клобуков Е. В., Лекант П. А. Краткий справочник по современному русскому языку. М.: Высш. шк., 1991.

Кошкарёва Н. Б. Противительно-уступительные двухместные скрепы «вводное слово + противительный союз» // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. Т. 12, вып. 9: Филология. 2013. С. 33–42.

Остроумова О. А., Фрамполь О. Д. Трудности русской пунктуации. Словарь вводных слов, сочетаний и предложений. Опыт словаря-справочника. М.: Изд-во СГУ, 2009.

Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник (ПАС). М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2011.

 Π ерфильева Н. П. Об одном из активных процессов в области союзных скреп // Вестн. Новосиб. гос. пед. ун-та. 2014. № 3(19). С. 101–110.

Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М.: Гос. учеб.-пед. изд-во Мин-ва просвещ. РСФСР, 1956.

Розенталь Д. Э. Справочник по пунктуации. Для работников печати. М.: Книга, 1984.

Розенталь Д. Э. Справочник по орфографии и пунктуации. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1994.

Руднев Д.В. История образования вводного слова *значит* // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 3. С. 79-82.

Русская грамматика. Т. 2. Синтаксис. М.: Наука, 1980.

Краткая русская грамматика / Белоусов В. Н., Ковтунова И. И., Кручинина И. Н. и др.; под ред. Шведовой Н. Ю. и Лопатина В. В. 2-е изд., испр. М.: Рус. яз., 1990.

Синтаксис современного русского языка: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений / Г. Н. Акимова, С. В. Вяткина, В. П. Казаков, Д. В. Руднев; под ред. С. В. Вяткиной. СПб.: СПбГУ; М.: Академия, 2009.

D. V. Rudnev, S. V. Drugoveyko-Dolzhanskaya

CONJUNCTION OR PARENTHETIC WORD?

In the academic "Rules of Russian Spelling and Punctuation", the parenthetic word *znachit* in the position between the parts of a complex sentence began to qualify as a conjunction, and on this basis changed its punctuation. The article discusses the contradictory interpretation of the word *znachit* as a conjunction. It is noted that a significant number of parenthetic words are used in the function of conjunction, but are not considered as conjunctions in the "Rules" and continue to be isolated by commas. Methodological difficulties when changing punctuation rules are considered.

Keywords: complex sentence, conjunction, parenthetic word, function of conjunction, punctuation, comma.

ВОПРОСЫ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

УДК 801.5: 808.2

Г.И. Канакина

ПРАВОПИСНАЯ ГРАМОТНОСТЬ КАК ОДНА ИЗ СОСТАВЛЯЮЩИХ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАМОТНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

Правописная грамотность — одна из составных частей функциональной грамотности. Она характеризует общественную и профессиональную значимость человека. Несмотря на многочисленные исследования в области усвоения орфографии, проблема формирования грамотной письменной речи до сих пор остается нерешенной. В статье выявлены причины низкой орфографической грамотности и представлен опыт работы по формированию и повышению орфографической грамотности учащихся и взрослого населения Пензенского региона.

Ключевые слова: функциональная грамотность, правописная грамотность, орфографическое правило, приемы и формы работы по орфографии.

Сегодня функциональная грамотность — это визитная карточка человека образованного, читающего и постоянно повышающего свой профессиональный уровень. Под функциональной грамотностью в широком смысле понимается способность человека достичь успеха в жизни, найти себя и реализовать свои интересы и возможности; умение находить решение в нестандартных ситуациях. Правописная грамотность — одна из составных частей функционально-речевой грамотности. При ее отсутствии нельзя считать себя культурным человеком, быть хорошим специалистом. Точная, грамотная и выразительная речь в различных ситуациях общения, грамотное письмо воспринимаются как признак образованности и воспитанности личности и в определенной степени характеризуют общественную и профессиональную значимость человека. Люди, обладающие правильной речью, богатым словарным запасом и умением писать без ошибок, добиваются успеха в любой выбранной сфере деятельности. Грамотный человек воспринимается как интеллектуально развитый. Т.П. Малявина отмечает, что «овладение русским правописанием представляет собой одну из важных коммуникативных задач в обучении русскому языку: орфография и пунктуация, определяя нормы единообразной передачи на письме звучащей речи, облегчают обще-

[©] Г.И. Канакина, 2019

ние между людьми, способствуют выполнению русским языком функций государственного языка Российской Федерации и языка межнационального общения» [Малявина, 2011].

Основным в обучении правописанию является решение орфографических задач. Проблема орфографической грамотности разрабатывалась на протяжении многих лет лингвистами, психологами, психолингвистами, педагогами, методистами (Д. Н. Богоявленский, П. Я. Гальперин, А. М. Пешковский, Д. И. Тихомиров, Н. С. Рождественский, Н. Н. Алгазина, А. В. Текучев, Л. П. Федоренко, М. Р. Львов, М. Т. Баранов, М. М. Разумовская и др.). В последние годы появились инновационные решения, связанные с повышением эффективности обучения в области орфографии. К ним относятся: формирование орфографического навыка на фонематической основе в рамках деятельностного и развивающего обучения (В. В. Репкин), алгоритмизация обучения орфографии (А. Б. Селезнева), изучение теоретических основ орфографии с использованием занимательных форм (Г. Г. Граник), обучение орфографии при помощи метода ассоциативных полей (Л. Г. Саяхова) и др.

Федеральный государственный образовательный стандарт второго поколения в качестве важнейшего результата обучения русскому языку включает требование формирования у обучающихся языковедческой компетенции, в том числе правописной грамотности.

К сожалению, формирование грамотной письменной речи до сих пор является одной из нерешенных проблем методики обучения русскому языку. Несмотря на многочисленные исследования, проводимые в методике орфографии, успехи в этой области пока весьма скромные. Об этом свидетельствует низкая орфографическая грамотность при выполнении творческой части ЕГЭ по русскому языку. Анализ результатов сочинения показал, что наибольшие трудности выпускники испытывают, применяя орфографические нормы в письменной речи. В Методических рекомендациях ФИПИ отмечено: «По-прежнему невысоким является уровень орфографической грамотности выпускников при написании сочинения (по критерию К7 получили 3 балла (написали работу без орфографических ошибок) только 33,6% участников экзамена, 2 балла (не более 2 ошибок) — 38,7%, 1 балл (3–4 ошибки) — 15,8%, 0 баллов (более 4 ошибок) — 11,9%») [Цыбулько, 2018, с. 7].

Причины довольно низкой орфографической грамотности, на наш взгляд, заключаются в следующем.

1. Недостаточная мотивация учащихся к овладению правописной грамотностью, непонимание социальной роли грамотного письма не только для успешного обучения в школе, но и для получения профессии, для построения успешной карьеры.

- 2. Усиление в коммуникации роли устной речи. Снижение значимости письменной речи из-за развития других средств передачи информации. И, как следствие этого, увеличение количества орфографических и пунктуационных ошибок.
- 3. Сложность орфографической системы русского языка. Система правил трудна и не всегда осмысливается обучающимися, нередко она предстает перед ними как набор разрозненных правил, мало связанных между собой, не имеющих единого обоснования и поэтому трудных. В справочнике «Правила русской орфографии и пунктуации» (1956 г.) содержится 420 орфографических правил и около 105 тысяч слов-исключений из них, правописание которых нужно запомнить [Правила, 1956]. И только около 70–80 орфографических правил изучается в школе (в 5–9 классах). Речь, безусловно, должна идти о сформированности относительной грамотности выпускников школ, поскольку абсолютно грамотным быть вряд ли возможно.
- 4. Несформированность орфографической зоркости, неумение видеть в словах «ошибкоопасные» места вследствие формального отношения к изучению правописных тем в школьном курсе русского языка (как со стороны учителя, так и со стороны учащихся). Формирование орфографической грамотности нельзя рассматривать как узкую задачу, решение которой заключается лишь в заучивании правил и применении их в искусственно подобранных тренировочных упражнениях. Решение данной проблемы должно осуществляться в контексте общеязыковой и речевой подготовки учащихся.
- 5. Недостаточная сформированность навыков чтения, особенно самостоятельного. Учащиеся мало читают, поэтому зрительный канал восприятия написанного или напечатанного слова используется плохо. Об этом писал еще Л. В. Щерба в статье «Безграмотность и ее причины»: «На разных коллоквиумах приходится поражаться малой начитанности наших школьников. Между тем механизм грамоты, несомненно, приобретается и чтением (я не буду здесь разбирать сложного вопроса о роли чтения в процессе создания грамотности; но что оно имеет большое значение в этом деле, не подлежит сомнению)» [Щерба, 1957, с. 56–62]. В последние годы статистика фиксирует существенное снижение у школьников читательского интереса. Отсюда ограниченность их лексического запаса. Из-за скудного словарного запаса не получается подобрать проверочное слово к словам с безударными проверяемыми гласными.

Полагаем, что при работе над совершенствованием орфографической грамотности обучающихся средней школы (база ее закладывается в начальной школе) прежде всего необходима эффективная методика рабо-

ты над правилом. Деятельностный подход к работе над правилом предполагает не его заучивание, а самостоятельное формулирование в ходе наблюдения за языковым материалом: от анализа (через поиск объединяющих и выделяющих факторов) примеров — к установлению закономерности правописания орфограммы — к формулированию правила — к составлению его схемы — к разработке алгоритма применения правила на практике. Алгоритм — это схема, модель умственных действий, указывающая ряд последовательных операций, которые непременно приведут к правильному результату. Навык, полученный при составлении алгоритмов и при выполнении упражнений с их использованием, оказывается более прочным и надежным, поскольку в данном случае при формировании орфографического навыка работают три вида памяти: зрительная, слуховая и моторная («память пишущей руки»). Кроме того, развивается умение логически мыслить. Составление алгоритма требует опоры на знание грамматики:

- 1) определить частеречную принадлежность слова, в котором возникла орфографическая задача;
- 2) обозначить морфему, где находится орфограмма («ошибкоопасное» место);
 - 3) установить, проверяемая или непроверяемая орфограмма;
 - 4) вспомнить соответствующее правило;
 - 5) написать слово в соответствии с правилом.

Важным условием успешного повышения правописной грамотности является такое изложение правил, которое показало бы, что наше правописание не набор случайных правил. Понимание правописания как известного рода системы во многом облегчит усвоение орфографии, так как установит связь между определенными (кажущимися разрозненными) правилами. Повторение правил в старших классах должно быть организовано на базе отдельных блоков взаимосвязанных орфографических тем и правил с опорой на необходимый минимум лингвистических знаний, которые получены учащимися в предыдущих классах. Как считает Д. Н. Богоявленский, основное назначение правила — обобщить однородные орфограммы. В основе такого навыка лежит психологический механизм переноса на основе обобщения [Богоявленский, 1966, с. 250]. Работа по совершенствованию навыков орфографической грамотности на основе обобщенной системы правил представлена в уникальных пособиях Н. Б. Самсонова и Г. И. Канакиной [Самсонов, 2001; Канакина, Самсонов, 2001].

Мы отдаем себе отчет в том, что приемов обучения, которые всегда давали бы максимальный эффект, не существует. Однако наш опыт показывает,

что наиболее эффективными приемами работы по совершенствованию орфографической грамотности (их мы используем на занятиях по методике обучения русскому языку со студентами — будущими учителями русского языка и литературы) являются следующие.

1. Орфографическое чтение (проговаривание). В работе «Психология усвоения орфографии» Д. Н. Богоявленский указывает, что при запоминании правописания слов важны зрительные, двигательные и слухоартикуляционные ошущения. Поэтому в процессе отработки орфографии слов, не подчиняющихся правилам правописания, можно использовать «повторные их списывания с отчетливым проговариванием» [Богоявленский, 1966, с. 249]. За основу ученый берет теорию известного в XIX веке исследователя Д. И. Тихомирова, которому в 1888 г. Петербургский комитет грамотности присудил Большую золотую медаль. Ему принадлежит идея обучения грамотному письму с помощью слогового чтения, т. е. орфографического чтения: «Если вы хотите, чтобы ваш ребенок грамотно писал, заставляйте его читать, как написано, и не бойтесь, что он будет так же говорить, потому что дети понимают — мы говорим не так, как пишем» [Тихомиров, 1914].

В середине 90-х годов XX века орфографическое чтение активно пропагандировал московский учитель П.С. Тоцкий. Занимаясь по его методу, ученики нескольких московских школ Юго-Восточного округа за период обучения в начальной школе действительно успевали овладеть общей орфографической грамотностью. Орфографическое чтение, улучшая качество произношения, ведет к общему развитию речевого процесса, создавая прочный фундамент для правописания. Полагаем, что данный прием может успешно использоваться и в пятом классе. Дело в том, что при орфографическом чтении работает не только зрительный анализатор, но и речедвигательный аппарат и слух, т. е. запоминание орфографического облика слова осуществляется тремя видами памяти: зрительной, слуховой и речедвигательной.

2. **Мнемонические приемы.** Работа над правописанием слов с непроверяемым написанием предполагает использование различных приемов: проговаривание слова, выяснение его происхождения, лексического значения; нахождение орфограмм; разбор слова по составу и т. д. Однако наиболее эффективными, на наш взгляд, являются мнемонические приемы, т. е. совокупность способов, облегчающих запоминание правил и увеличивающих объем памяти с помощью искусственных ассоциаций. Например: чье пиАНИНО? — АНИНО; во фЛАКоне ЛАК; с вРАЖьей силой он в сРАЖении не потерпит поРАЖения.

Одним из эффективных приемов мнемотехники является составление стихотворных орфографических правил по типу когда-то популярных уроков «Радионяни»:

СобИРАть, стИРАть, задИРА —

Повнимательней гляди:

Если в слове имя ИРА,

Значит, в корне буква И.

3. Составление схем. Схема правила представляет собой особую организацию теоретического материала по орфографии в форме краткого графического изображения, которое зрительно представляет зависимость явлений, характеризующих определенную языковую проблему. Она создается в упрощенно-обобщенной форме. Например, правописание суффиксов -ек-/-ик-в именах существительных может быть представлено в следующей схеме:

E C Л И выпадает не выпадает замочек — ключик — замочка ключика

4. Решение лингвистических задач типа:

Слово «весенний» мы пишем через две буквы H, потому что оно образовано от существительного «весна». Почему слово «бараний» мы пишем с одной буквой H, а не с двумя, ведь оно произошло от слова «баран»?

Подобные задачи развивают мыслительные способности учащихся и позволяют не зазубривать, а осмысленно применять изученные правила.

5. Формирование орфографической зоркости. Орфографическая грамотность на 80–90% зависит от орфографической зоркости и орфографической памяти. К сожалению, большая часть упражнений по орфографии в учебниках русского языка для основной школы предполагает задание вставить в слова пропущенные буквы. А это уже подсказка, что здесь нужно вспомнить правило правописания. В жизни таких подсказок не будет и пишущему придется самому видеть эти «ошибкоопасные» места. Поэтому при работе по совершенствованию орфографической грамотности важно выполнять задания на поиск орфограмм в тексте, объяснение трудных случаев написания. В этом плане очень полезно учить школьников видеть мир сквозь «языковые очки»: предлагать им задания по редактированию сочинений одноклассников или специально адаптированных учителем текстов, находить и редактировать ошибки в местной прессе и др.

Кафедра «Русский язык и методика преподавания русского языка» проводит большую работу по сохранению и развитию русского языка в Пензенском регионе. Преподаватели кафедры реализуют целый ряд мероприятий, направленных на культурно-просветительскую работу с жителями города и области, в том числе и на повышение их правописной грамотности.

- 1. Ежедневная рубрика «Ликбез» в программе 11 канала «Проснись и пой», транслируемой на территории всей Пензенской области. В рубрике рассказывается не только о правописании сложных слов, постановке знаков препинания, ударении, но и об употреблении заимствованных слов, терминов, устойчивых выражений и о многом другом.
- 2. Ежегодный открытый фестиваль социальной видеорекламы «ПО-РУССКИ ПРАВИЛЬНО!» для студентов высших и средних учебных заведений и школьников. Цели фестиваля (просветительская, воспитательная и профориентационная) определены в соответствии со стратегическим национальным приоритетом Российской Федерации: способствовать укреплению позиций русского языка, повышению популярности и престижа русского языка и образования на русском.
- 3. Образовательный марафон «Если книг читать не будешь скоро грамоту забудешь!». Мероприятие призвано стимулировать интерес молодежи к языку и чтению, способствует формированию правописной и речевой грамотности.
- 4. **Курсы «Совершенствование функционально-речевой грамотно-сти муниципальных и государственных служащих».** Программа курсов включает работу по совершенствованию правописной и речевой грамотности чиновников Пензенской области.
- 5. **Ежегодный региональный диктант** «**Грамота**», **посвященный Дню русского языка.** Он проводится каждый год 6 июня в Пензенской областной библиотеке им. М. Ю. Лермонтова. Для этого диктанта выбираются тексты, связанные с историей, традициями и культурой Пензенского региона.
- 6. Занятия «Школы русского языка» по подготовке к Тотальному диктанту с использованием материалов курсов «Русский язык по пятницам». Занятия проходят регулярно два раза в месяц. Достаточно большое количество участников занятий «Школы» получает за диктант хорошие и отличные отметки.

Все эти формы работы с населением повышают интерес не только к русскому языку, но и к акции «Тотальный диктант», о чем свидетельствует постоянное увеличение количества его участников в Пензе и Пензенской области (с 218 чел. в 2014 г. до 1231 чел. в 2018 г.).

Список литературы

Богоявленский Д.Н. Психология усвоения орфографии. М., 1966. С. 250.

Канакина Г.И., Самсонов Н.Б. Методические рекомендации к пособию «Как повысить грамотность». М.: ЦентрКом, 2001.

Малявина Т. П. Коррекция орфографических и пунктуационных умений и навыков старшеклассников как средство повышения уровня правописной грамотности: Автореф. дис. . . . д-ра пед. наук. М., 2011.

Правила русской орфографии и пунктуации. М., 1956. URL: https://legalacts.ru/doc/pravila-russkoi-orfografii-i-punktuatsii-utv-an/

Самсонов Н. Б. Как повысить грамотность: Система занятий по орфографии и пунктуации для учащихся 8—11 классов средней общеобразовательной школы и абитуриентов / Под ред. проф. П. А. Леканта. М.: ЦентрКом, 2001.

Тихомиров Д. И. Чему и как учить на уроках родного языка в начальной школе. Методика. М.: 1914. URL: http://elib.gnpbu.ru/text/tihomirov_chemu-i-kak-uchit_1914/go,0;fs,0/

Цыбулько И.П. Методические рекомендации для учителей, подготовленные на основе анализа типичных ошибок участников ЕГЭ 2018 года по русскому языку. URL: http://www.fipi.ru/sites/default/files/document/1566978418/russkiy_yazyk_2019.pdf. C. 7.

Щерба Л. В. Безграмотность и ее причины // Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. С. 56-62.

G. I. Kanakina

SPELLING LITERACY AS ONE OF THE COMPONENTS OF FUNCTIONAL LITERACY

Spelling literacy is one of the components of functional literacy. It characterizes a person's social and professional significance. Despite numerous studies in the field of mastering spelling, the problem of the formation of literate speech still remains unresolved. The article identifies the causes of low spelling literacy levels and presents the experience of developing and improving spelling literacy among school children and adults in the Penza region.

Keywords: functional literacy, spelling literacy, spelling rules, techniques and format of work on spelling

Е.В. Емельянова

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕКСТОВ РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗОК НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Рассматривается текст сказки как своеобразный лингвокультурный феномен, способствующий не только эффективному формированию лексического запаса, но и усвоению этнокультурных и общечеловеческих ценностей, проецирование их на реальную действительность. Использование текстов народных сказок на уроках русского языка и литературы способствует как самообогащению, так и интегрированию этнокультур в единую мировую культуру.

Ключевые слова: лингвокультурология, этнокультурная реальность, лингвокультурный феномен, код культуры, интеграция культур, культурный полилог.

Жанр народной сказки имеет длительную историю развития и представлен в культуре практически любого существующего в настоящее время этноса. Использование текстов сказок на уроках русского языка и литературы открывает наиболее широкие возможности для пополнения словарного запаса, коммуникационных навыков, приобретения необходимых познаний о культуре, обычаях и традициях русского народа. Текст сказки понятен и близок школьникам, ведь сказка сопровождает нас практически с рождения, сказочные герои становятся образцом для подражания, с помощью сказки мы познаем основы коммуникации, узнаем о нормах поведения и общечеловеческих ценностях. С позиции лингвокультурологии мы можем определить текст как своеобразную часть этнокультурной реальности, в которой автор проецирует в речевой деятельности предметы и символы окружающего мира, имеющие определенное ценностное значение. Любой текст, будь то краткая надпись, найденная при археологических раскопках, философский трактат, современный деловой документ или рекламный слоган, представляет собой особого рода предмет, который наряду со смыслом-сообщением (что и делает его собственно текстом), имеет еще и смысл-ценность, объединяющий его в одну группу с другими предметами — носителями смысла (к ним как раз и относятся культурные универсалии). Лингвокультурный смысл текста имеет неоднородную структуру. С одной стороны, это само

[©] Е.В. Емельянова, 2019

содержание текста, информация, которую нам сообщает автор. Эта часть практически не изменяется. С другой стороны, это смысл, который определяется ценностью текста в системе лингвокультурных феноменов времени и общества, в которых этот текст создавался. Другими словами, лингвокультурный смысл отражает сознание общества, существующие ценности, развитие и особенности культуры.

Явления культуры, выраженные через художественное слово, помогают понять особенности национального видения мира, этнокультурные особенности народа. Именно поэтому на основе текста реализуется одно из основных направлений лингвистики — исследование языковой картины мира, того, как реальная действительность находит свое отражение в языке народа. Идея В. фон Гумбольдта о внутренней форме языка, превращающей язык в зеркало мира, получает интенсивное развитие в изучении национальной ментальности и форм ее воплощения. «Если бы язык не вторгался во все мыслительные процессы, если бы он не был способен создавать новые ментальные пространства, то человек не вышел бы за рамки непосредственно наблюдаемого» [Корниенко, 1996, с. 8]. Тексты — подлинные хранители и трансляторы культуры. Тексты помогают каждому из нас глубже понять как свою собственную, так и общечеловеческую культуру, быть толерантным к особенностям этнокультур. Ярче всего эти функции текста проявляются в народных сказках, ведь именно сказки имеют наиболее выраженный лингвокультурологический потенциал языка. В языке обычно отражаются те предметы и явления, которые реально существуют в окружающей действительности. Однако превращение (в его сказочном понимании) представляет собой эзотерическое, мистическое действо, которое мы не наблюдаем в объективном мире. Сказочное превращение есть продукт человеческого воображения, но вместе с тем оно воспроизводится с помощью языковых знаков. Удивительным свойством языка как раз является то, что в нем отображается не только внешний вещный мир, но и внутренний мир самого человека, полный религиозных воззрений, этических представлений, волевых интенций, абстрактных идей разума, смелых гипотез воображения и его фантомов. В отражении языком фольклора сказочного превращения и связанных с ним разнообразных представлений, пребывавших в сознании наших предков, проявляется действие так называемого человеческого фактора в языке, на изучение которого ориентировано большинство современных лингвистических исследований. Ментальный образ превращения, сформированный в сознании восточных славян, представляется составной частью их духовной культуры. Эта часть народной культуры сохранилась и передается от поколения к поколению благодаря языку фольклорно-поэтической традиции. Тем самым при помощи языка осуществляется связь времен. Народная сказка сохраняет события, происходившие в истории народа, этнографические факты, особенности национального поведения, психологии, моральные и нравственные принципы — все то, что составляет сущность национальной культуры.

Отражение культуры посредством языка В.В. Красных назвал лингвокогнитивным феноменом. Однако по отношению к тексту народной сказки наиболее точно сущность взаимоотношения «язык — культура» отражает термин «лингвокультурный феномен». В сказках ярко отражаются национальная психология, многообразные формы поведения и взаимоотношений людей, «то есть технология коммуникации представителей определенной национально-культурной общности» [Красных, 1998, с. 64].

При исследовании лингвокультурного феномена некоторые ученые используют понятие «код культуры». Д. Б. Гудков считает, что «коды национальной культуры принадлежат национальной части культурного национального (русского) пространства, во многом отражают и определяют особенности языкового сознания и языковой картины мира представителей того или иного лингвокультурного сообщества» [Гудков, 1990, с. 56].

В. В. Красных говорит о «коде культуры» как о «сетке», которую культура «набрасывает» на окружающий мир, членит, категорирует, структурирует и оценивает его. Он выделяет следующие коды культуры: соматический (телесный), пространственный, временной, предметный, биоморфный, духовный. В. В. Красных рассматривает указанные коды более подробно и пишет, что в соматическом коде особое место занимают символьные функции различных частей тела.

Пространственный код В. В. Красных связывает с членением пространства. Общую структуризацию мира В. В. Красных представляет следующим образом.

Внутренний мир человека, то, что находится внутри самого человека и ограничивается телесными границами; здесь очень важным оказывается соматический (телесный) код культуры, так как универсальными единицами измерения пространства с древнейших времен являлись параметры тела человека. Особую роль здесь играют различные органы и части тела человека, главнейшими из которых являются сердце и душа как локус чувств (в сердце закралась тревога, в душе шевельнулась жалость и др.) и голова как локус мыслей (в голову пришла мысль, выскочило из головы и др.).

Фрагмент внешнего по отношению к телу человека мира, который является «собственностью» человека, входит в его личное пространство, образуя *личную зону*. Граница личной зоны проходит по той линии, которую

могут провести руки. Важным мерилом мира, прилежащего к личной зоне, является *шаг* — минимальная единица, связанная с действием, с переходом за границу личной зоны, выходом во внешний мир (*решиться на шаг*, быть способным или не способным на тот или иной шаг и т. д.).

Фрагмент внешнего мира, выходящий за пределы личной зоны, осознаваемый как *близкий*, *свой*, *родной*. *Свой*, *близкий*, *родной мир* исторически связан в первую очередь с родной землей. За границами своего мира начинается мир чужих, исторически тесно связанный с миром мертвых.

Фрагмент внешнего мира, который воспринимается и осознается как чужой, чуждый, враждебный. Чужой мир находится, как правило, далеко, за тридевять земель, в тридевятом царстве, в тридесятом государстве, у черта на рогах.

Временной код культуры фиксирует членение временной оси, отражает движения человека по временной оси, кодирует бытие человека в материальном и нематериальном мире.

Предметный код культуры относится в первую очередь к миру действительному и связан с предметами, заполняющими пространство и принадлежащими окружающему миру.

Биоморфный код культуры В.В. Красных связывает с живыми существами, населяющими окружающий мир. Этот код культуры отражает представления человека о мире животных, о растительном мире.

Духовный код культуры, по В. В. Красных, составляют нравственные ценности и эталоны и связанные с ними базовые оппозиции культуры, такие как, например, «добро/зло», «хорошо/плохо». Этот код пронизывает все наше бытие, обусловливает наше поведение и любую деятельность, предопределяет оценки, даваемые себе и окружающему миру [Красных, 1998, с. 64].

Д. Б. Гудков подчеркивает, что «Коды культуры выполняют двойную функцию. С одной стороны, они позволяют через подобия, которые постоянно ищет наше сознание, отражая их в основывающемся на метафоре языке, объяснить действительность, привести непонятное и неизведанное к ясному и освоенному, давая возможность оценки, прогноза, программы действий, базирующихся на аналогии. С другой стороны, коды культуры не упрощают, а усложняют мир, навязывая нам подобие разнородных объектов, заставляя воспринимать мир как магическую книгу, которую предстоит расшифровать, давая в то же время подсказки (коды) для подобной дешифровки» [Гудков, 1990, с. 58]. Мы проанализировали более 400 русских народных сказок, часть этого анализа отражена в таблице.

Анализ русских народных сказок в рамках кода культуры

Сказка	Соматиче-	Простран- ственный код	Предмет- ный код	Биоморф- ный код	Духовный код
Дочь и падче- рица	Ушко, плечо, ко- сточки	Землянка	Кремень, огниво, воз, горшок, табун	Мышка, медведь, собачка (собачонка)	От жад- ности глаза разгорелись, с горя и зло- сти померла
Перышко Финиста — Ясна Сокола	Сердце, не по кости	Город, тридевять земель, тридесятое царство, поднебесье	Радеть, щеголихи, обновы, просвиры, чугунный посох, зелье		Добро от старушек
Морской царь и Василиса Премудрая	Борода, ладонь, голова	Тридевять земель, тридесятое царство, чужие земли, дальние стороны	Частокол, буераки, терем, мол- ва	Голубицы, муравьи, пчелы, бор- зые кони, утка, орел	Целовал в уста са- харные, стали жить- поживать, добра на- живать
Марья Моревна	Голова, шея	Тридевять земель, тридесятое царство, государство	Рать-сила, шатер, чу- лан, Кащей, табакерка, Баба-яга	Сокол, орел, ворон, кобы- лицы, льви- ца, пчелка	Мертвая и живая вода
Летучий корабль	Волосы, пазуха	Деревня, тот конец земли, весь свет	Каравай, краюха, холст	Петух, быки	И стал он добрые дела вер- шить
Иван-царевич и Серый Волк	Сердце, уста, тело	Тридевять земель, тридесятое царство	Чадо, меч, палаты, тем- ница	Жар-птица, Серый Волк, златогривый конь, вороны	Мертвая и живая вода
Волшебное кольцо	Пазуха, шея, ми- зинный перст, го- ловушка	Тридевять земель, тридесятое царство, подземное царство, ство, мышье государство	Собор, каф- тан, прида- ное, батрак	Лошадь, собака, кот, змея, мыши, рак	Добрые дела, обман
Царевна- лягушка	Кожа, руки, костяная нога, зубы	Двор, царство- государство	Баба-яга, Кащей, из- бушка, стре- ла, ларец	Лягушка, заяц, мед- ведь, щука, лебеди	Стали жить дружно, в любви и согласии

Анализируя тексты русских народных сказок с позиций «кодирования», можно определить, каким образом происходила ориентация русского народа в пространстве, отношение к внешнему и внутреннему миру, предметах материального и нематериального мира, окружающего человека, представления и связь с миром животных и растений, нравственные ценности и эталоны. Мы видим, что люди хорошо разбирались в анатомии, причем основными частями человеческого тела считали голову, шею, руки и сердце. Пространство делится на свое и чужое, чужое, как правило, — тридесятое царство. Практически в каждой сказке присутствуют названия бытовых предметов, характерных для определенного исторического периода. Большое значение для человека имеет связь с животными и растениями — они ведь могут оказать помощь в трудную минуту. Временной код связан с числами и их значением в жизни русского народа. Чаще всего в русских народных сказках встречается число три — три сына в семье, сносить три пары сапог, три желания, тридесятое царство, прошло три дня и три ночи, три лета и три зимы. Информативность сказочного текста непосредственно связана с возможностью осуществления им коммуникативной функции, поскольку коммуникация — это процесс обмена информацией. Информативная и коммуникативная функции сказочного текста совпадают с основными функциями культуры, а сказка помогает эти функции реализовать. Слова с национально-культурным компонентом расширяют лексический запас, делают нашу речь более выразительной и эмоциональной. Сказка помогает приобщиться к языку и культуре русского народа и сформировать позитивное отношение к ним. Сказочные помощники и сказочные предметы (волшебные предметы), так же как и персонажи сказок, несут в себе глубокую страноведческую информацию. Например: ковер-самолет, живая вода, мертвая вода. Названия этих предметов и помощников сами по себе очень выразительные и по строению собственно русские. Все подобные образы тесно связаны с поэтическими представлениями древнего славянского народа о природе, об окружающем его мире. В русской сказке ковер-самолет (или летучий корабль), как и крылатый конь, подобно птице, носится с фантастической скоростью по воздушному пространству, которое отделяет мир живых людей (земля, свой дом) от царства мертвых (тридесятое царство). Живая вода и мертвая вода — это символы жизни и смерти в славянском мифе. Живая вода врачует раны, прибавляет силы, оживляет. Мертвая вода соединяет разрубленные части тела. Скатерть-самобранка приносит с собой небесный мед или пиво, дождь, дарующий земле плодородие, а людям — хлеб насущный. Несомненно, все вышеприведенные слова, будучи носителями

определенного культурного содержания, являются важными источниками лингвокультурологических знаний.

Чтобы стать личностью и членом того или иного национально-лингвокультурного сообщества, человек должен пройти процесс социализации, или «путь врастания ребенка в цивилизацию» [Леонтьев, 1997, с. 28]. Сутью этого процесса и его целью является трансляция культуры. Процесс социализации начинается если не до рождения, то с момента рождения человека. Основным каналом трансляции культуры является язык, и на начальном этапе социализации культура транслируется в том числе в виде фольклорных текстов, детской литературы (например, сказок, песен, стихов, игр).

Сказка, как один из центральных фольклорных жанров, является своеобразной сокровищницей народной мудрости, а также универсальным средством передачи народных представлений о мире и самом человеке. Для сказок каждого народа характерны специфические сюжеты, образы, ситуации. Национальный характер сказок находит свое выражение в оценке происходящих в них событий, в именах героев, в традиционных языковых формулах, обрамляющих сказочное повествование. Изучение русских народных сказок формирует у иностранных студентов представление об особенностях культуры русского народа, которые и по сей день определяют своеобразие русского менталитета. Обращение к истокам национальной культуры, воплощенным в сказках, способствует формированию лингвокультурной компетенции, наличие которой позволяет иностранным студентам достигать взаимопонимания с представителями иноязычной культуры. При определении национальной самобытности народной сказки особое значение приобретает сопоставительный аспект, позволяющий иностранным студентам осмыслить сходства и различия в культуре страны изучаемого языка и в родной культуре, что приводит к более глубокому пониманию особенностей образа жизни, ценностных установок, социальных норм поведения, характерных для русских людей.

Современный культурный мир стремится к интегрированию различных культур в единую мировую культуру. Результатом подобного полилога является обогащение, становление принимающей культуры и принимающей литературы, а также их самоопределение относительно иномира исходной культуры и исходной литературы.

Список литературы

Гудков Д.Б. Прецедентное имя. Проблемы денотации, сигнификации и коннотации: Язык и структура знания. М., 1990. 129 с.

Корниенко Е. Р. Смысловое восприятие и понимание иноязычного текста (при чтении). М.: ГПИ Искона, 1996. 155 с.

Красных В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? Человек. Сознание. Коммуникация. М.: Диалог-МГУ, 1998. 350 с.

Леонтьев А. А. Психолингвистика. Л.: Наука, 1997. 117 с.

Маслова В. А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2001. 328 с.

Русские народные сказители / Сост., вступ. ст., вводные тексты и ком. Т. Г. Ивановой. М.: Правда, 1989. 464 с.

Русские народные сказки / Сост. и вступ. ст. В.П. Аникина. М.: Пресса, 1992. 560 с.

E.V. Emelyanova

LINGUACULTURAL POSSIBILITIES OF USING RUSSIAN FAIRYTALES IN RUSSIAN LANGUAGE AND LITERATURE LESSONS

In the article, the author considers the text of the tale as a kind of linguacultural phenomenon that contributes not only to the effective formation of the lexical stock, but to the adoption of ethnocultural and universal values, projecting them onto reality. The use of folk tales in Russian language and literature lessons contributes to self-enrichment as well as the integration of ethno-cultures into a unified world culture.

Keywords: linguoculturology, ethnocultural reality, linguistic and cultural phenomenon, culture code, cultural integration, cultural polylogue.

А. А. Курулёнок, Ю. С. Курулёнок

ТРУДНОСТИ ПРИ ОВЛАДЕНИИ РУССКОЙ ФОНЕТИКОЙ КИТАЙСКИМИ СТУДЕНТАМИ

Многие трудности в изучении русского языка возникают у китайских студентов уже при знакомстве с фонетикой русского слова. Авторы делают краткий анализ типичных ошибок в речи китайских студентов на основе сопоставления фонетической системы русского языка с китайским языком.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, фонетика, произношение, звуки, слог, ударение.

В современном Китае стремительно растет число студентов, изучающих русский язык. Все большее внимание привлекают вопросы обучения различным сторонам русского языка. Перед китайскими учащимися возникают проблемы, большая часть которых связана с освоением русской фонетики и грамматики.

На начальном этапе обучения РКИ большое значение имеют занятия по фонетике, когда студенту нужно научиться произносить звуки и слова, правильно ставить ударение, читать. Известный русский лингвист Л.В. Щерба говорил, что «...ошибки в произношении не лучше ошибок, например, в грамматическом роде имен существительных, в падеже и т. п., а зачастую даже хуже их, так как мешают осуществлению основной цели языка — коммуникации, то есть взаимопониманию» [Щерба, 1947, с. 14]. В связи с этим одной из важнейших задач лингводидактики является постановка правильного произношения у китайских студентов, формирование навыков успешной коммуникации. Фонетические нормы играют важную роль в успешном речевом общении, так как искаженная речь не способствует установлению быстрого взаимопонимания и поддержанию речевого взаимодействия.

Практика обучения китайских учащихся показывает, что нарушения, возникающие на начальном этапе, являются, как правило, устойчивыми и сохраняются в речи китайцев и на дальнейших этапах обучения русскому языку.

Прежде всего трудности у китайцев при изучении русского языка обусловлены различиями русской и китайской языковых систем на всех уровнях. На овладение произношением изучаемого языка часто влияют

[©] А. А. Курулёнок, Ю. С. Курулёнок, 2019

особенности структуры изучаемого слова, а также структура слова в родном языке.

В типологическом отношении русский язык принадлежит к флективному морфологическому типу, а китайский — к изолирующему. В китайском языке отсутствуют развитые морфологические категории, которые есть в русском. Основной единицей русской грамматики является словоформа, тогда как в китайском языке понятие словоформы не актуально, поскольку отсутствует словоизменение.

Еще одно важное различие в строении слова связано с его членением. Русское слово может делиться как на слоги (фонетическое членение), так и на морфемы (морфологическое членение), при этом слоги и морфемы могут не совпадать. В китайском же языке нет отдельного деления на слоги, для китайского языкового сознания слог и морфема не различимы.

Основной единицей фонетической системы русского языка является фонема и ее звуковые реализации в речи. Русские звуки образуют многочисленные слоги путем соединения гласных и согласных. Вопрос об основной единице звукового строя китайского языка не столь очевиден: существуют разные точки зрения относительно того, какую звуковую единицу считать основной — фонему или слог. Многие ученые считают, что фонема является минимальной фонетической единицей, хотя нужно учитывать, что китайский слог характеризуется особой структурой и сочетаемость звуковых единиц в его пределах сильно ограничена. Слог в фонетике китайского языка имеет жесткую структуру: в китайском языке есть аналоги не всех русских консонантно-вокалических сочетаний, допускаются лишь слоги, структура которых соответствует определенным правилам [Дэн Цзе, 2012, с. 85].

Ошибки в произношении русских слов у китайских учащихся связаны с особенностями китайской и русской суперсегментной фонологии: в качестве фонологической единицы особого типа в китайском языке выступает тон, а в русском — ударение. Китайский слог может произноситься четырьмя различными способами, с четырьмя различными тонами. Тон в китайском языке выполняет такую же смыслоразличительную функцию, как и звук: [tiān] 'день', [tián] 'сладкий', [tiān] 'лизать'. Таким образом, тон является фонологической единицей особого типа, стоящей над слогом. Если в китайском языке функцию смыслоразличительной суперсегментной единицы берет на себя тон, то в русском языке самостоятельной суперсегментной единицей, обладающей функциями смыслоразличения, формообразования, объединения звуков в слове и т. д., является ударение.

Структурный принцип описания звукового строя русского и китайского языков является оптимальным для решения задач лингводидактического ха-

рактера. Существенные расхождения между русским и китайским языком в звукообразовании и артикуляции, в акцентологии и просодии позволяют прогнозировать частые проявления интерференции, когда китайские студенты переносят на изучаемый русский язык особенности привычного родного произношения.

По словам Чжу Юцзя, изучение иноязычного произношения должно строиться с учетом особенностей родного языка, поэтому сопоставление фонетических систем родного и изучаемого языков имеет большое практическое значение в методике обучения китайцев русской звучащей речи [Чжу Юцзя, 2017, с. 210].

В результате сопоставительного анализа многие лингвисты определяют наиболее существенные фонетические особенности русского языка, представляющие наибольшую трудность для китайских учащихся:

- 1) наличие звуков [p], [p'], [j], [u'], [uu'] и [u], сходные артикуляции которых отсутствуют в китайском языке;
- 2) противопоставление русских согласных по глухости/звонкости и твердости/мягкости;
- 3) разнообразная последовательность звуков в русских слогах, допускающих любое количество согласных в любых позициях;
- 4) подвижность русского ударения и его влияние на количественные и качественные характеристики русских гласных;
- 5) многочисленные позиционно обусловленные изменения русских гласных и согласных в речи, образующие разновидности (аллофоны) одной и той же фонемы.

Большинство специалистов, изучая вопросы преподавания русской фонетики китайским студентам, обращают внимание на существенные расхождения между русской и китайской консонантными системами. Русский язык считается языком консонантного типа, тогда как в китайском языке преобладает система вокализма, а система консонантизма намного слабее, чем в русском. В китайском языке согласных намного меньше, чем в русском. По этой причине изучение русского консонантизма и овладение произношением русских согласных становится главной задачей курса русской фонетики для китайцев.

Расхождения в составе фонем в системах русского и китайского консонантизма обусловливают, прежде всего, частое смешение в речи китайцев дрожащих и боковых согласных [p] и $[\pi]$, [p'] и $[\pi']$: [l]абота (pa6oma), na[l]од (napod), [l]eno[l]më[l] (penopmep). Из-за отсутствия дрожащих в китайской фонетической системе учащиеся одинаково произносят словоформы 2000 и 2000, 20

Из-за отсутствия звука [p] / [p'] китайские учащиеся и на письме могут делать ошибки, связанные со смешением согласных [p] / [p'] и [n] / [n']: виноглад (виноград), алена (арена), прохой (плохой), холоший (хороший). Некоторые студенты, осознавая наличие в русском языке звука [p], допускают гиперкоррекционное произношение звука [p] (и написание соответствующей ему буквы): [m]e[p]amb (делать) и т. д.

Для обучения китайцев русскому произношению исключительно важно то, что в системе согласных фонем китайского языка отсутствуют противопоставления согласных, которые играют ключевую роль в системе русского консонантизма.

По причине отсутствия корреляции согласных по глухости/звонкости китайцы с трудом различают на слух русские глухие и звонкие согласные: они слышат одинаково такие пары слов, как там и дам, год и кот, гости и кости, день и тень, вода и вата, дело и тело, башня и пашня, бочка и почка и т. п.

В китайском языке нет привычного для русского уха противопоставления звонких и глухих согласных звуков $[\delta]$ — [n], $[\delta]$ — [m], $[\epsilon]$ — $[\kappa]$. Соответствующие взрывные согласные в китайском языке различаются по иному признаку — наличию/отсутствию придыхания: непридыхательным [b], [d], [g] противостоят придыхательные $[p^h]$, $[t^h]$, $[k^h]$.

Особую трудность для китайцев составляют звонкие согласные $[\delta]$, $[\delta]$, $[\epsilon]$, которые произносятся ими как глухие [n], [m], $[\kappa]$. Они отчетливо слышат разницу между своими придыхательными и русскими непридыхательными, но для них несущественно различие по звонкости/глухости, поэтому глухие [n], [m], $[\kappa]$ и звонкие $[\delta]$, $[\delta]$, $[\epsilon]$ одинаково воспринимаются ими как эквиваленты китайских [b], [d], [g] [Панова, 2009, c. 84].

Отсутствие корреляции по твердости/мягкости также представляет значительную трудность при усвоении русской фонетики китайцами. Они не разграничивают в произношении и восприятии твердые и мягкие звуки (∂ ан и ∂ ань, волны и вольны), с трудом произносят слова с мягкими согласными [m'a] и с сочетаниями типа [m'ja] ($m\ddot{e}ms$ и листья, нуля и Hamans) и ошибочно вставляют гласный переднего ряда в позиции после мягких согласных: $\delta en[i]\ddot{e}$ ($\delta enb\ddot{e}$), $\epsilon kon[i]ko$ ($\epsilon konbko$), $\delta an[i]ue$ ($\delta anbue$), $\delta on[i]hoù$ ($\delta onbhoù$).

Трудность усвоения слоговой структуры русского слова китайскими студентами обусловлена тем, что она существенно различается в изучаемом и родном языках. В русском языке слог состоит из любого количества согласных, которые могут быть перед слогообразующим гласным или после него. При этом в русском слоге допускается любая последовательность звуков: всплеск, он, у-ли-ца, го-род, встре-ча, пал-ка.

В китайском языке, где ведущую роль играет слог, количество согласных строго определено и звуки, образующие слог, могут располагаться в определенной последовательности (сначала согласные, затем гласные). Обычно китайский слог состоит из одного согласного и заканчивается гласным. Иногда допускается наличие двух согласных, при этом гласный всегда находится между ними, т. е. в пределах слога сочетание согласных невозможно. Следовательно, в китайском языке не допустимы закрытые слоги и стечения согласных внутри слога. Поэтому для китайских студентов проблемой является произнесение и различение согласных звуков в таких словах, как встреча, государство, страна, быстро, здравствуйте и др.

Перенося на русский язык особенности привычной слоговой структуры родного языка, китайские студенты допускают ошибки при произношении и групп согласных, и закрытых слогов на конце слова. Они вставляют гласные между согласными или после согласных: [nym]ица (nmuца), [сътър]ана (страна), [сып]асибо (спасибо), кора[бол'] (корабль), ру[чик]а (ручка), ме[сыт]о (место), тепе[р'и] (теперь), во[тъ] (вот). При этом возможно перенесение ударения на этот эпентетический гласный: [кыр]овать (кровать), обы[чин]о (обычно), одна[жыд]ы (однажды), госуда[р'иств]о (государство) и т. п.

Практика обучения русскому ударению показывает, что непривычными для китайцев являются редукция гласных в русской речи и связанное с этим различение ударных и безударных гласных. Чжао Син указывает на такие ошибки в русской речи китайских студентов, как лишнее ударение в безударных слогах, отсутствие редукции гласных в безударном слоге, ошибки сегментации речевой цепи [Чжао Син, 2016, с. 138].

Лишнее ударение в безударных слогах объясняется тем, что в русской речи действует принцип «одно фонетическое слово — одно ударение» и отмечается много безударных слогов (слово может иметь один ударный слог и несколько безударных). В китайской же речи действует принцип «один иероглиф — один слог, один слог — один тон», тем самым в ней больше ударных слогов, которые соседствуют друг с другом.

Китайские студенты часто забывают о качественной редукции гласных в безударных слогах, и вместо редуцированного гласного они выделяют (усиливают и удлиняют) в своем произношении каждый слог, произнося безударные слоги как ударные: [патаму́ што́] вместо [пътаму́-штъ], [харашо́] вместо [хърашо́] (различие между ударными и безударными слогами незначительное). Кроме этого, свободный и подвижный характер русского ударения вызывает у китайцев затруднения в определении места ударного слога в многосложном слове.

Ошибки сегментации речевой цепи связаны с тем, что китайские учащиеся ошибочно соотносят каждое отдельно написанное слово с фонетическим словом и произносят каждое слово отдельно, в том числе и предлоги, союзы, частицы, т. е. допускают избыточную паузацию. Это вызвано влиянием принципа китайского языка «один иероглиф — одна пауза», который лежит в основе членения китайской речи. В китайской речи обычно пауза имеет смыслоразличительную нагрузку, отделяет друг от друга иероглифы, обозначающие слоги-морфемы [Там же, с. 139].

Отмеченные в нашей работе ошибки китайцев в области произношения русских звуков и в реализации русского ударения в речи обусловлены различными причинами: во-первых, отсутствием соответствующих противопоставлений звуковых единиц в фонетической системе китайского языка, во-вторых, разницей в артикуляционном образовании русских и китайских звуков, в-третьих, различными характеристиками слоговой структуры русского и китайского слова.

Сопоставление фонетических систем русского и китайского языков и анализ возникающего в результате фонетической интерференции китайского акцента в русской речи позволяет понять причины трудностей, с которыми сталкиваются китайские студенты при усвоении фонетики русского слова, и помогает преодолеть неудачи при овладении фонетической нормой русского языка.

Многие фонетические явления и процессы, происходящие в русском языке, не свойственны китайскому языку и китайской речи, поэтому при знакомстве китайских учащихся с основами русской фонетики и при формировании так называемой фонетической компетенции необходимо системное описание звукового, акцентно-ритмического и интонационного оформления звучащей русской речи. Это требует разработки продуманной системы упражнений, которые помогут китайским студентам преодолеть нежелательное влияние родного языка и устранить отклонения в интерферированной речи китайцев.

Список литературы

Дэн Цзе. Позиционные закономерности русской фонетической системы «в зеркале» китайского языка: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2012.

Панова Р. С. Фонетическая интерференция в русской речи китайцев // Вестн. Челябинск. гос. ун-та. 2009. № 22(160).

Чжу Юцзя. Сопоставление состава согласных звуковых единиц в русском и китайском языках в контексте обучения китайцев русскому произношению // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 2 (68). Ч. 1.

 $\underline{\mathcal{H}}$ ерба $\underline{\mathcal{I}}$. В. Преподавание иностранных языков в средней школе. Общие вопросы методики. АПН РСФСР. М.; $\underline{\mathcal{I}}$., 1947.

A.A. Kurulenok, Yu. S. Kurulenok

DIFFICULTIES IN MASTERING RUSSIAN PHONETICS FOR CHINESE STUDENTS

Chinese students face many difficulties in the study of the Russian language as early as when they get acquainted with the phonetics of a Russian word. The authors conduct a brief analysis of typical errors in the speech of Chinese students based on the comparison of the phonetic system of the Russian language and the Chinese language.

Keywords: Russian as a foreign language, phonetics, pronunciation, sounds, syllable, stress.

Ю. М. Бокарева, Е. П. Таргонская

КОНФУЦИАНСКИЕ ТРАДИЦИИ ОБУЧЕНИЯ И ТОТАЛЬНЫЙ ДИКТАНТ

В статье рассматривается соотношение некоторых принципов учения великого китайского философа и педагога Конфуция и основных принципов Тотального диктанта. Отмечается, что во многом эти принципы близки (учение приносит радость, учиться может каждый, учиться нужно всю жизнь). Но, несмотря на соответствие принципов Тотального диктанта конфуцианским традициям обучения, опыт проведения теста TruD в 2017 и 2018 гг. в Синьцзянском университете (г. Урумчи, КНР) выявил трудности в понимании и принятии этой акции ее иностранными участниками.

Ключевые слова: Тотальный диктант, Конфуций, традиции обучения, картина мира.

В основе культуры современного Китая лежит конфуцианство. Конфуцианство — это и этика, и политика, и социальные нормы, и основа основ китайского образа жизни. Это и национальная идеология Китая, и основа китайской образованности и учености.

Конфуция называют великим педагогом и символом китайской культуры. Конфуций считал образование обязательным условием развития нравственных качеств отдельного человека и народа в целом.

С учением Конфуция в современном Китае (как и на протяжении многих веков) начинают знакомиться в школе, высказывания Конфуция заучиваются наизусть.

В Китае во многих городах существуют Храмы Конфуция, где хранят память о Великом Учителе и его учениках.

В учебнике «Русский язык» для китайских студентов, изучающих русский как иностранный, есть отдельная тема, посвященная Конфуцию, — «Выдающиеся личности. Великий мыслитель и педагог — Конфуций». Таким способом студентов учат рассказывать о Конфуции и его учении на русском языке, чтобы транслировать культуру Китая в России. Можно предположить, что и те китайские студенты, которые изучают другие иностранные языки, учатся рассказывать о культурном достоянии своего народа.

Институты и классы Конфуция открывают по всему миру, чтобы обучать китайскому языку и знакомить людей всего мира с китайской культурой. Ежегодно в Международный День грамотности ЮНЕСКО вручает

[©] Ю. М. Бокарева, Е. П. Таргонская, 2019

премии Конфуция за вклад в дело образования, в особенности за выдающиеся заслуги в развитии образования в сельской местности, в борьбе с неграмотностью, в развитии женского и детского образования. Эти премии учреждены при поддержке правительства Китайской Народной Республики.

Мы предположили, что в стране, где образование провозглашено одной из главных ценностей, а традиция учиться, самосовершенствоваться всю жизнь насчитывает не одно тысячелетие, будут близки и понятны принципы Тотального диктанта.

В статье предпринята попытка соотнести принципы Тотального диктанта с принципами конфуцианства, а также сопоставить наши выводы с мнением китайских студентов и преподавателей, принявших участие в акции TruD в 2017 и 2018 гг. в Синьцзянском университете г. Урумчи (КНР).

О нескольких принципах конфуцианства, которым близки идеи акции «Тотальный диктант», мы хотим рассказать.

Конфуций (551—479 до н. э.) не записывал свои мысли, а беседовал со своими учениками. Знаменитую книгу «Лунь юй», в традиционных русских переводах ¹ называемую «Беседы и суждения», которая содержит высказывания Конфуция, создали его ученики.

Им было важно донести главное в учении Конфуция, поэтому вся книга начинается с главы «Учиться», а первое суждение, открывающее эту главу, содержит главнейшую мысль — доминанту учения Конфуция. Приведем начало первого суждения в переводах, сделанных русскими переводчиками в разное время.

«Кун-цзы сказал: "Не **радость** ли, когда учишься и постоянно усовершенствуешься"» (перевод В. П. Васильева).

«Философ сказал: "Не **приятно** ли учиться и постоянно упражняться?"» (перевод П. С. Попова).

«Учитель сказал: "Учиться и время от времени повторять изученное, разве это не **приятно**?"» (перевод В. А. Кривцова).

«Учитель сказал:

— Изучать и вовремя применять это на практике, разве это не **приятно!**» (перевод А. Е. Лукьянова).

«Учитель говорил:

— Не **радостно** ль учиться и постоянно добиваться совершенства?» (перевод И. И. Семененко, 2000).

 $^{^1}$ «Лунь юй» переводили В. П. Васильев (1876), П. С. Попов (1910), В. А. Кривцов (1972), Л. И. Головачёва (1972), А. Е. Лукьянов (1994), Л. С. Переломов (1998), И. И. Семененко (2000) и др.

Первое суждение содержит объяснение Учителя, «что такое "радость" и каковы пути ее достижения. Человеку следует осознать, что в жизни каждый может обрести это блаженное состояние, но для этого надо потрудиться. Главная "установка" Конфуция — "радость" — производная от знаний, обогащенных личным трудом» [Конфуцианское «Четверокнижие», 2004, с. 157]. (Как видим, русские переводчики используют слова радость, приямный, в нашей культуре это, безусловно, разные концепты, но об этой проблеме мы не будем говорить в данной статье.)

Итак, первый основополагающий принцип конфуцианства: учение — это радость.

И организаторы Тотального диктанта утверждают, что эта акция призвана дарить радость: радость познания, радость общения с единомышленниками, с автором, с новым текстом, радость постижения законов языка. На официальном сайте Тотального диктанта читаем: «Цель акции — показать, что быть грамотным — важно для каждого человека; убедить, что заниматься русским языком нелегко, но увлекательно и полезно; объединить всех, кто умеет или хочет писать и говорить по-русски» (URL: https://totaldict.ru).

Второй принцип конфуцианства, о котором хочется сказать, — принцип доступности образования для каждого: учиться могут все, независимо от возраста и социального положения.

В Китае до сих пор с благодарность помнят, что Конфуций принимал в свою школу всех: и богатых, и бедных.

На сайте Тотального диктанта сказано, что Тотальный диктант — это ежегодная образовательная акция в форме добровольного диктанта для всех желающих: «Участвовать в Тотальном диктанте может любой желающий, независимо от возраста, пола, образования, вероисповедания, профессии, семейного положения, интересов и политических взглядов» (URL: https://totaldict.ru).

Третий принцип — учиться нужно всю жизнь.

В первом же суждении книги «Лунь юй» читаем:

«Кун-цзы сказал: "Не радость ли, когда учишься и **постоянно** усовершенствуешься"» (перевод В. П. Васильева).

«Философ сказал: "Не приятно ли учиться и **постоянно** упражняться?"» (перевод П. С. Попова).

«Учитель говорил:

— Не радостно ль учиться и **постоянно** добиваться совершенства?» (перевод И.И. Семененко).

О постоянном, непрерывающемся учении чиновников в Китае (на протяжении всей жизни) замечательно написал Н.С. Гумилёв в удивляющем стихотворении, которое называется «Китайская девушка». Это ее — китайской девушки — взгляд, но он отражает традиционную для Китая систему ценностей.

Китайская девушка

Голубая беседка У меня же в темнице Посредине реки, Куст фарфоровых роз, Как плетеная клетка, Металлической птицы Где живут мотыльки. Блещет золотом хвост.

И из этой беседки И, не веря в приманки, Я смотрю на зарю, Я пишу на шелку Как качаются ветки, Безмятежные танки Иногда я смотрю; Про любовь и тоску.

Как качаются ветки, Мой жених все влюбленней; Как скользят челноки, Пусть он лыс и устал, Огибая беседки Он недавно в Кантоне Посредине реки. Все экзамены сдал.

Н. С. Гумилёв, 1914

В этом стихотворении Н. С. Гумилёв очень точно показал, что учеба — безусловная ценность. Девушка ждет любимого. Он не на войне и не на работе... Он сдает экзамены! Учебой в Китае не жертвуют ради любви. Учеба на первом месте! В Китае и сейчас студенты не женятся и не выходят замуж. Н. С. Гумилев, конечно, очень тонко иронизирует, но это ирония человека европейской культуры, который воспринимает Китай как что-то непонятное и чуждое. А для нас в этом тексте важно то, что учатся в Китае всю жизнь, и это широко известный факт.

И это тоже сближает Тотальный диктант с учением Конфуция. Тотальный диктант, как известно, могут писать люди разного возраста: школьники, студенты, пенсионеры.

Предположив, что цели и принципы Тотального диктанта соответствуют учению Конфуция, а значит, могут быть близки и понятны в Китае, мы попросили коллег и студентов из Синьцзянского университета (которые уча-

ствовали в 2017 и 2018 гг. в акции TruD), ответить на вопрос: «Соответствует ли Тотальный диктант учению Конфуция?»

Мы получили ответы 12 студентов и 12 преподавателей 2 . Приведем некоторые ответы студентов.

- 1. Думаю, соответствует. У этой акции есть функция, что вдохновляет нас. Вдохновляет студентов на изучение русского языка, и в этом процессе мы чувствуем радость изучения языка, еще очень важная причина в том, что, если мы добъемся хороших результатов, у нас в сердце появляется более сильное желание учиться.
- Соответствует. На мой взгляд, это лучший способ, который способствует распространению русского языка и одновременно помогает нам изучать русский язык.
- 3. Да, соответствует. У каждого человека есть право получения образования.
- 4. Да, соответствует. Каждый человек может получить возможность учиться, и мы тоже можем изучать русский язык, узнать русскую культуру.
- 5. Соответствуют, оба подчеркивают, что люди должны сосредоточиться на обучении, наследуя отличную культуру.
- 6. Мне кажется, Тотальный диктант не соответствует учению Конфуция. Потому что Институт Конфуция преподает иностранцам китайский язык и китайскую культуру, а Тотальный диктант распространяет русскую культуру.
- 7. Не соответствуют. Потому что содержание Тотального диктанта о русском языке и знание о России, а учение Конфуция о китайском языке.

Десять студентов из двенадцати ответили, что Тотальный диктант соответствует учению Конфуция. Аргументы такие: Тотальный диктант вдохновляет, дарит радость. Кроме того, студенты отметили, что в Тотальном диктанте могут участвовать все, Тотальный диктант мотивирует учиться (чтобы учиться), а это очень важно в конфуцианской системе.

Два студента ответили отрицательно. С одной стороны, студенты обратили внимание на внешние различия: «Институт Конфуция преподает иностранцам китайский язык и китайскую культуру, а Тотальный диктант распространяет русскую культуру». А с другой стороны, эти ответы демонстрируют, что принять дело, которое появилось в другой стране, сложно. Возможно, это связано с одной из древних фундаментальных оппозиций: противопоставлением «свое — чужое», с неприятием чужого, с непримиримостью с чужим. В современном мире это противопоставление не такое острое, как в прошлые века, но все еще очень значимо. Картина мира народа, как известно, изменяется медленно.

 $^{^2}$ Ответы респондентов приведены в той языковой форме, в какой они были даны студентами и преподавателями.

Вот некоторые ответы преподавателей.

- 1. Думаю, да, соответствует. В идее всеобщего образования.
- Трудно ответить на этот вопрос, с одной стороны, соответствует, доставляет радость, но с другой стороны, для всех участников одинаковый тест, не знаю, почему.
- Да, соответствует. Тотальный диктант развивает русский язык и русскую литературу, учение Конфуция тоже развивает китайский язык и китайскую литературу.
- 4. Соответствует. Это способ для страны распространять язык, слова и свою культуру. Атмосфера теста не только расслабляет, но и радует. Можно назвать это развлекательным.
- Соответствует. В учении Конфуция всегда подчеркивается важность учебы и знания.
- 6. Трудно отвечать на этот вопрос, я не думала, что между ними есть какая-то связь, может быть, мы понимаем учение Конфуция по-разному. Да, доступность для всех совпадает с идеями Конфуция. Ведь век живи век учись! Я тоже думала об этом, мне было очень интересно, и эта тема, конечно, перспективна. Я хотела бы много написать, но раньше по этому вопросу не думала, и даже ничего не могла отвечать.
- Нет, Конфуций заботится о том, как воспитывать человека в нравственном отношении, по-моему, у него нет учения о распространении знания или языка.

Десять преподавателей из одиннадцати на вопрос о соответствии учения Конфуция и идей Тотального диктанта (один не дал ответа на этот вопрос) ответили положительно.

Преподаватели отмечали радость учения, идею всеобщего образования, доступности для всех, а также важность учебы и знания.

Один преподаватель ответил отрицательно (ответ \mathbb{N} 7): по мнению этого респондента, Конфуций не занимался обучением, а занимался нравственным воспитанием.

Как видим, не все ответы студентов и преподавателей из Китая, участвовавших в организации теста TruD и писавших тест, соответствуют нашим ожиданиям. Можно предположить, что такое межкультурное сближение — учения Конфуция с Тотальным диктантом — оказалось непривычным, а потому несовместимым с картиной мира наших респондентов. Преподаватели писали о трудности решения этого вопроса. Причина, на наш взгляд, в неожиданности постановки вопроса о соответствии таких разных явлений (и по масштабу, и по национальной принадлежности), как учение Конфуция и Тотальный диктант. И это затруднение, по нашему мнению, тоже связано с конфуцианскими традициями: в книге «Лунь юй» есть непостижимое

для нас высказывание: «Учитель сказал: "Учиться и не размышлять — напрасно терять время, размышлять и не учиться — губительно"» (перевод В. А. Кривцова). Это утверждение, вероятно, можно понять и так: если не объяснили, не научили, что нужно подумать по определенному поводу, то и думать об этом трудно (или совсем невозможно). Это высказывание не только удивляет, но и помогает понять, почему дело, которое, как нам кажется, соответствует основополагающим принципам культуры, принимается с трудом.

Таким образом, несмотря на соответствие основных принципов Тотального диктанта методологии конфуцианства, трудности в понимании и принятии этой акции существуют, и их нужно учитывать при организации Тотального диктанта в Китае.

Список литературы

Ван Цзяньли, Сидорова М.Ю. Русские переводы первого суждения «Лунь юй» Конфуция: постоянно упражняться или время от времени повторять? // Вестн. Удмурт. ун-та. 2014. Вып. 4. С. 148–155. URL: http://udsu.ru/research/publications (дата обращения: 15.01.2019).

Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу») / Отв. ред. Л.С. Переломов. М.: Восточная литература, 2004. 432 с.

Конфуций. Беседы и суждения: Трактат. М.: Мир книги; Литература, 2006. 352 с.

Сайт Тотального диктанта. URL: https://totaldict.ru (дата обращения: 15.01.2019).

Yu. M. Bokareva, E. P. Targonskaya

CONFUCIAN TRADITIONS OF LEARNING AND TOTAL DICTATION

The article discusses the relationship between some of the fundamentals outlined by the great Chinese philosopher and teacher Confucius and the basic principles of Total dictation. It is noted that these principles are close in many ways (learning brings joy; everyone can learn; you need to learn all your life). But, despite the compliance of the Total dictation principles with the Confucian traditions of learning, the experience of conducting the TruD test in 2017 and 2018 at Xinjiang University (Urumqi, PRC) revealed difficulties in understanding and accepting this event by its foreign participants.

Keywords: Total Dictation, Confucius, learning traditions, world view.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 81.35

Н.В. Кузнецова

КОНФЕРЕНЦИЯ «ПУНКТУАЦИЯ НА МЕЖДУНАРОДНОМ УРОВНЕ. СИСТЕМА — НОРМА — ПРАКТИКА» (Регенсбург, Германия, 3–4 мая 2019 г.)

В Регенсбургском университете состоялась международная конференция, посвященная пунктуации. Конференция показала перспективы изучения пунктуации в аспектах нормы и узуса, в сравнительном, дидактическом и общетеоретическом аспектах.

Ключевые слова: пунктуация, система знаков препинания, пунктуационная норма.

Пунктуация редко становится объектом лингвистических исследований, и еще реже ей посвящают научные конференции. Знаки препинания — совсем недавнее изобретение человечества: как известно, письменность возникает на поздних этапах развития языков, а пунктуация — на поздних этапах развития письменности. Эта знаковая система, еще более условная и необязательная для существования языка, чем письменность в целом, находится на периферии внимания исследователей. Расстановка знаков препинания воспринимается многими лингвистами исключительно как практический (и даже технический) вопрос оформления текста.

Но поскольку текст является объектом лингвистических исследований, то и лингвистическое изучение пунктуации все-таки возможно. Современные исследователи обращают внимание на то, что репертуар знаков препинания и принципы их расстановки варьируются в зависимости от языка, жанра и стиля, изменяясь во времени. Кроме того, только системное изучение пунктуационной практики того или иного языка может служить основой для корректной формулировки правил, т. е. для той работы, которую ждут от лингвистов носители языка, видящие в пунктуационной норме определенную ценность, «культурный капитал».

Прочные традиции исследования пунктуации сложились в Германии. Неудивительно, что одна из немногих научных конференций, всецело посвященных пунктуации, прошла именно в этой стране, в Регенсбургском

[©] Н. В. Кузнецова, 2019

университете. Конференция под названием «Interpunktion international. System — Norm — Praxis» («Пунктуация на международном уровне. Система — норма — практика») была организована кафедрой немецкого языкознания. Уже три года сотрудники кафедры под руководством проф. Пауля Рёсслера ведут на портале Pereнcбургского университета проект Punc. space (https://www.uni-regensburg.de/language-literature-culture/puncspace), основная цель которого — информационная помощь лингвистам, взявшимся исследовать пунктуацию. На портале размещен список научных статей, монографий, учебных пособий, посвященных пунктуации, — в основном немецкой, но также и других европейских языков; на сегодня в списке 472 публикации. Кроме того, в Punc.space можно найти ссылки на исследовательские и учебные онлайн-проекты, в которых так или иначе затрагивается пунктуация. Организация конференции стала еще одним шагом в работе по объединению исследователей пунктуации.

В конференции участвовали несколько десятков выступающих и слушателей, в основном из Германии и других стран Европы (Венгрия, Дания, Италия, Польша, Словения, Финляндия, Хорватия, Чехия, Швейцария, Швеция), были представлены также Россия, США, Мексика. Работали две секции, в которых прозвучало в общей сложности 30 докладов на английском и немецком языках.

Некоторые доклады были сугубо историческими, например о сегментации текста в немецких рукописях и печатных книгах XV в. (проф. Аня Вёсте, д-р Марко Нойман из Гиссена, Германия); о знаках препинания в хорватских глаголических и кириллических печатных изданиях из протестантской типографии XVI в. (проф. Матео Жагар из Загреба). Другие фокусировались на современной пунктуации — нормированной (зафиксированной в учебниках и справочниках) и ненормированной. Последняя может стать, по словам д-ра Табеи Райнер из Мюнхена, «окном в сознание носителей языка». Исследование пунктуации как отражения языкового сознания пишущего может приобретать неожиданные повороты благодаря уникальным материалам — как в докладе Франциски Эбер из Эрлангена (Германия), посвященном пунктуационному маркированию иноязычных и диалектных элементов в письмах пациентов немецких психиатрических лечебниц.

Случается, что нормированная и ненормированная пунктуация конфликтуют между собой. Стефан Фельдхаус из Вюрцбурга в своем докладе констатировал, что пишущие на немецком языке — в том числе те, для которых он родной, — упорно ставят запятую после обстоятельства в начале предло-

жения, хотя немецкой пунктуационной норме это противоречит ¹. При этом кодификации использования знаков препинания был посвящен всего один доклад: доц. Хелена Добрович и доц. Тина Ленгар Веровник из Любляны рассказали о работе орфографического комитета, созданного в рамках исследовательского центра Словенской академии наук и искусств; при создании актуального свода правил словенской пунктуации комитет использовал материалы справочной интернет-службы Института словенского языка им. Франа Рамовша. Кроме того, вопросы кодификации были затронуты в пленарном докладе «Сравнительная пунктуация» проф. Нанны Фурхоп и д-ра Кристиана Берга из Ольденбурга (Германия): по мнению авторов, нужно изучать не только реальную пунктуационную практику, но и практику кодификации использования знаков препинания в разных языках; были представлены некоторые итоги проекта «Немецкая графематика в европейской компаративистике», предполагающего изучение употребления графических знаков в европейских языках.

Именно сравнительные исследования стали магистральным направлением конференции. Прозвучали доклады об употреблении отдельных знаков препинания в английских и норвежских художественных текстах (д-р Карин Аксельссон из Шёвде, Швеция), о двоеточии в немецком, английском и шведском (проф. Юкка Тырккё, д-р Йенни Стрём Герольд из Векшё, Швеция), о восклицательном знаке в датском и немецком (Ирен Симонсен из Сённерборга, Дания), о запятой в итальянском и немецком (проф. Анджела Феррари, доц. Роска Стойменова-Вебер, Базель), о тире и многоточии в итальянском и английском (д-р Филиппо Пекорари, д-р Фьяметта Лонго, Базель), о способах маркирования вставных и уточняющих конструкций в немецком и английском (д-р Катарина Тургай, д-р Даниэль Гуцманн, Кёльн), о функциях пунктуации в итальянском и польском языках (д-р Катажина Форемняк, Варшава), о пунктуационном оформлении нарративных текстов на немецком и итальянском языках, созданных учащимися немецкоитальянской школы (д-р Мириам Ланглотц, Брауншвейг), о знаках препинания в эссе на немецком языке, написанных венгерскими студентами (д-р Орсола Рауш из Сегеда, Венгрия), об условиях постановки запятой в русских

¹ Нельзя не отметить, что подобное мы наблюдаем и в русском письме, о чем шла речь в статье в предыдущем выпуске «Тотсборника» (*Кузнецова Н.В.* Запятая после обстоятельств в начале предложения в русских текстах: практика и правила // #ТОТСБОРНИК: Сборник научных трудов по материалам Тотального диктанта. Новосибирск, 2018. Вып. 3. С. 134–148). Как известно, и в русской, и в немецкой пунктуации основным принципом является структурный, но в данном случае пишущий жертвует им в угоду принципу интонационному.

и польских составных императивных конструкциях типа «давай (,) садись» (д-р Наталья Анисимова, Базель). Все названные исследования проводились с опорой на данные языковых корпусов — национальных (типа российского НКРЯ) или локальных, состоящих из нескольких текстов и их переводов. Исследования были посвящены только европейским языкам ², исключение составил лишь доклад д-ра Кун Суна из Тюбингена, который представил модель использования точки (full stop) носителями китайского в текстах на родном языке.

На конференции был и один концептуальный доклад. Д-р Альберт Кран из Милуоки (штат Висконсин, США) обозначил тему своего выступления как «Лингвистика английской пунктуационной системы», однако многие высказанные соображения применимы и к пунктуации в других языках. В частности, вопрос о том, какие знаки считать пунктуационными. Очевидно, что к ним не относятся цифры, амперсанд и т. п. Но как быть со знаками, отмечающими пункты списка, сносками, абзацным отступом? С помощью этих средств оформляется текст, и некоторые авторы включают их в понятие макропунктуации. Но, замечает А. Кран, такие знаки не соотносятся со структурой, смыслом или интонацией предложения, а значит, их невозможно отнести к пунктуации. В число пунктуационных знаков, по мнению автора, включаются, кроме знаков середины и конца предложения, дефис, диакритические знаки (например, знак ударения, который может обозначать и логическое ударение в предложении), а также курсив, полужирный шрифт, прописные буквы; пограничным является знак «/» в случаях типа и/или³. Однако, разумеется, центр пунктуационной системы составляют знаки, оформляющие предложение. Более того, развитие пунктуации оказало ре-

² Здесь уместно вспомнить, что еще в 1935 году Л.В. Щерба в энциклопедической статье «Пунктуация», не потерявшей актуальности до сих пор, констатировал, что в европейских языках развитие пунктуации шло по двум разным путям, в результате чего сложилось два ее типа — французский (куда входят, например, английский и итальянский) и немецкий (к нему относятся русский, польский, чешский). Основное различие этих типов заключается в функциях запятой: в первом типе она встречается реже и выражает обычно «смысловые нюансы», во втором она более частотна и ставится «более или менее по формальным признакам» (*Щерба Л.В.* Пунктуация // Литературная энциклопедия: В 11 т. [М.], 1929–1939. Т. 9. М., 1935. Стб. 366–370. URL: http://feb-web.ru/FEB/LITENC/ENCYCLOP/le9/le9-3661.htm).

³ Ср. широкое понимание пунктуации как «всего того, что (...) идет поверх букв и особых иероглифов (§, №, % и т. п.)». В этом случае в понятие пунктуации включаются, в частности, курсив, полужирный шрифт и сплошные прописные буквы (Pe-форматский A. A. О перекодировании и трансформации коммуникативных систем // Исследования по структурной типологии. М., 1963. С. 208–215).

шающее влияние на формирование понятия предложения (отличного от понятия логического суждения). Написанное предложение, завершающееся точкой или иным конечным знаком, очевидно, для современных носителей европейских языков стало своего рода гештальтом. Кроме горизонтальной оси (поверхностной синтаксической структуры), предложение имеет и ось вертикальную (интонацию), и оба этих измерения оформляются пунктуационными знаками ⁴. Автор считает, что основная цель английской пунктуации — сохранить и сделать видимыми части канонического предложения, структуры «подлежащее — сказуемое — прямое дополнение» (SVO).

Конференция показала, что изучение пунктуации, хотя и находится на периферии лингвистики (в речах организаторов даже звучало выражение punctuation punks / «пунктуационные панки», подчеркивающее маргинальный характер исследований этого объекта), все же имеет перспективу. Особенно актуальными представляются работы, в которых были бы описаны «пунктуационные универсалии», свойственные как буквенному письму, так и иным системам письма; корпусные исследования постановки знаков препинания в разных жанрах; социолингвистические исследования восприятия пунктуационной нормы носителями разных языков. Интересен и вопрос о том, как влияют на систему знаков препинания новые «регистры письма» в интернет-коммуникации. На первый взгляд, в интернет-переписке наблюдается «исчезновение» пунктуации, но на деле все обстоит сложнее, и об этом тоже говорили на конференции. В целом пунктуация сегодня претерпевает изменения, проявляя свойства живого языкового феномена.

N. V. Kuznetsova

THE «PUNCTUATION SEEN INTERNATIONALLY. SYSTEM — NORM — PRACTICES» CONFERENCE (Regensburg, 3–4 May 2019)

The University of Regensburg hosted an international conference on punctuation. The conference showed the prospects for the study of punctuation in the aspects of norm and usus; in comparative, didactic and general theoretical aspects.

Keywords: punctuation, punctuation system, punctuation norm.

⁴ Ср. взгляд на текст как на сложно организованное пространство, в котором важную роль играет пунктуация, в статье: *Ким И. Е.* Пространственно-кинематическая концепция пунктуации // Кириллица — латиница — гражданица: Коллективная монография. Великий Новгород, 2009. С. 53–64.

МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА

УДК 811.161.1 + 81'35

Е.В. Арутюнова, В.М. Пахомов

КРУГЛЫЙ СТОЛ «КТО И КАК СОЗДАЕТ ПРАВИЛА ОРФОГРАФИИ» В РАМКАХ VII МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ТОТАЛЬНОГО ДИКТАНТА «ДИНАМИЧЕСКИЕ ПРОПЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ»

В статье представлен обзор выступлений, прозвучавших на круглом столе «Мелочовка и речовка на Ютубе/Ютьюбе: кто и как создает правила орфографии». Круглый стол прошел в рамках VII Международной научно-практической конференции Тотального диктанта «Динамические процессы в современном русском языке» (Новосибирск, 31 января — 2 февраля 2019 г.).

Ключевые слова: Орфографическая комиссия, орфография, кодификация, грамотность, Тотальный диктант, орфографические ресурсы, «Академос», информационно-поисковая система «Орфографическое комментирование русского словаря».

Кодифицировать слово — как бабочку приколоть.

О. Е. Иванова

31 января 2019 г. в рамках конференции Тотального диктанта в Новосибирском государственном университете прошел круглый стол «Мелочовка и речовка на Ютубе/Ютьюбе: кто и как создает правила орфографии». В аудитории, где в 2004 г. впервые был написан Тотальный диктант, собрались члены Орфографической комиссии РАН, а также филологи и организаторы Тотального диктанта со всего мира. Модерировала круглый стол О.И. Северская, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела корпусной лингвистики и лингвистической поэтики Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, ведущая программы «Говорим

[©] Е.В. Арутюнова, В.М. Пахомов, 2019

по-русски!» на радио «Эхо Москвы», которая и задала вектор диалога ученых с аудиторией: Для многих правила орфографии — нечто незыблемое, что почему-то то и дело хотят «испортить» языковеды. Поэтому очень важно показать, как живут слова в языке, как фиксируется норма, как орфографисты реагируют на происходящие в речи изменения.

Орфографическая комиссия: истоки и задачи

Открыл круглый стол **А.Д. Шмелёв**, доктор филологических наук, председатель Орфографической комиссии РАН, заведующий отделом культуры русской речи Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН. Он очертил круг вопросов, которыми занимается Орфографическая комиссия. По его словам, первая задача комиссии — выбрать, какое написание слова станет единственно верным из череды вариантов, которые образовались до определения нормы. И здесь практически никогда не обходится без филологической дискуссии. А вторая — сформулировать такое правило, которое не упустит ни один нюанс использования слова и не вызовет разночтений со стороны носителя языка.

С.Д. Друговейко-Должанская, член Орфографической комиссии РАН, преподаватель СПбГУ, научный руководитель портала «Культура письменной речи» (gramma.ru), член Экспертного совета Тотального диктанта, рассказала о принципах русской орфографии и об истории орфографической реформы 1917—1918 гг. Она напомнила, что к концу XIX в. не было ни одного писателя или издания, которые не сетовали бы на разнобой в русской орфографии. Уже в 1900 г. свои проекты реформы русского письма предложили Московское и Казанское педагогические общества. А в 1904 г. при Отделении русского языка и словесности Академии наук была создана Орфографическая комиссия. Перед учеными была поставлена задача упрощения русского письма (прежде всего — в интересах школы). Результатом работы комиссии стал проект новых правил правописания, большая часть которых и была утверждена реформой 1917—1918 гг.

Продолжила рассказ об истории орфографического строительства **Е.В. Арутюнова**, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, член Орфографической комиссии РАН и Экспертного совета Тотального диктанта: *Реформа* 1917—1918 годов освободила русское письмо от многих орфографических архаизмов — букв, окончаний, правил, которые не поддерживались живым языком. Но она не помогла в разрешении другой проблемы — колебаний в написании одних и тех же слов. Например, писали: «дощатый» и «до-

счатый», «няньчить» и «нянчить», «пенснэ» и «пенсне», «илюстрация» и «иллюстрация», «во свояси» и «во-свояси». Орфографические комиссии 30–50-х годов XX века постепенно выработали новый вектор орфографической политики — упорядочение орфографии, унификация колеблющихся написаний, установление единой нормы. Реализации этой задачи способствовали сначала орфографический словарь для школьников Д. Н. Ушакова, издававшийся с 1934 года, затем академический «Орфографический словарь русского языка», выходивший с 1956 по 1998 год, и «Правила русской орфографии и пунктуации» 1956 года.

Орфография в университете и в интернете

Коллеги занимаются нормой, и это великий труд, — считает С.М. Евграфова, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка РГГУ, член московской экспертной комиссии Тотального диктанта. — Это попытка сохранить культурные единицы. Ведь у многих молодых людей существуют как бы два разных языка: один — свой, на котором они говорят, ругаются и дружат, а другой — «наш», взрослый и скучный. И если мы хотим сохранить грамотную речь, нам нужно придумать, как делать грамотность модной. Тем ценнее становится в этом свете Тотальный диктант, который помогает рассказывать о грамотности свежо, легко и без морализаторства.

Комментирует В.М. Пахомов, кандидат филологических наук, научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, главный редактор портала «Грамота.ру», член Орфографической комиссии РАН и Экспертного совета Тотального диктанта: Сегодня «Грамота.ру» — своеобразный мост между лингвистами и носителями языка. С одной стороны, мы транслируем предписания лингвистов в массы, даем рекомендации с опорой на академические словари и справочники. С другой стороны, мы получаем обратную связь от носителей языка: они находят лакуны и противоречия в академических лингвистических источниках, задают нам вопросы о написании новых слов или конструкций. Например, как писать фразу: «Вот-те раз» или «Вот те раз»? Первое написание приведено в полном академическом справочнике «Правила русской орфографии и пунктуации», второе — в академическом «Русском орфографическом словаре», где особо подчеркивается, что «те» в сочетании «Вот те раз» — сокращение от «тебе», а не частица, присоединяемая дефисом. И такое разночтение мы обнаружили благодаря посетителям портала.

Не любое отступление от орфографических норм является ошибкой. Иногда пишущие сознательно выбирают неправильный вариант, и этому явлению у лингвистов есть объяснение. По словам М.М. Ровинской, заместителя руководителя школы филологии НИУ ВШЭ, члена Орфографической комиссии РАН, есть несколько ситуаций, когда отклонение от орфографической нормы не является ошибкой. В их числе и ситуация языковой игры, когда правила нарушаются сознательно, и случаи, когда слово осваивается языком, написание колеблется и кодификация может не соответствовать узусу. Кроме того, М.М. Ровинская затронула в своем выступлении еще одну важную лингвистическую проблему: как фиксировать орфографическую норму для слов, находящихся за рамками литературного языка?

По ту сторону орфографического словаря: аспекты работы кодификаторов

В русской орфографии немало сложных мест, каждый носитель языка без труда их назовет. Это правописание *н/нн*, слитное и раздельное употребление *не* с разными частями речи, выбор строчной или прописной буквы. Один из самых актуальных вопросов современного русского письма — орфография недавно заимствованных слов, например: «кешбэк», «воркаут», «батл». Как происходит кодификация новых слов? На этот вопрос отвечают ученые — авторы правил и словарей.

Е.В. Бешенкова, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела культуры русской речи Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, член Орфографической комиссии РАН, рассказала о проблемах нормирования орфографии и принципах кодификации. Она напомнила, что в середине XX века написания множества слов были приведены в соответствие с введенными правилами, что абсолютное большинство слов, фиксировавшихся в разных написаниях, со временем установились в едином написании (хотя для некоторых слов понадобилось более полувека, чтобы варианты исчезли из обычной практики письма). Однако орфография некоторых слов — и новых, и давно пришедших в язык — продолжает колебаться в сегодняшней практике грамотных пишущих. Такая ситуация естественна, но означает ли это, что нужно признать как норму варианты написания? Категорически нет. Варианты не позволяют достичь согласия участников коммуникации, а значит, ее успешности. Варианты оставляют пишущего перед мучительным выбором одного из двух.

Как орфографисты-кодификаторы устанавливают нормативную форму новых слов? Кодифицировать слово — как бабочку приколоть, — отмечает О. Е. Иванова, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела культуры русской речи Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, член Орфографической комиссии РАН, редактор «Русского орфографического словаря». — Процесс орфографической кодификации слов сейчас — в XXI веке — проходит совсем в других условиях, нежели раньше. Слова еще колеблются, еще не решили, «как будем писаться», а их приходится «прикалывать булавкой» в орфографическом словаре. При кодификации слов-новичков велика опасность переполнить словарь неустоявшимися в своей грамматике и орфографии единицами. На примере слова «экзитпол» О. Е. Иванова показала, как непросто определить нормативное написание слов-одиночек, которые невозможно отнести к каким-либо правилам.

Тему кодификации заимствованных слов продолжила **И.В. Нечаева**, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, член Орфографической комиссии РАН. Она рассказала о самых сложных проблемах, связанных с орфографическим оформлением иноязычных слов: о выборе между одиночной и удвоенной согласной, между «е» и «э» после согласных, между слитным и дефисным написанием.

«Словарь — это попутчик каждого грамотного человека»

Ю.А. Сафонова, кандидат филологических наук, научный консультант портала «Грамота.ру», автор и ведущая программ «Русский устный» и «Грамотей» на радио «Голос России», член Экспертного совета Тотального диктанта, напоминает о том, какую важную роль в жизни общества играют результаты работы орфографистов: Социальная ответственность не только журналистов, но и всех пишущих — постоянно, стабильно использовать словари и не доверять своей памяти и интуиции. Кодификаторы делают труднейшую работу, необходимо использовать ее результаты! Словарь — это попутчик каждого грамотного человека.

Подытожила разговор об орфографических словарях **Е.Я. Шмелёва**, кандидат филологических наук, заместитель директора по научной работе Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН. Она представила академические орфографические ресурсы, подготовленные в институте. Это научно-информационный «Орфографический академический ресурс АКАДЕМОС», содержащий нормативное написание более чем 200 тысяч единиц русского языка и постоянно пополняемый новой лексикой, а также

информационно-поисковая система «Орфографическое комментирование русского словаря», которая позволяет узнать не только как пишется слово, но и почему оно пишется именно так, а не иначе.

E. V. Arutyunova, V. M. Pakhomov

"WHO CREATES THE RULES OF ORTHOGRAPHY AND HOW?" ROUNDTABLE OF THE II INTERNATIONAL SCIENTIFIC-PRACTICAL CONFERENCE ON DYNAMIC PROCESSES IN MODERN RUSSIAN BY TOTAL DICTATION

The article provides a digest of the speeches presented at the "Melochovka and rechovka on YouTube: who creates the rules of orthography and how?" roundtable held within the II International scientific-practical conference on Dynamic processes in modern Russian by Total dictation (Novosibirsk, January 31 — February 2 2019).

Keywords: spelling commission, orthography, codification, literacy, Total dictation, orthographic resources, Academos, "Orthographic commentary on a Russian dictionary" search system.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Арутнонова Елена Вячеславовна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, заместитель главного редактора справочно-информационного портала «Грамота.ру», член Орфографической комиссии РАН, г. Москва, Россия (arutyunova.elena@gmail.com).

Бокарева Юлия Михайловна — кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка и методики его преподавания Новосибирского государственного педагогического университета, г. Новосибирск, Россия (yuliamihail@mail.ru).

Высоцкая Ирина Всеволодовна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории журналистики Новосибирского государственного университета, г. Новосибирск, Россия (vysotskaya@mail.ru).

Григорьева Татьяна Михайловна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и речевой коммуникации Сибирского федерального университета, г. Красноярск, Россия (gtm1955-2011@mail.ru)

Денисова Эльвира Степановна — кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики и риторики Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций Кемеровского государственного университета, г. Кемерово, Россия (elvdenisova@yandex.ru).

Друговейко-Должанская Светлана Викторовна — старший преподаватель кафедры русского языка филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, старший научный сотрудник Института прикладной русистики РГПУ им. А.И. Герцена, член Орфографической комиссии РАН, г. Санкт-Петербург, Россия (s.drugoveyko@gmail.com).

Дудина Елена Петровна — кандидат филологических наук, преподаватель русского языка профессионального образовательного учреждения «Северодвинский колледж управления и информационных технологий», г. Северодвинск, Россия (nordznan@yandex.ru).

Евграфова Светлана Маратовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка факультета теоретической и прикладной лингвистики Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва, Россия (evgraffs@yandex.ru).

Емельянова Елена Владимировна — кандидат педагогических наук, доцент Казахско-Русского Международного университета, директор Русского Центра, г. Актобе, Республика Казахстан (jemeljanowa@mail.ru).

Жукова Татьяна Валериевна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и литературы Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета имени В. М. Шукшина, г. Бийск, Россия (zukowat@mail.ru).

Канакина Галина Ивановна — кандидат педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка и методики преподавания русского языка Пензенского государственного университета, г. Пенза, Россия (kanakina-kafedra@mail.ru).

Ким Игорь Ефимович — доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Новосибирского государственного университета, заместитель директора Института филологии Сибирского отделения РАН, главный научный сотрудник сектора русского языка в Сибири Института филологии Сибирского отделения РАН, г. Новосибирск, Россия (kimkim27601@yandex.ru).

Кошкарёва Наталья Борисовна — доктор филологических наук, профессор, член Орфографической комиссии РАН, главный научный сотрудник Института филологии СО РАН, заведующая кафедрой общего и русского языкознания Гуманитарного института Новосибирского государственного университета, г. Новосибирск, Россия (koshkar nb@mail.ru).

Кузнецова Наталья Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Института социально-гуманитарных наук Тюменского государственного университета, г. Тюмень, Россия (nvkouznets@gmail.com).

Курулёнок Андрей Александрович — кандидат филологических наук, доцент Чжецзянского университета иностранных языков Юесю, г. Шао-син, Китай (kurulyenok@mail.ru).

Курулёнок Юлия Сергеевна — преподаватель Чжецзянского университета иностранных языков Юесю, г. Шаосин, Китай (yuliaruda@mail.ru).

Николенкова Наталья Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, член Орфографической комиссии РАН, г. Москва, Россия (natanik2004@mail.ru).

Руднев Дмитрий Владимирович — доктор филологических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия (rudnevd@mail.ru).

Сафонова Юлия Александровна — кандидат филологических наук, доцент, ведущая передачи «Русский устный» (Радиостанция «Спутник», МИА «Россия сегодня»), научный консультант портала «Грамота.ру», г. Москва, Россия (nsafo@mail.ru). Северская Ольга Игоревна — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела корпусной лингвистики и лингвистической поэтики Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, г. Москва, Россия (oseverskaya@yandex.ru).

Таргонская Елена Петровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка и межкультурной коммуникации Новосибирского государственного педагогического университета, г. Новосибирск, Россия (2958757259@qq.com).

Терентьева Анастасия Олеговна — студент-магистрант, старший лаборант кафедры русского языка и литературы Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета имени В. М. Шукшина, г. Бийск, Россия (LilitFF@yandex.ru).

Чабаненко Марина Геннадьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций Кемеровского государственного университета, г. Кемерово, Россия (kemsu@list.ru).

УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ

Арутюнова Е.В55, 176	Кузнецова Н.В	171
Бокарева Ю. М	Курулёнок А. А.	157
Высоцкая И.В126	Курулёнок Ю.С	
Григорьева Т. М 104	Николенкова Н. В	89
Денисова Э.С71	Пахомов В. М	176
Друговейко-Должанская С.В 134	Руднев Д. В	134
Дудина Е.П81	Сафонова Ю. А	28
Евграфова С. М	Северская О. И	46, 126
Емельянова Е.В149	Таргонская Е. П	164
Жукова Т. В	Терентьева А.О	37
Канакина Г.И141	Чабаненко М. Г	71
V _{ти} И Е 115		

Научное издание

#ТОТСБОРНИК

Сборник научных трудов по материалам Тотального диктанта

Выпуск 4

Редактор А. С. Терёшкина Верстка А. С. Терёшкиной Обложка А. Веселова

Подписано в печать 09.12.2019. Формат 60×90/16. Уч.-изд. л. 12. Тираж 600 экз. Заказ №

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2–953000.

ООО «Издательство «Словари XXI века». 105082, Москва, Переведеновский пер., д. 13, стр. 4.

Отпечатано в ООО «Паблит». 127282, г. Москва, ул. Полярная, д. 31в, стр. 1.